
Старец Паисий
ОТЦЫ -
СВЯТОГОРЦЫ
И СВЯТОГОРСКИЕ
ИСТОРИИ

ОТЦЫ-СВЯТОГОРЦЫ И СВЯТОГОРСКИЕ ИСТОРИИ

Старец Паисий

ОТЦЫ-СВЯТОГОРЦЫ И СВЯТОГОРСКИЕ ИСТОРИИ

Свято-Троицкая Сергиева Лавра
2001

По благословению
Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси Алексия II

Перевод с новогреческого
Сергея Говоруна

Греческое издание:
Μοναχοῦ Παϊσίου Ἁγιορείτου «Ἁγιορεῖται Πατέρες καί Ἁγιορείτικα». Ἔκδοση Ἱεροῦ Ἡσυχαστηρίου «Εὐαγγελιστής Ἰωάννης ὁ Θεολόγος», Σουρωτή Θεσσαλονίκης.

1η ἔκδοση — 1993.
4η ἔκδοση — 1995.

Предисловие

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа

Я мучаюсь угрызениями совести из-за того, что не делал никаких записей с подробностями рассказов об отцах, прославившихся своими добродетелями и живших в недавнее время, всего, что поведали мне благочестивые старцы, когда я был еще новоначальным монахом. Также мне совестно за то, что по своему нерадению я не сохранил — даже в памяти — все те необыкновенные события, которые происходили с этими святыми монахами и о которых они, ради моей духовной пользы, рассказывали мне с присущей им простотой.

Монахов того времени отличали великая вера и простота. Хотя большинство из них были малограмотны, благодаря своему смирению и подвижническому духу они непрестанно просвещались Духом Святым. В наше же время, когда познания столь умножились, логика, увы, подвинула веру с ее оснований, наполнив души людей вопросами и сомнениями. Следующим же шагом будет то, что мы лишимся чудес, потому что чудеса нужно переживать, а не объяснять логически.

Мирской дух, господствующий теперь среди людей, которые все свои старания направили на то, чтобы сделать свою жизнь как можно лучше, иметь больше удобств и меньше труда, как это ни прискорбно, повлиял также на большинство духовных людей, вслед за всеми устремившихся к тому, чтобы получить освящение, затрачивая при этом как можно меньше усилий, чего не может быть никогда, потому что «святые отдавали кровь и принимали

дух»[1]. Поэтому, несмотря на всю радость, которую испытываешь от того, что сегодня наблюдается возвращение к святым отцам и монашеству, несмотря на все восхищение нашей замечательной молодежью, которая посвящает себя духовным идеалам[2], сожалеешь, видя, что этому доброму тесту недостает соответствующей духовной закваски, из-за чего оно плохо поднимается, и хлеб из него получается пресный.

Раньше, лет двадцать назад[3], в уделе Божией Матери[4] можно еще было отыскать простоту, и аромат этой простоты притягивал к себе множество благочестивых людей, которые собирали ее подобно пчелкам. Затем они передавали часть этого духовного богатства другим людям, чтобы те тоже получили для себя какую-то пользу. Куда бы ты ни пошел, всюду можно было услышать о чудесах и необычайных явлениях, о которых рассказывали с большой простотой, потому что отцы считали все это чем-то естественным.

Живя в такой благодатной духовной атмосфере, нельзя было допустить даже помысла сомнения в

---

[1]См.: Свт. Иоанн Златоуст «Толкование на 118-й псалом». Здесь и далее примечания переводчика.

[2]Это оживление духовной жизни изменило печальное положение, сложившееся в Греческой Церкви ко второй половине двадцатого столетия, когда здесь господствовала идеология так называемых «внецерковных организаций», или «братств». Согласно этой, по своей сути протестантской, идеологии, монашество считалось явлением, чуждым Церкви. Святые отцы, особенно те из них, которые писали о глубинах духовной жизни, были преданы забвению. Основная задача Церкви виделась лишь в социальном служении. Только в конце 60-х — начале 70-х годов эта идеология стала изживать себя, и началось возвращение к святоотеческой традиции. Это проявилось в том, что множество молодых людей пришло в монастыри, благодаря чему произошло возрождение монашества, в том числе и на Афоне, где до этого число монахов было очень невелико.

[3]Книга была написана в 1980-м году, поэтому имеется в виду начало шестидесятых годов.

[4]То есть на Святой Горе Афонской. Слово περιβόλι, переводимое здесь как «удел», означает также «сад». Поэтому далее, в тех местах, где говорится о «саде Божией Матери», имеется в виду Святая Гора Афон.

том, что слышал, потому что и сам ты мог увидеть нечто подобное. Но вместе с тем не приходил помысл и записать все эти чудесные события или хотя бы удержать их в памяти для последующих поколений, потому что, как тогда казалось, это святоотеческое состояние продлится еще долго. Откуда нам было знать, что уже через несколько лет большинство людей от многой образованности обезобразится, так как знания станут преподаваться в духе безбожия, и люди не будут просвещаться Духом Божиим, Который освящает и внешнюю образованность, и что неверие достигнет таких размеров, что чудеса будут считаться сказками древних времен? Конечно, когда врач — безбожник, тогда, сколько бы он ни обследовал какого-нибудь святого с помощью различных научных методов и технических средств (рентгеном и т.д.), ему никогда не удастся различить действия благодати Божией. Тогда как, если он и сам причастен святости, сможет увидеть свечение Божией благодати.

Чтобы нарисовать живую картину благодати и сделать для читателей более понятным святоотеческий дух, который господствовал еще несколько лет назад, я для примера приведу несколько случаев, которые произошли с простыми монахами того времени.

Когда я был еще новоначальным монахом и жил в Эсфигменском монастыре, благочестивый отец Дорофей рассказывал мне, что в монастырский приют приходил помогать старчик, имевший такую простоту, что считал Вознесение, являющееся престольным праздником этой обители, одной из великих святых, как, например, святая Варвара[1]. Поэтому, молясь по четкам, он читал и такую молитву: «Святая Божия, моли Бога о нас!» Однажды в приют пришел больной брат, однако в тот момент там не нашлось пищи, чтобы он смог ею подкрепиться. Тогда наш старчик быстренько сбежал по ступенькам вниз, спустился в подвал, просунул через окошко, выходившее на мо-

[1]Греческое слово 'Ανάληψη (Аналипси) — «Вознесение» — относится к женскому роду, поэтому старец принял его за имя святой.

ре, руки и попросил: «Святая моя Аналипсия, подай мне рыбку для брата!» И, о чудо! Большая рыбина вдруг выпрыгнула из воды прямо ему в руки. Он же как ни в чем не бывало взял ее и, радуясь, приготовил ее в утешение своему брату.

Тот же старец рассказал мне о другом монахе (которого, кажется, звали Пахомий), удалившемся ради более высокого подвига в Капсалу[1] и достигшем там высокой меры преуспеяния духовного. Однажды монах из той же обители[2] раздобыл где-то две рыбины и принялся их чистить, намереваясь затем отнести их этому пустыннику. Однако в это время одну рыбину у него внезапно выхватил ворон и понес ее отцу Пахомию в Капсалу, которая находится на расстоянии пяти с половиной часов ходьбы. Отец Пахомий получил от Бога извещение о посещении брата, и в тот момент, когда он думал, чем ему угостить гостя, ворон принес рыбину. Когда монастырский брат пришел к нему и узнал о том, что произошло, то тоже прославил Бога, Который и в наше время питает Своих людей с помощью ворона, как некогда пророка Илию.

Также в монастыре Кутлумуш несколько лет назад жил один старец, отец Харалампий, очень простой и очень усердный как в духовной жизни, так и в послушаниях, которых у него было, кажется, больше, чем у всех остальных, потому что в то время в монастыре оставалось мало монахов, да и те были старые. В числе прочего на нем была и библиотека. Однако затем у него пришлось забрать это послушание, потому что он никогда не запирал ее дверей. Он говорил: «Пусть люди читают книги». Ему даже в голову не приходило, что есть такие, которые могут украсть книгу. Он имел совершенную невинность и простоту. Помимо своих многочисленных послушаний, он также сажал деревья для будущих монахов, потому

---

[1]Местность, находящаяся неподалеку от Кареи — своеобразной столицы Афона, его административного центра. Здесь живут главным образом монахи-отшельники.

[2]То есть Эсфигменской.

что верил, что монастырь Кутлумуш еще возродится. Руки у него неустанно работали на благо других, а ум и сердце духовно трудились в непрестанной молитве: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». На службу он всегда приходил первым; при этом на его ответственности был один из клиросов. Пока канонарх канонаршил возле другого клироса, отец Харалампий быстро-быстро повторял молитву Иисусову, чтобы не прерывать своей непрестанной молитвы.

Так он и жил, неослабно подвизаясь в труде и молитве. Но вот однажды он заболел гриппом и слег в постель. Врач сказал отцам, чтобы они не отлучались от него, потому что он вот-вот умрет. Отец Харалампий, услышав это из-под своих одеял, ответил: «Что ты такое говоришь?! Я не умру, пока не придет Пасха и пока я не спою «Христос воскресе...».

И действительно, прошло почти два месяца, пока не наступила Пасха. Тогда он спел «Христос воскресе...», причастился и упокоился. Этот ревностный и простой старец стал истинным чадом Божиим, и сам вместе с Господом назначил себе день смерти.

В Иверском скиту[1] отец Николай из общины Маркианов рассказывал мне об одном монахе, который

---

[1]Имеется в виду скит св. Иоанна Предтечи, основанный в 1734 году и подчиняющийся Иверскому монастырю.

Скитом изначально называлась одна из пустынь Нижнего Египта, которая вместе с Нитрийской пустыней и Келлиями стала колыбелью монашества. Эта египетская пустыня дала название всем прочим скитам. В греческой традиции понятие «скит» имеет несколько иное значение, чем в русской, и более близко к египетской традиции. Скиты Святой Горы, которых сейчас насчитывается двенадцать, являются монашескими образованиями, которые подчиняются каждый своему монастырю. Скит состоит из множества калив — небольших монашеских общин, собранных (каждая) вокруг своего старца и живущих обособленно друг от друга. Все монахи скита обычно собираются вместе по воскресным и праздничным дням для совершения богослужения в главном храме скита, который называется кириакон. Скит управляется «дикеем» — монахом, избираемым всем скитом сроком, как правило, на один год.

отличался такой же детской простотой. Однажды, когда в их каливе[1] пересох колодец, он опустил в него на бечевке икону Святителя Николая со словами «Святителю отче Николае, если хочешь, чтобы я и дальше продолжал зажигать перед тобою лампадку, поднимись вместе с водой — ты же можешь это сделать. Видишь, сколько людей приходит к нам, а у нас для них нет студеной воды».

И, о чудо! Вода постепенно начала подниматься, а вместе с нею и икона Святителя, пока монах не смог взять ее в руки. После этого он с благоговением облобызал ее и отнес назад в храм. (Это произошло около пятидесяти лет назад.)

В том же скиту, немного выше той самой каливы, расположена келлия святых апостолов, в которой сейчас живут два монаха, братья по плоти. В этой общине некогда жил отец Пахомий. На его лице была явственно запечатлена святость. Он был и очень простым и совершенно неграмотным, но исполненным благодати. Когда он приходил на праздники в кириакон скита, никогда не садился в стасидию[2], но все время, даже на всенощных бдениях[3], стоял на но-

---

[1]Калива (буквально «хижина») — обособленная келлия, в которой живет небольшая община монахов от двух до семи человек во главе со старцем. Она обычно имеет несколько помещений и маленькую церковь. Несколько калив составляют скит. Бывают также одиночные каливы, не входящие ни в один скит, но все равно подчиняющиеся какому-либо монастырю. Старец является духовным руководителем монахов, живущих в каливе. Подчиненные ему монахи называются послушниками — независимо от сана, который они имеют. Например, послушник может быть архимандритом, а его старец — простым монахом. При этом послушников (ὑποτακτικός) следует отличать от проходящих испытательный срок (δόκιμος μοναχός). Послушники, как правило, — это те, которые уже приняли монашеский постриг, а проходящие испытательный срок лишь готовятся принять монашество.

[2]Стасидии — специальные деревянные кресла с подлокотниками и откидным сиденьем, в которых можно и стоять, и сидеть, устанавливаемые в храмах, главным образом монастырских.

[3]Всенощные бдения на Афоне, как и везде в Греции, совершаются ночью и являются продолжительными службами.

гах, читая молитву Иисусову. Когда кто-нибудь спрашивал его: «Что сейчас читают за службой?» — он отвечал: «Псалтирь, Псалтирь читают отцы».

Для него все было Псалтирью. И петь он ничего не умел, кроме «Христос воскресе...», которое пел на Пасху. Тем не менее он был всегда готов исполнять волю других и не имел своей собственной воли.

Как бы кто сильно ни печалился, завидев отца Пахомия, тут же переставал скорбеть. Все его любили, даже змеи, которые его не боялись и не прятались от него. В окрестностях его каливы водилось множество змей, так как там вокруг было много воды. Два других монаха боялись змей, а отец Пахомий с улыбкой подходил к этим тварям, брал их в руки и выносил за ограду.

Однажды, когда он спешил в каливу Маркианов, то по пути нашел большую змею, которую обвязал вокруг талии, как пояс, чтобы сначала закончить свои дела, а затем вынести ее прочь. Отец Иаков, увидев его в таком виде, испугался, чему отец Пахомий очень удивился. Потом он говорил мне:

— И что они так боятся змей?! Мой отец Андрей боится даже скорпионов! А я скорпионов собираю в пригоршню и выношу их вон, за пределы каливы. Сейчас, когда руки у меня трясутся из-за паркинсона[1], больших змей я просто выволакиваю.

Я спросил у старца:

— Отец Пахомий, почему змеи тебя не кусают?

На это он мне ответил:

— Где-то в каком-то месте Писания Иисус Христос говорит: «Если имеешь веру, то берешь руками змей и скорпионов, и они тебе не вредят»[2].

Этот святой монах, отец Пахомий, упокоился 22 октября 1967 года, за год до кончины отца Тихона,

---

[1]Речь идет о болезни Паркинсона, проявляющейся среди прочего и в дрожании рук.

[2]Имеется в виду евангельский текст: Лк. 10, 19.

о котором я поведу речь дальше, точно так же, как и о других преподобных отцах, которые с ревностью подвизались в уделе Божией Матери и стяжали с помощью своей Доброй Матери, Пречистой Девы, непорочность. Они — эти «десантники»[1] нашей Церкви — стали воинами Христовыми, победили свои страсти, уничтожили врага — диавола и получили от Христа нетленные венцы.

Со многими из них я был знаком лично, и при этом близко; однако, увы, не подражал им, и теперь духовно нахожусь далеко от них. Поэтому я от всего сердца прошу всех, кто будет читать об их подвигах в жизни по Богу, подражать им, а также молиться обо мне, окаянном Паисии. Аминь.

---

[1]Десантники — здесь: отборный отряд воинов.

Отец Тихон

Отец Тихон родился в России, в деревне Новая Михайловка[1], в 1884 году. Родители его, Павел и Елена, были людьми благочестивыми, а потому, естественно, и сын их, которого в миру звали Тимофеем, унаследовал их благоговение и любовь к Богу и с самого детства восхотел посвятить себя Ему.

Родители видели у своего чада великую ревность о Господе, но не решались дать ему благословение идти в монастырь, потому что он был крепок телом и имел живой характер. Они хотели, чтобы Тимофей повзрослел и умом, а затем уже решал, что ему делать. Тем не менее они благословили его на паломничество по монастырям на протяжении трех лет — с семнадцати до двадцати лет. Тогда он совершил длительное паломничество по обителям России и побывал приблизительно в двухстах монастырях. При их посещении он, несмотря на усталость от пути, не принимал тех услуг, которые оказывали странникам, с тем чтобы и самому иметь возможность подвизаться, и других не отягощать.

Однако как-то раз, оказавшись в одном селении, он сильно ослабел от голода, потому что в той местности ели только ржаной хлеб. Так как Тимофей не ел ничего, кроме хлеба, а ржаной хлеб имел неприятный запах и был похож на глину[2], юноша не мог его есть и совершенно выбился из сил. Тогда он пошел к пекарю, к которому и до этого уже ходил, с тем что-

---

[1]Она находилась на территории современной Волгоградской области.

[2]Мнение грека о ржаном хлебе, который в Греции не едят.

бы еще раз попросить у него белого хлеба, потому что думал, что тот у себя должен был иметь хороший хлеб. Однако пекарь, еще издали заметив Тимофея, прогнал его.

Огорченный и обессилевший юноша нашел укромное место и со всей своей детской простотой взмолился: «Пресвятая Богородице, помоги мне, потому что я умру на дороге раньше, чем стану монахом. Не могу я есть этот хлеб». Не успел он закончить молитву, как внезапно является ему некая Дева со светлым лицом, дает ему булку белого хлеба и тут же исчезает! Тимофей растерялся. Он ничего не мог понять. В голове у него проносились различные догадки. Одна из них — может быть, дочь пекаря услышала его, пожалела и уговорила своего отца дать ему немного хорошего хлеба. Тогда юноша опять встал и пошел, чтобы поблагодарить его. Однако пекарь подумал, что Тимофей издевается над ним, и, разгневавшись, накинулся на него с руганью: «Иди прочь отсюда! Нет у меня ни жены, ни дочери!»

Святая гора Афон. Калиагра

После этого, поев благословенного хлеба и укрепившись также духовно, Тимофей продолжил свое паломничество по монастырям. Однако то необъяснимое событие не выходило у него из головы. Он оставался в недоумении еще долгое время, пока один монах не дал ему книгу с русскими чудотворными иконами Божией Матери, в которой он увидел икону пресвятой Богородицы «Кремлевская». Сердце у него затрепетало от благоговения, а глаза наполнились слезами благодарности. Он воскликнул: «Вот эта Дева дала мне белого хлеба!» С тех пор он еще ближе стал ощущать присутствие Пресвятой Богородицы так же, как ребенок чувствует присутствие своей матери.

Посетив монастыри своей Родины, он совершил паломничество на святую гору Синай, где прожил два месяца, а оттуда отправился в Святую Землю, где некоторое время подвизался в пустыне за рекой Иордан. Хотя пребывание на Святой Земле и способствовало укреплению его подвижнического настроения, он не обрел там покоя от суетного мирского духа нашего времени, разрушившего, к сожалению, своей так называемой цивилизацией даже святые пустыннические места, которые должны умиротворять и освящать души. Поэтому он был вынужден уйти оттуда на Святую Гору.

Но тут на него напал искуситель (диавол), узревший на основании своего многовекового опыта, что этот благочестивый юноша много преуспеет в духовной жизни и многим душам поможет спастись. Он попытался сбить его с выбранного пути. Когда тот вернулся из заиорданской пустыни в Иерусалим, чтобы в последний раз поклониться Святому Гробу и попрощаться со своими знакомыми, лукавый воспользовался как своим орудием двумя женщинами, не имевшими страха Божия. Они были землячками Тимофея и пригласили его к себе в дом якобы для того, чтобы передать ему записки с именами для поминовения на Святой Горе. Доверчивый юноша, имея

одни лишь чистые помыслы, поверил этому и пошел с ними. Они же, замкнув за ним дверь, тут же подступили к нему с нечистыми намерениями. Он растерялся, покраснел, оттолкнул их, затем распахнул дверь и выскользнул из их «ястребиных когтей», как новый Иосиф, сохранив свою непорочность.

После этого он пришел на Святую Гору и, подобно невинному цветку, возрос в саду Божией Матери, преуспел и начал благоухать своими добродетелями, как мы увидим это позже.

Его первой обителью стал скит Буразери[1], где он прожил пять лет. Однако, не найдя здесь покоя из-за множества русских паломников, он взял благословение и перешел на Карулю[2], где подвизался на протяжении пятнадцати лет. Все время своего пребывания на Каруле он провел в суровых подвигах. Его рукоделием были большие и малые поклоны в соединении с молитвой Иисусовой и чтением. Книги он брал на время в монастырях, из которых получал также благословение[3] — сухари от «избытков укрух»[4]. В благодарность за это он совершал дополнительно определенное число молитв по четкам. Таким образом он усердно подвизался, чтобы и внутренне стать Ангелом, а не только внешне иметь ангельский образ.

После Карули он перешел на мыс Капсалы (выше Калиагры[5]), в келлию, принадлежавшую монастырю

---

[1]Этот скит, известный также как Белозерка — Белозерский скит, посвящен Святителю Николаю. В то время, когда там подвизался отец Тихон, в скиту жили русские монахи. Сейчас он принадлежит сербскому монастырю Хиландар и населен греческими монахами.

[2]Каруля или, как ее еще называют, «страшная Каруля» — самое неблагоприятное с точки зрения природных условий место на Святой Горе, расположенное на ее южной оконечности. Здесь подвизаются главным образом отшельники.

[3]«Благословением» у греческих монахов называется в том числе любая материальная помощь: продуктами, вещами и т.д.

[4]В греческих монастырях после трапезы читается молитва на благословение «избытков укрух», то есть оставшейся пищи.

[5]Местность неподалеку от Кутлумушского монастыря.

Монастырь Ставроникита

Ставроникита, и принял на себя заботу об одном старце. Когда этот старец умер, он, взяв у него заранее благословение, остался жить в его каливе. С тех пор он не только не ослабил своих духовных подвигов, но еще больше их усилил, за что и получил обилие благодати Божией, подвизаясь с ревностью и великим смирением.

Божественная благодать явила его людям, и многочисленные страждущие начали стекаться к нему за советом и утешением. Некоторые просили его принять священный сан, чтобы он мог еще больше помогать людям, через Таинство исповеди подавая им оставление грехов. Он и сам постепенно убедился, что действительно существует такая необходимость помогать людям, и согласился принять рукоположение.

Однако в его келлии не было храма, хотя он теперь был необходим. Не было у него также денег, но было великое упование на Господа. Итак, он помолился и пошел в Карею, веря, что Бог пошлет ему деньги, необходимые для строительства храма. Не успел еще отец Тихон дойти до Кареи, как издали его заметил дикей русского скита пророка Илии[1] и подозвал к себе. Когда он подошел ближе, тот говорит ему: «Один добрый христианин из Америки прислал мне немного долларов, чтобы я отдал их на строительство храма тому, у кого его нет. У тебя нет храма, поэтому возьми эти деньги себе».

Старец заплакал от волнения и благодарности Богу, поблагодарил также дикея и сказал: «Господь да помилует его», то есть человека Божия, который послал ему это благословение. Благий Господь, как Сердцеведец, позаботился о Своем храме еще прежде, чем старец попросил Его об этом, чтобы тогда, когда он будет просить деньги, они уже были готовы. Бог услышал его, потому что и старец с детства слушался Его и соблюдал заповеди Божии, получая за это небесные благословения.

Затем он нашел двух монахов-строителей, чтобы они, трудясь, в то же время творили молитву[2]. Когда храм был закончен, он освятил его в честь Честного Креста, так как особо почитал его, а также с той целью, чтобы естественным образом избегать храмовых празднеств, потому что в день Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня положен пост, и день этот печальный. Старец не любил престольных праздников, потому что они нарушают безмолвие и отвлекают. Но при этом по своему безмолвническому крестовоскресному уставу духовно

---

[1]Скит, бывший до недавнего времени русским. Относится теперь к монастырю Пантократора.

[2]Обычно строительные работы на Святой Горе выполняются мирскими рабочими. Но для строительства своего храма отец Тихон решил их не нанимать.

он имел праздник каждый день, строго подвизаясь и почти совсем не имея человеческого утешения в ущелье Калиагры, откуда созерцал небо и где переживал райские радости вместе с Ангелами и святыми. Когда кто-либо спрашивал его: «Ты здесь в пустыне живешь один?» — старец отвечал: «Нет, я живу вместе с Ангелами и Архангелами, со всеми святыми, с Божией Матерью и Христом».

Действительно, он постоянно чувствовал присутствие святых и помощь своего Ангела-хранителя. Однажды я пришел к нему и обнаружил, что, поднимаясь по ступенькам, он упал навзничь и застрял в дверях, так как на нем было много одежды. Я с трудом его поднял. Когда после этого я его спросил: «Что бы ты делал сам, старче, если бы меня здесь не оказалось?» — он с удивлением посмотрел на меня и уверенно ответил: «Мой Ангел-хранитель поднял бы меня».

Хотя он жил в пустынном месте один и в келлии у него почти ничего не было, он ничего и не желал иметь, чтобы внутри него пребывал Христос, потому что, где Христос, там рай, и для отца Тихона удел Божией Матери был земным раем.

На протяжении многих лет он не выходил в мир. Однако один раз, когда в Капсале случился пожар, его вместе с другими отцами вынудили поехать в Фессалоники в качестве свидетеля. Когда старец вернулся на Святую Гору, отцы спрашивали его:

— Какими тебе показались город и люди после стольких лет, что ты не видел мира?

Старец отвечал:

— Я видел не город с людьми, но лес с каштановыми деревьями.

Старец достиг такого духовного состояния святости потому, что очень полюбил Христа, смирение и бедность. В его келлии нельзя было увидеть ни одной удобной вещи, которой мог бы пользоваться человек. То, что он имел у себя в келлии, можно было

в любом количестве найти выброшенным где-нибудь в канаве. Однако, какими бы старыми ни были вещи отца Тихона, для духовных людей они имели большую ценность, потому что были освящены. Даже на какие-то его тряпки люди смотрели с благоговением и брали их с собой как благословение. Все старое и неуклюжее, что он носил на себе, не казалось безобразным, так как украшалось внутренней красотой его души. Скуфьи он шил себе сам большой мешочной иглой из кусочков рясы. Несмотря на это, они распространяли вокруг себя бóльшую благодать, чем драгоценные митры владык (если, конечно, в сердце епископа нет «драгоценной жемчужины»[1]).

Однажды посетитель сфотографировал старца, как он был: в скуфье в виде мешочка и в пижаме, которую набросили ему на плечи, чтобы он не мерз. И сейчас смотрящие на эту фотографию отца Тихона думают, что он носил архиерейскую мантию, хотя это всего-навсего старая пестрая пижама.

Очень по душе ему были убогие вещи. Также он любил нестяжательность, которая сделала его свободным и дала ему духовные крылья. И так, с окрыленной душой, он сурово подвизался, не чувствуя телесного труда, как ребенок не ощущает усталости, когда исполняет волю своего отца, но, наоборот, чувствует любовь и нежность отца, которые, конечно, даже мысленно невозможно сравнить с Божественным благодатным утешением.

Как я уже сказал, его рукоделием были духовные подвиги: пост, бдение, молитва, поклоны и так далее, и не только за самого себя, но и за всех (живых и усопших). Когда он уже состарился и не мог подниматься после земного поклона, то привязал высоко толстую веревку и держался за нее, чтобы вставать. Таким образом, он и в старости продолжал делать поклоны, с благоговением поклоняясь Богу. Он соблюдал это правило до тех пор, пока не слег в кровать, после че-

---

[1]См.: Мф. 13, 46.

го, отдохнув двадцать дней, перешел в истинную и Вечную Жизнь, где со Христом отдыхает уже вечно.

До самой старости он постоянно соблюдал то же правило сухоядения, какое имел в молодости. Приготовление пищи он считал пустой тратой времени: хорошо приготовленная еда не соответствует монашеской жизни. Естественно, что после стольких подвигов и при таком его духовном устроении хорошая пища не вызывала у него никаких чувств, ибо в нем обитал Христос, Который услаждал его и питал райской пищей.

Во время своих бесед он всегда говорил о сладком рае, и из его глаз текли слезы умиления. Когда мирские люди спрашивали его о чем-либо, его сердце не отвлекалось на суетное.

То малое, что необходимо было ему для поддержания своего существования, он получал от своего небольшого рукоделия: каждый год он писал по одной Плащанице и получал за это пятьсот или шестьсот драхм[1]. На эти деньги он жил целый год.

Как я уже сказал, вкушал он мало и был очень неприхотливым в пище: одну смокву он разрезал на две части и съедал за два раза. Он говорил мне: «Ох-ох, дитя мое, она слишком большая для меня!» — тогда как мне для насыщения нужно было съесть килограмм таких смокв.

Каждое Рождество старец покупал себе одну селедку, чтобы все радостные дни святок проводить с разрешением на рыбу. Однако скелет от нее он не выбрасывал, а подвешивал на бечевке. Когда приходил Господский или Богородичный праздник и разрешалась рыба, он кипятил в пустой консервной банке немного воды, два или три раза окунал скелет селедки в воду, чтобы вода начала немного пахнуть, и затем бросал в нее немного риса. Так он соблюдал разрешение на рыбу и осуждал себя за то, что в пустыне даже

---

[1]Старец научился иконописи, живя в русском Белозерском скиту.

рыбный суп ест! Скелет он затем опять подвешивал на гвоздь до следующего праздника, вываривал, пока тот не становился белым, и только тогда выбрасывал.

Когда он замечал, что люди относятся к нему с благоговением, огорчался и говорил им: «Я не подвижник, а лжеподвижник».

Только под конец своей жизни он согласился на небольшой уход со стороны тех, кто его особо любил, так как не хотел доставлять им огорчения.

Когда кто-либо жертвовал ему что-нибудь съестное, он держал это у себя, а затем отсылал старцам в Капсалу. Если ему присылали деньги, он отдавал их одному благочестивому бакалейщику, чтобы тот покупал хлеб и раздавал его бедным.

Однажды кто-то прислал ему из Америки денежный перевод. Когда старец забирал его на почте, это заметил один мирянин и, будучи побежден помыслом сребролюбия, ночью пришел в келлию старца, чтобы ограбить его, надеясь найти у него еще и другие деньги. Вор не знал, что даже то, что старец тогда получил, он тотчас же отдал господину Федору, чтобы тот купил хлеба для бедных. Помучив старца, — сдавив ему горло веревкой, — он убедился, что у него действительно нет денег, и собрался уходить. Тогда отец Тихон говорит ему вдогонку: «Бог да простит тебя, дитя мое».

Этот злодей затем пошел к другому старцу с той же целью, однако там был схвачен полицией и сам рассказал, что был также у отца Тихона. Полицейский послал жандарма и попросил старца прийти на допрос, потому что вор должен был предстать перед судом. Старец огорчился и говорит жандарму: «Дитя мое, я простил вора от всего сердца».

Однако тот не придал словам старца ни малейшего значения, так как выполнял приказ, и принуждал его идти вместе с ним: «Давай быстро, старец! Здесь тебе нет ни “прости”, ни “благослови”!»

В конце концов начальник пожалел старца и разрешил ему вернуться из Ериссоса[1] к себе в келлию, потому что он плакал, как малое дитя, думая, что случившееся с ним станет причиной наказания для грабителя.

Когда он вспоминал об этом случае, то не мог своим умом понять происшедшее и говорил мне: «Ох-ох-ох, дитя мое, у этих мирских другой устав! Нет у них ни "благослови", ни "Бог да простит"!»

Сам же старец всегда употреблял слово «благослови» во всех его монашеских значениях, смиренно испрашивая благословения от других, чтобы затем и самому преподать благословение с пожеланием: «Бог да благословит тебя».

После обычного приветствия он заводил посетителей в храм, и они вместе пели «Спаси, Господи, люди Твоя...» и «Достойно есть...» Если была хорошая погода, выходили на улицу, под маслину, и он присаживался с гостями минут на пять. Затем с радостным видом вставал и говорил на ломаном греческом языке: «Я сейчас ... угощение».

Он набирал воды из цистерны и наполнял ею кружку посетителя, затем также наполнял свою жестянку (консервную банку, которую он использовал также в качестве чайничка). Потом находил какой-нибудь лукум, иногда засохший, а иногда изъеденный муравьями, который, будучи благословением отца Тихона, не вызывал никакого отвращения. Приготовив все, старец осенял себя крестным знамением, брал воду и говорил: «Сначала я, благословите!» — и ждал, пока посетитель скажет ему: «Господь да благословит тебя», — иначе же не пил воды. После этого и сам преподавал благословение. Благословение от других он считал необходимостью, причем не только от священников или монахов, но также и от мирян, молодых и старых.

После угощения он ждал, не обратятся ли к нему посетители со своими вопросами. Если же видел, что

[1]Портовое селение, расположенное на Афонском полуострове.

перед ним человек праздный, который пришел только для того, чтобы как-то провести свое время, говорил ему: «Дитя мое, в ад пойдут и ленивые, а не только грешные».

Если же тот оставался и не уходил, старец оставлял его, заходил в храм и начинал молиться, и посетителю в результате приходилось уходить. Когда опять кто-нибудь хотел воспользоваться простотой старца для той или иной своей цели, отец Тихон с помощью Божественного просвещения узнавал это и говорил ему: «Дитя мое, я не знаю по-гречески. Пойди к какому-нибудь греку. Он тебя поймет хорошо».

Конечно, он никогда не жалел сил и времени, если видел у людей духовный интерес. Устами преподавая советы, сердцем и умом он молился. Молитва его была самодейственная, сердечная. Люди, которые приближались к нему, чувствовали это, потому что уходили укрепленными. И старец благословлял их, пока они не исчезали из вида.

Келлия отца Тихона и ее нынешний насельник

Однажды его посетил отец Агафангел Иверит, будучи тогда еще диаконом. Когда он уходил, на дворе стояла тьма, так как еще не рассвело. Отец Тихон предвидел опасность, которая подстерегала диакона, и в этот раз даже поднялся на ограду своей хибарки, непрестанно его благословляя. Дойдя до косогора, диакон увидел, что старец все еще его благословляет. Он пожалел его и крикнул, чтобы тот не утомлял себя и шел в свою келлию. Однако тот невозмутимо, с поднятыми руками, подобно Моисею, продолжал молиться и благословлять. Тем временем, беспечно шествуя по своему пути, диакон внезапно попал в засаду охотников, которые выжидали кабанов. Один охотник выстрелил, но молитвы старца спасли диакона от смерти, а охотника от тюрьмы. Поэтому старец всегда говорил мне: «Дитя мое, никогда не приходи ко мне ночью, потому что ночью ходят звери, а охотники выжидают их в засадах...»

Также другому монаху, который помогал ему как певчий, он говорил, чтобы тот приходил на Божественную литургию утром, с рассветом. Во время же литургии он просил его оставаться в небольшом коридоре за пределами храма и там петь «Господи, помилуй»: он хотел чувствовать себя в полном одиночестве и быть свободным в молитве. Когда начиналась Херувимская песнь, отец Тихон был восхищаем благодатью на двадцать-тридцать минут, так что певец должен был много раз повторять Херувимскую до тех пор, пока не услышит его шаги на Великом Входе. Когда я после этого спрашивал его: «Что ты видишь, старче?» — он мне отвечал: «Херувимы и Серафимы славословят Бога».

Также он говорил: «Меня через полчаса опускает мой Ангел-хранитель, и тогда я продолжаю Божественную литургию».

Некогда его посетил отец Феоклит Дионисиат. Так как двери у отца Тихона были закрыты, а из храма доносилось умилительное пение, он не захотел

беспокоить никого стуком в дверь и решил подождать, пока закончат службу, думая, что поют уже запричастный стих. Вскоре, открыв дверь, к нему вышел отец Тихон. Когда отец Феоклит вошел внутрь, то не нашел там никого. Тогда он понял, что это было ангельское пение.

Когда отец Тихон состарился и немощи все более давали себя знать, совершать Божественную литургию приходили отец Максим и отец Агафангел из Иверского монастыря, находящегося рядом. Они оставляли ему также Святые Дары, потому что он причащался каждый день. Благодаря своей благочестивой жизни он был всегда к этому готов.

Для отца Тихона почти каждый день года был пасхальным, и он всегда жил пасхальной радостью. Постоянно из его уст было слышно: «Слава Тебе, Боже, слава Тебе, Боже». Он и всем советовал: «Будем говорить "Слава Тебе, Боже" не только тогда, когда нам хорошо, но и тогда, когда к нам приходят испытания, ибо Господь попускает их как лекарство для души».

Старец очень скорбел о душах, страдавших от безбожной власти в России. Он говорил мне со слезами на глазах: «Дитя мое, Россия еще несет епитимью от Бога, но все переживет».

О себе старец совсем не заботился. Он также ничего не боялся, потому что имел великий страх Божий (был как бы связан им) и благоговение. Поскольку он подвизался с великим смирением, то не подвергался также опасности духовного падения. Следовательно, как ему можно было чего-либо бояться и что могло его устрашить? Демоны ли, которые трепещут при виде смиренного человека, или смерть, о которой он постоянно думал и к которой с радостью готовился? Он даже вырыл себе могилу, чтобы она была уже готовой, а также поставил крест, который тоже сделал сам, и написал на нем, прозревая время своей кончины, следующее: «Грешный Тихон, иеромонах, 60 лет на Святой Горе. Слава Тебе, Боже».

Всегда со «Слава Тебе, Боже» старец начинал любое дело и «Славой» заканчивал. Уже примирившись с Богом, он больше говорил «Слава Тебе, Боже», чем «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Он жил, как мы видели, в Божественном горнем мире, принимая участие в небесном славословии вместе с Ангелами во время Божественной литургии.

Так как в сердце у него возгорелся пламень Божественной любви, его, как я уже говорил, не волновали суетные вещи. Келлия у него была маленькой. В ней был один столик, на котором стояли иконы, а также неугасимая лампада и кадильница. Рядом висела его схима и потертая ряса. С другой стороны стены висело Распятие, а в углу лежали три доски, служившие ему кроватью, с рваным одеялом вместо матраца. Укрывался он старым стеганым одеялом с вылезшими наружу кусками ваты, которую растаскивали мыши, чтобы устилать себе норы. Сверху так называемой подушки лежало Евангелие и книга с беседами святителя Иоанна Златоуста. Пол его келлии, хотя и был дощатым, казался оштукатуренным, потому что его никогда не подметали. Грязь, попадавшая снаружи, вместе с волосами из бороды и головы, которые падали на протяжении многих лет, образовала настоящую штукатурку.

Отец Тихон придавал значение не очищению келлии, но очищению своей души, поэтому и сподобился стать сосудом благодати Божией. Он постоянно омывал свою душу слезами и пользовался толстыми полотенцами, потому что обычных ему уже не хватало.

Старец достиг высокого духовного состояния. Его душа стала очень чувствительной, но поскольку его ум постоянно пребывал в Боге, он приобрел телесную бесчувственность, и поэтому не испытывал ни малейшего беспокойства ни от мух, ни от комаров, ни от вшей, которых у него были тысячи. Все его тело было искусано, а одежда покрыта красными пятна-

ми. Помысел говорит мне, что, если бы насекомые даже шприцами сосали его кровь, он все равно этого не чувствовал бы. В келлии старца всему предоставлялась полная свобода: от насекомых до мышей.

Однажды один монах, увидев у него всюду снующих мышей, говорит ему:

— Отче, хочешь, я принесу тебе кошку?

Тот ответил:

— Нет, дитя мое, у меня уже есть кошка, в полтора раза больше обычной. Она приходит сюда, и я ее кормлю, глажу, а затем она уходит в свою каливу внизу ложбины и там безмолвствует.

Это была лиса, постоянно посещавшая старца, как добрая соседка.

У него была также дикая кабаниха, которая каждый год выводила потомство возле изгороди его садика, находясь под защитой старца. Когда отец Тихон видел охотников, проходивших в тех местах, то говорил им: «Дети мои, здесь нет больших свиней. Уходите».

Охотники думали, что нет диких кабанов, и уходили.

Святой старец, как заботливый отец, людям давал пищу духовную, а диких зверей кормил тем немногим, что имел. Но еще больше насыщал их своей обильной любовью, а мелким насекомым позволял питаться своей кровью.

Старец был крепкого телосложения, однако от многих подвигов постепенно истощился. Когда кто-либо спрашивал его: «Как поживаешь, старче, здоров ли?», — он отвечал: «Слава Тебе, Боже, хорошо, дитя мое. Я не болею, однако чувствую немощь».

Он очень огорчался, когда видел упитанных юношей, а особенно упитанных монахов, так как тучность несовместима с ангельским образом.

Однажды его посетил очень тучный мирянин и рассказал следующее:

— Старче, я имею телесную брань и нечистые помыслы, которые не дают мне никакого покоя.

Отец Тихон ответил ему:

— Если ты, дитя мое, послушаешься меня, то я с помощью благодати Христовой сделаю тебя Ангелом. Постоянно произноси, дитя мое, молитву: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя», а также проводи все дни на хлебе и воде, лишь в субботу и воскресенье принимая пищу с небольшим количеством постного масла. Делай также по сто пятьдесят поклонов ночью, а после этого прочитывай канон Божией Матери, одну главу из Евангелия и житие святого на этот день.

Через шесть месяцев, когда мирянин опять посетил старца, тот не смог его узнать, потому что он полностью избавился от лишнего веса и с легкостью проходил через узкие двери его храма. Старец спросил его:

— Как сейчас твои дела, дитя мое?

Тот ему ответил:

— Сейчас я действительно чувствую себя, как Ангел, потому что меня не беспокоят ни плоть, ни нечистые помыслы. После того как я похудел, мне стало очень легко.

Такими практическими советами он наставлял людей, искавших его помощи. Кроме приобретенного опыта, он, благодаря своим суровым аскетическим подвигам, получил также Божественное просвещение. После наставлений следовали молитвы, силу которых очень чувствовали его посетители.

Он почти никогда не снимал своей епитрахили, так как часто случалось, что, поднимая ее с одного человека, он тут же простирал ее над другим, снимая с людей их грехи и подавая им облегчение через Таинство Божественной исповеди. То, в чем ему исповедовались, он тут же забывал и, таким образом, всегда видел людей хорошими, имея о всех одни чистые помыслы, так как его сердце и ум очистились.

Однажды один игумен спросил его:

— Старче, который из братий киновии самый чистый?

Отец Тихон ему ответил:

— Отче святый, все братия чисты.

Он никогда не ранил человека, но исцелял его раны бальзамом любви Христовой. Он говорил страждущей душе: «Дитя мое, Христос тебя любит, Он простил тебя. Христос любит больше всего грешников, которые каются и живут в смирении».

Он всегда подчеркивал важность смирения и говорил о нем так: «Один смиренный человек имеет больше благодати, чем множество людей. Каждое утро Бог благословляет мир одной рукой, но, когда видит смиренного человека, благословляет его двумя руками. Да, дитя мое, тот, кто имеет больше смирения, — больше всех!»

Также о девственниках он говорил, что им следует иметь и смирение, иначе они не спасутся одним своим девством, ибо ад переполнен гордыми девственниками.

— Если кто-то превозносится тем, что он девственник, — говорил отец Тихон, — Христос скажет ему: «Так как ты не имеешь также и смирения, ступай в ад». Тогда как тому, кто был грешником, но покаялся и теперь живет смиренно, с сокрушением сердца исповедуя, что является грешником, Христос скажет: «Иди, дитя мое, сюда, в сладчайший рай».

Кроме важности смирения и покаяния, он подчеркивал также важность размышлений о Божественных предметах, то есть того, чтобы ум человека постоянно пребывал в Боге. Также он говорил о необходимости изучения Священного Писания и святоотеческих творений: «Эвергетиноса»[1], «Добротолюбия», Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова, аввы Макария и аввы Исаака.

---

[1]Книга названа так по имени монаха Павла Эвергетиноса, жившего в XI веке и составившего душеполезный сборник из отрывков святоотеческих творений.

— Изучение этих трудов, — повторял старец, — и душу согревает, и ум очищает. И тогда человек начинает ревностно подвизаться, приобретая добродетели. Когда же он не подвизается, то приобретает страсти.

Однажды он спросил меня:

— Ты, дитя мое, какие книги читаешь?

Я ему ответил:

— Авву Исаака.

— Да, дитя мое, это великий святой! Ни одной мушки не убил авва Исаак.

Этими словами старец хотел подчеркнуть великую духовную чувствительность святого.

Отец Тихон старался подражать святому Исааку не только исихастским духом, но и духовным благородством своих чувств, а также тем, что не отягощал собой ни одного человека. Он говорил монахам, что они должны жить аскетической жизнью, освобождать себя от попечений, а не работать, как рабочие, и не есть, как миряне, потому что трудом монаха являются поклоны, пост, молитва, и не только о себе, но и обо всем мире, о живых и об умерших. Работать же нужно немного, чтобы иметь самое необходимое и не отягощать других. Ибо от чрезмерного труда и попечений человек забывает Бога. Старец говорил:

— Фараон давал народу израильскому много труда и еды, чтобы тот забыл Бога.

Перед духовной беседой старец имел обыкновение сначала творить молитву, призывать Духа Святого, чтобы Он просветил его. То же самое он советовал делать и другим. Он говорил: «Господь оставил нам Святого Духа, чтобы Он нас просвещал. Он является Владыкой мира. Поэтому наша Церковь всякое богослужение начинает с молитвы "Царю Небесный, Утешителю, Душе истины"». Когда он говорил так о Святом Духе, лицо его изменялось, и многие благочестивые люди замечали эту перемену.

Некоторые посетители тайком фотографировали старца. Другие же испрашивали на то его благосло-

вение, и он с простотой позволял им это делать. Он немедленно вставал, шел в храм и надевал схиму. В одну руку он брал крест, а другой оправлял свою длинную бороду, собирая ее в пучок, и выглядел таким образом, как настоящий патриарх Авраам, особенно в последние годы своей жизни, когда стал полностью убеленным как внутри, так и снаружи. Приготовившись к фотографированию, он становился под маслиной, будучи в этот момент похожим на маленького ребенка. Созрев духовно, старец стал подобен малому незлобивому дитяти, каковым нас призывает уподобляться Христос.

Монахи, пользовавшиеся его духовными советами, когда он состарился, стали чаще посещать его, чтобы оказать ему какую-либо помощь. Они спрашивали его:

— Старче, может, ты хочешь, чтобы мы накололи тебе дров?

Он отвечал:

— Потерпите, если я не умру летом, тогда наколете мне дров на зиму.

В 1968 году он почувствовал приближение смерти и начал постоянно говорить о ней. Последние телесные силы оставляли его. После праздника Успения Божией Матери (15 августа) он слег и пил одну только воду, так как чувствовал внутренний жар. Однако, даже находясь в таком состоянии, он по-прежнему не хотел, чтобы кто-нибудь жил рядом с ним и препятствовал его непрестанной молитве.

Когда приблизилась последняя неделя его земной жизни, он попросил меня остаться с ним, потому что нам вскоре предстояло разлучиться, ибо он должен был отойти в Жизнь Вечную. Однако даже на протяжении этих десяти дней он не оставлял меня возле себя на все время, но после того, как я оказывал ему небольшую помощь, просил меня уходить в соседнюю келейку и там молиться. Конечно, у меня не было всего необходимого, чем я мог бы облегчить его

положение. Но поскольку его изнуренное тело никогда не знало отдыха, то даже малейшая помощь казалась ему очень значительной.

Однажды я купил два лимона и сделал из них лимонад. Выпив немного, он освежился и с удивлением посмотрел на меня: «Ну и ну, дитя мое, эта вода очень хорошая! Где ты ее нашел? Христос да даст тебе сорок золотых венцов».

Кажется, он никогда не пил лимонада, а если и пил, то только когда был очень маленьким, и уже забыл его вкус.

Так как он неподвижно лежал в кровати, лишившись последних телесных сил, и не мог подняться, чтобы пойти в храм Честного Креста, где с благоговением служил литургию на протяжении многих лет, то попросил меня принести ему для утешения крест со святого престола. Когда он увидел крест, его глаза засияли. С благоговением облобызав его, он сжал его в своей руке — крепко, со всей силой, которая у него оставалась. Я перевязал крест стебельком василька и говорю ему:

— Старче, хорошо пахнет?

Он мне ответил:

— Рай, дитя мое, пахнет намного лучше.

В один из последних дней его жизни я вышел, чтобы принести ему немного воды. Когда, вернувшись, я открыл дверь и вошел в келлию, он вдруг посмотрел на меня с удивлением и спросил:

— Ты святой Сергий?

— Нет, старче, я Паисий.

— Только что, дитя мое, здесь была Божия Матерь, святой Сергий и святой Серафим. Куда они пошли?

Я понял, что что-то произошло, и спросил:

— Что сказала тебе Матерь Божия?

— Пройдет праздник, и Она меня заберет.

То был вечер накануне Рождества Божией Матери, 7 сентября 1968 года, и через три дня, 10 сентября, старец упокоился в Господе.

За день до своей кончины он сказал мне:

— Завтра я умру и хочу, чтобы ты не спал, и я мог бы тебя благословить.

В тот вечер мне было особенно жаль его, потому что он принял на себя труд три часа непрестанно держать свои руки у меня на голове, благословляя и лобызая меня в последний раз. В благодарность за воду, которую я поднес ему напоследок, он сказал мне:

— Возлюбленный мой Паисий, мы, дитя мое, будем иметь любовь во веки веков. Любовь наша имеет великую цену. Ты будешь молиться здесь, а я — на Небе. Верую, что Бог помилует меня, потому что шестьдесят лет, дитя мое, я, будучи монахом, непрестанно повторял: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя».

Также он сказал:

— Теперь я буду служить в раю. Ты же молись здесь, и я каждый год буду приходить, чтобы повидаться с тобой. Если ты останешься в этой келлии, я буду рад. Однако, как Богу угодно, дитя мое. У меня есть для тебя припасы — консервы на три года. И он показал мне шесть маленьких баночек сардин и четыре баночки кальмаров, которые кто-то давно принес ему и которые остались у него лежать на том же месте, куда их положил посетитель. (Для меня этих консервов не хватило бы и на неделю.)

Старец повторял:

— Мы, дитя мое, будем иметь великую любовь во веки веков, и я буду каждый год приходить повидаться с тобой. Из его глаз все время лились слезы.

Воистину, те последние десять дней, которые я находился возле старца, были для меня самым большим благословением Божиим, так как за это время я получил бóльшую пользу, чем в любой другой мой приход сюда, ибо мне была дана возможность немного пожить рядом с ним и лучше узнать его. Наибольшее впечатление на меня произвело то, насколько сильно его волновал вопрос спасения души. Рядом с

его кроватью лежали приготовленные письма, которые мне сразу же после его смерти следовало разослать почтой его знакомым епископам, чтобы они его поминали. Он завещал мне пригласить епископа, чтобы тот прочитал над ним разрешительную молитву. Также он заповедал оставить его в могиле до Второго Пришествия Христова и не вынимать из земли[1].

Я сообщил в монастырь, что наступили последние часы отца Тихона, и оттуда пришел отец Василий, чтобы вместе со мной приготовить его к отшествию. Было видно, как мало-помалу старец угасал, словно лампада, в которой масло заканчивается и остается только в фитиле, так что огонь делает уже свои последние вспышки.

Освященная душа его отошла от нас, оставив нам свое тело и невосполнимую пустоту. Мы вдвоем приготовили тело, а утром оповестили о смерти старца других отцов. Священники, которые знали отца Тихона, с благоговением совершили его отпевание. Своим отшествием он оставил в наших душах боль, так как его присутствие утоляло боль и подавало утешение. Теперь старец будет посещать нас с Небес, подавая нам еще большую помощь. Ибо он сам обещал: «Я буду приходить каждый год, чтобы увидеться с тобой».

Прошло целых три года, но он мне не являлся. У меня уже начали возникать помыслы: «Может быть, я в чем-то согрешил?» Однако через три года он посетил меня. Если старец подразумевал, что «каждый год» начнется через три года, это меня очень утешает, тогда выходит, что причина задержки была не во мне.

Итак, первое посещение было 10 сентября 1971 года, после полуночи. Творя молитву Иисусову, я внезапно увидел старца, входящего в келлию. Я бро-

---

[1]Согласно традиции, на Святой Горе Афон кости всех умерших монахов извлекают из могилы через три года после смерти. Затем их перемывают и складывают в особые хранилища — костницы.

сился ему в ноги, обнял их и начал с благоговением лобызать. Однако непонятным для меня образом он высвободился из моих рук. Я лишь увидел, как он вошел в храм и исчез там. Конечно, любой растеряется, если с ним произойдет такое. Так же, как не сможет объяснить этого с помощью логики, почему это и называется чудом. Я сразу же зажег свечу — когда все это произошло, у меня горела одна только лампада, — чтобы отметить в календаре день появления старца и запомнить его. Когда я увидел, что то был день смерти отца Тихона (10 сентября), очень огорчился и начал укорять себя, что совершенно об этом забыл. Верю, что добрый отец простил меня, так как весь тот день от рассвета до заката у меня в каливе были посетители. Я забегался, устал и совершенно обо всем забыл, иначе бы я что-нибудь предпринял, чтобы и самому получить пользу и старцу доставить маленькую радость всенощной молитвой.

Не знаю, являлся ли он другим до того, как впервые посетил меня. Во всяком случае один раз он явился в моей келлии одному незнакомому мне монаху (жившему ранее в монастыре Каракаллы), отцу Андрею.

Тот пришел ко мне в келлию, чтобы я помог ему в одном деле. При этом ни я его не знал, ни он меня. Он ожидал меня снаружи, под маслиной, думая, что меня нет дома. Я же был в мастерской, и меня не было слышно: я покрывал лаком иконки. Закончив дело, я запел «Святый Боже...» и вышел. Когда отец Андрей увидел меня, с ошеломленным видом рассказал следующее:

— Пока я ждал тебя под маслиной, веки у меня смежились, однако я продолжал все чувствовать. И вот вижу я некоего старца, выходящего вон из-за тех кустов розмарина, и он мне говорит:

— Кого ты ждешь?

Я ему отвечаю:

— Отца Паисия.

Могила отца Тихона

Старец мне сказал:

— Он здесь, — и показал пальцем на келлию.

В тот момент я услышал, как ты поешь «Святый Боже...», и ты вышел. Отец Паисий, это, должно быть, какой-то святой — я это сразу почувствовал. Такое я уже видел и раньше!

Тогда я рассказал ему немного о старце и сказал, что там, за кустами, находится его могила. Вокруг нее я посадил кусты розмарина, которые выросли и скрыли ее, чтобы его останки не попирали ногами, ибо он завещал не вынимать их из могилы.

Думаю, из того немногого, что я упомянул и что написал о жизни честнóго старца, многое поймут те, которые имеют опыт духовной жизни. Те, которые живут смиренно и незаметно, понимают, насколько несправедливо видеть в святых одни только внешние добродетели, которые нельзя скрыть, и только их описывать, тогда как настоящее духовное богатство святых является для нас почти неизвестным. То немногое, что мы обычно знаем о святых, становится известным либо потому, что они не смогли этого скрыть, либо из-за того, что их великая любовь заставила сотворить эту духовную милостыню.

Только Бог знает духовную меру святых. Даже сами святые ее не знали, так как измеряли только свои грехи, а не свою духовную меру. Имея в виду это правило святых, которые не любили человеческих похвал, я постарался ограничиться в описании лишь необходимым.

Верю, что рад будет и отец Тихон и не станет жаловаться, как жаловался ему его друг старец Силуан, когда отец Софроний в первый раз опубликовал его жизнеописание. Тогда старец Силуан явился отцу Тихону и сказал: «Этот благословенный отец Софроний написал множество похвал в мой адрес. Я бы этого не хотел».

Поэтому они и являются святыми. Бог прославил их, потому что они избегали человеческой славы.

Молитвы отца Тихона и всех ведомых и неведомых святых да помогут всем нам в эти трудные времена, которые мы переживаем. Аминь.

(Ниже приведена молитва старца, которую он написал с великой скорбью и многими слезами и которую посылал страждущим душам в Россию подобно бальзаму из удела Божией Матери.)

Слава Христовой Голгофе!

О Божественная Голгофа, освятившаяся Кровью Христовой! Просим тебя, скажи нам, сколько тысяч грешников благодатью Христовой, покаянием и слезами ты очистила и ввела в Брачный Чертог рая! О Христе Царю, Своей неизреченной любовью и благодатью Ты наполнил кающимися грешниками все небесные дворцы. Ты и здесь, долу, всех милуешь и спасаешь. И кто может достойно возблагодарить Тебя, даже если бы имел ангельский ум! Грешники, поспешите. Святая Голгофа открыта, и Христос благоутробен. Припадите к Нему и облобызайте Его святые ноги.

Только Он, будучи благоутробным, может исцелить ваши язвы! О! Мы будем счастливы, когда многоблагоутробный Христос удостоит нас с великим смирением, страхом Божиим и горячими слезами омывать Его пречистые ноги и с любовью лобызать их. Тогда благоутробный Христос соблаговолит омыть наши грехи и откроет нам двери рая, где в великой радости вместе с Архангелами и Ангелами, Херувимами и Серафимами и со всеми святыми мы будем вечно славить Спасителя мира, Сладчайшего Иисуса Христа, Агнца Божия, вместе со Отцем и Святым Духом, Единосущную и Нераздельную Троицу.

Иеромонах Тихон, Святая Гора.

Жизнеописание старца составлено 26 мая 1977 года, в день памяти святого апостола Карпа, в келлии Честного Креста, монастыря Ставроникита. Слава Тебе, Боже!

Монах Паисий.

Отец Евлогий
(послушник старца Хаджи-Георгия[1])

Над Кареей, если идти по направлению к Ватопедскому монастырю, находится каллия святого Георгия Явленного. В ней подвизалось шесть «Хаджи-Георгиевичей» под руководством старшего из них — отца Евлогия. Позже к их общине примкнули два других брата: отец Пахомий и отец Георгий, которые таким образом стали «внуками» Хаджи-Георгия.

Радостно наблюдать, как святая монашеская традиция передается последовательно от преподобных дедов к преподобному отцу Хаджи-Георгию, а от него — к его духовным детям и внукам! Конечно, все они, в том числе отец Евлогий, заслуживают более обстоятельного рассказа. Однако, поскольку о них уже написал один монах из монастыря Симонопетра, земляк отца Евлогия, я ограничусь лишь случаем, который произошел со старцем Евлогием в конце его жизни и который показывает, как сей воин Христов до самой глубокой старости сражался с демонами.

Когда он состарился и ему перевалило за сто лет, он обычно проводил свое время сидя на скамейке и читая молитву Иисусову. И вот однажды два его послушника, отец Пахомий и отец Георгий, пошли собирать маслины. Старец запер за ними дверь и, присев на скамейку, начал творить молитву Иисусову. Вдруг он услышал в келлии сильный шум и прервал молитву. Тридцать бесов, разгневавшись на него, повалили его на пол и начали сильно бить. После этого старец, естественно, не смог даже на ноги подняться. В полдень отцы вернулись с послушания и окликнули старца, чтобы он отпер им дверь. Да как было несчастному старцу в таком состоянии услышать их и подняться на ноги? Отец Георгий заподозрил неладное, пролез через окошко, отпер дверь, и оба монаха

---

[1]Хаджи-Георгий — старец, живший на Афоне в XIX в. О нем отцом Паисием написана отдельная книга.

с тревожным чувством вошли в келлию старца. И что же они увидели? Отец Евлогий лежал на полу весь побитый и как ни в чем не бывало обращался к ним:

— Слышишь! Тридцать бесов собрались, чтобы меня побить, — не один и не два, а — тридцать!

В келлии у него висел деревянный крест, перед которым он обычно молился. Однажды во время его молитвы через окно внутрь вошел бес, чтобы помешать старцу. Внезапно отец Евлогий увидел, как крест сам снялся со стены и приблизился к демону, так что тот немедленно исчез. Затем крест сам вернулся на свое место.

Так отец Евлогий подвизался до ста восьми лет. И, когда он духовно созрел и ему пришло время отходить вместе со своими духовными богатствами из сей жизни в вечную, ему было возвещено Богом, чтобы он приготовился к этому сам, а также подготовил своих братий, давая им последние советы и благословения: «Я, братия мои, уже ухожу, иду к святому Антонию. Позже и вы придете туда, в рай. Ты, отец Георгий, проживешь восемьдесят лет».

После этого благословенный раб Божий Евлогий причастился и упокоился о Господе 11 апреля 1948 года.

Отец Георгий, когда ему исполнилось восемьдесят лет, сказал:

— В этом году я умру, — так предрек мне старец.

Врач же, видя его крепость, говорил ему:

— Ты проживешь еще тридцать лет.

Вскоре после своего восьмидесятилетия отец Георгий отошел ко Господу — и все вокруг удивились.

Отец Пахомий
(послушник отца Евлогия и духовный внук Хаджи-Георгия)

Как в рассказе об отце Евлогии, так и в рассказе о его благословенном послушнике отце Пахомии приведу лишь один случай, относящийся к послед-

ним годам его жизни, а благочестивые читатели, имеющие непорочные помыслы, сами поймут, насколько чистой была душа отца Пахомия.

Итак, за три дня до своей смерти, в четверг, отец Пахомий позвал к себе отца Георгия и говорит ему: «Отец Георгий, будь добр, пойди в Колецу[1] и купи там рыбы для нашего престольного праздника святого Георгия, который будет в понедельник. Постарайся купить побольше рыбы, потому что вам предстоит отпраздновать два праздника. А я буду праздновать его на Небесах вместе со святым Георгием — меня с вами уже не будет».

Отец Георгий немедленно отправился в Колецу, принес рыбы и сразу же начал ее готовить, чтобы она не испортилась.

В пятницу отец Пахомий опять послал отца Георгия, чтобы тот пригласил на праздник других отцов, и при этом наказал: «Скажи отцам, чтобы они готовились праздновать два праздника: мои похороны и поминки, а на следующий день — память святого Георгия».

Отец Георгий объявил отцам все, что сказал ему отец Пахомий. В субботу утром отец Пахомий послал его позвать отца Димитрия, чтобы тот пришел и причастил его. Увидев священника, он с радостью начал петь «Вечери Твоея тайныя днесь...», а затем, причастившись, сказал: «Слава Богу!» После этого он облобызался с отцами, стоявшими рядом, и его непорочная душа отошла на Небо. Это произошло 22 апреля 1974 года.

В воскресенье были его похороны, а затем поминки с угощением, какое обычно устраивается на престольные праздники. После этого в понедельник у отцов был второй праздник — теперь уже престоль-

[1]Группа келлий, расположенных на восточном берегу Святой Горы и подчиняющихся Ватопедскому монастырю.

ный. Отец же Пахомий праздновал его на Небе вместе со святым Георгием, как и сказал, насыщаясь красотами рая и духовным вином любви Божией.

Милостивый Бог да сподобит и нас вкусить хотя бы часть этих благ. Аминь.

Афонский отшельник отец Серафим

Один благочестивый юноша родом из Афин, из богатой семьи, потерял свою мать, которая умерла от тяжелой болезни, а вскоре после этого и отца. Смерть родителей стала для него большим потрясением и заставила его задуматься о суетности сего мира. В конце концов он раздал все свое имущество бедным, оставил принадлежавший ему большой магазин служащим в нем, а сам пришел на Святую Гору.

Проходя через Новый скит[1], он познакомился с отцом Неофитом, жившим в каливе святого Димитрия. Здесь он остался на некоторое время и исповедался. Отец Неофит рассказал ему много разных историй о подвижниках. Когда он услышал об отшельниках, живущих на вершине горы Афон[2], в нем загорелось непреодолимое желание подражать им. Он испросил благословение отца Неофита вступить в его общину, принять монашество, а затем отпра-

---

[1]Скит основан в 1757 году и посвящен Рождеству Божией Матери. Находится неподалеку от монастыря святого Павла, которому и подчиняется.

[2]Гора Афон — самая высокая гора на Афонском полуострове, в Греции называемом обычно Святой Горой. Достигает в высоту 2033 метров.

На вершине этой горы живут двенадцать отшельников. Старец Херувим в своей книге «Из удела Божией Матери» (Киев, 1998) пишет, что они, «согласно святогорскому преданию, являются самыми святыми монахами Горы и живут совершенно уединенно, будучи никому не известны... Согласно тому же самому преданию, последняя литургия на земле будет совершена этими невидимыми двенадцатью. Их число всегда постоянно, потому что, если умирает один из них, его место занимает кто-нибудь из самых лучших монахов Святой Горы».

Вид горы Афон

виться подвизаться высоко на гору Афон. Отец Неофит, увидев, что в нем есть и смирение, и благоговение, принял его, однако не постригал пять лет, приуготовляя его духовно таким образом, что никто так и не узнал о священной цели юноши, который, в свою очередь, избегал встреч даже с отцами скита. Когда он прошел свое духовное обучение, старец постриг его в монахи с именем Серафим и дал ему благословение подвизаться высоко на Афоне, так чтобы никого не видеть.

Однажды, спустя три года, он пришел в каливу святого Димитрия, как мне рассказывал отец Дионисий, тоже послушник отца Неофита, и поведал отцам об искушениях, с которыми столкнулся вначале, когда бесы постоянно угрожали ему. Однажды ночью, например, они отбросили от входа в его пещеру лист железа, который служил ему защитой от сильного ветра и дождя. Отец Серафим не только не смутился, но, улыбаясь, сказал бесам: «Бог да простит вас — это вы хорошо сделали, потому что этим железом я только испортил вид пещеры!»

В следующий раз отец Серафим появился через пять лет. Тогда отец Неофит дал ему дароносицу со Святыми Дарами. Удалившись вновь на вершину Афона, он больше уже никогда не появлялся.

Отец Серафим стал настоящим Ангелом Серафимом! И как же ему было не оставить земли, когда он все оставил Христа ради! Да будут с нами его молитвы. Аминь.

Неизвестный отшельник *(видимо, один из скрытых афонских отшельников)*

Когда в 1950 году я в первый раз попал на Святую Гору, случилось мне по пути из Кавсокаливии[1] в святую Анну[2] заблудиться. Вместо того чтобы пойти к скиту святой Анны, я пошел по тропинке, которая вела на вершину горы Афон. Пройдя достаточно большой отрезок пути, я понял, что поднимаюсь вверх, и начал искать дорогу, чтобы вернуться. Пока я искал обратный путь и просил Божию Матерь помочь мне, внезапно предо мной предстал какой-то отшельник, лицо которого излучало свет. На вид ему было лет семьдесят, и по одеянию его можно было заключить, что он никогда не общался с людьми. На нем был подрясник из парусины, весь выгоревший и изодранный. Дыры на подряснике были стянуты деревянными прутиками, с помощью которых крестьяне обычно скрепляют дырявые мешки, когда у них нет мешочной иглы и бечевки. С ним был кожаный мешок, тоже выцветший и в дырах, стянутых тем же спосо-

---

[1]Кавсокаливский скит, находящийся в южной части Святой Горы и подчиняющийся Великой Лавре. Основан преп. Максимом Кавсокаливитом (Лампсакийским), жившим в конце XIII - начале XIV веков. Этот святой известен тем, что строил для себя хижины (каливы), а затем через некоторое время сжигал их. Поэтому он и получил прозвище Кавсокаливит, что в переводе с греческого означает «сжигатель калив».

[2]Скит святой Анны находится на юго-западном побережье Святой Горы и подчиняется Великой Лавре.

бом. На шее у него была толстая цепь, на которой висела коробочка. В ней, по всей вероятности, находилась какая-то святыня.

Не успел я и рта раскрыть, как он мне говорит: «Дитя мое, эта дорога не в святую Анну», — и показал мне нужную тропинку.

По всему было видно, что передо мной стоял святой.

Я спросил у пустынника:

— Где ты живешь, старче?

Он мне ответил:

— Здесь, — и указал на вершину Афона.

Я был измучен поисками старца, который мог бы дать мне духовный совет, а потому даже забыл, какое тогда было число и день недели. Спросил об этом пустынника, и он мне ответил, что была пятница. Затем он вытащил маленький кожаный мешочек, в котором оказались палочки с нарезами, и, посмотрев на них, сказал, какое тогда было число. После этого я взял у него благословение и пошел по указанной мне

Скит святой Анны

тропинке, которая вывела меня прямо к святой Анне. После этого в мыслях я постоянно возвращался к светлому сияющему лику отшельника.

Позже, когда мне рассказали, что на вершине Афона живут двенадцать — другие называли число семь — отшельников, у меня возникла мысль, не был ли тот, кто повстречался мне, одним из них. Я рассказал о происшедшем опытным старцам, и они подтвердили: «Да, это, должно быть, один из преподобных отшельников, живущих тайно на вершине Афона».

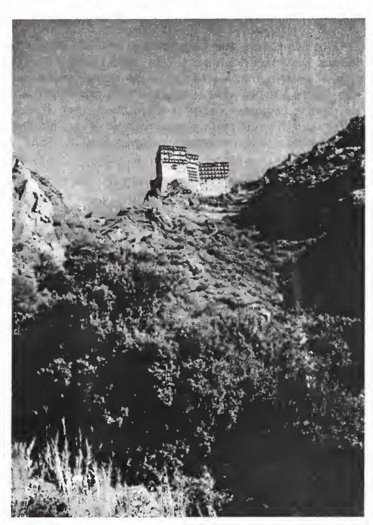
Иеромонах Анфим Христа ради юродивый[1]

Родиной отца Анфима была София в Болгарии, он и служил там на одном из приходов будучи женатым священником. После смерти своей матушки около 1841 года он пришел в удел Божией Матери. Здесь он, подобно доброму ростку, был посажен, расцвел и начал благоухать.

Сначала он поселился в монастыре Симонопетра, где и принял монашество. Позже, когда он, с тем чтобы утаить свои духовные сокровища, начал юродствовать Христа ради, его обителью стала вся гора Афон. Он постоянно пребывал в пустыне, живя то в пещерах, то в дуплах деревьев. Время от времени он появлялся в монастыре святого Пантелеимона, так как мог понимать службу на славянском языке. Обычно он прятался от посторонних глаз в притворе храма, где и слушал богослужение. Когда же замечал, что кто-то из монахов обращает на него внимание и смотрит с благоговением, начинал делать какие-ни-

---

[1]Жизнеописание преподобного отца Анфима опубликовано в книге «Современные Афонские подвижники». Изд. 9-е. М, 1900. С. 31 – 40. Я несколько сократил его, без изменения того, что написано в жизнеописании иеромонахом Арсением. Сделал я это из благих побуждений, чтобы некоторые поступки преподобного отца не были истолкованы превратно. — *Прим. автора.*

Монастырь Симонопетра

будь несуразные движения или же разговаривать сам с собой, а иногда шутить. Подобные действия меняли отношение к нему окружающих. В монастыре он оставался в зависимости от обстоятельств на разное время: иногда на несколько дней, иногда больше, после чего всегда уходил на гору Афон, с тем чтобы через два-три месяца опять появиться в обители святого Пантелеимона.

В начале подвига божественного безумствования[1], на протяжении пяти лет, он носил одну и ту же старую рясу, от которой вскоре остались одни лохмотья. Позже он стал надевать на себя старый мешок, в котором проделал отверстия для головы и рук, и в таком виде появлялся повсюду. За это его прозвали Мешочником. Но и это одеяние он старался беречь, когда ходил по лесу. Чтобы ветви не рвали мешок, он подставлял под их удары свое собственное тело. Люди, внутренне неглубокие, судившие по наружности, считали его сумасшедшим. Однако время от времени отец Анфим озадачивал их, открывая им их собственные помыслы. Через такое обличение помыслов он духовно наставлял тех, которые имели благое расположение.

Христа ради юродивые, имея великое смирение, имеют и великую чистоту, то есть ясность ума, благодаря чему познают сердца людей и тайны Божии. Таков был и отец Анфим, чье чистое сердце было скрыто под старым мешком.

Когда он приходил в монастырь святого Пантелеимона, то не входил внутрь, но оставался там, где жили монастырские рабочие. Вместе с ними он и ел. Игумен обители, кажется, что-то прознал о подвижнике и сказал монаху-трапезнику, чтобы тот взял на себя заботу об отце Анфиме. С тех пор этот монах стал относиться к старцу с большим благоговением, во всем помогая ему и ухаживая за ним, благодаря

[1]Юродства Христа ради.

Монастырь святого великомученика Пантелеимона

чему заслужил особое расположение старца и смог, общаясь с ним, узнать о некоторых из сокровенных его добродетелей.

Одной из множества его добродетелей был дар постничества — он мог ничего не вкушать на протяжении многих дней. Однажды он пришел в русский монастырь перед началом Петрова поста очень изможденным. Трапезник принял его с большой радостью и приготовил ему поесть. Старец стал есть, а трапезник, занявшись своими делами, в то же самое время исподволь наблюдал, как тот ест не отрываясь, и стал его осуждать про себя: «Разве можно такому худому монаху съесть так много!» Смущенный такими помыслами, он ушел в свою келлию. Отец Анфим, закончив с едой, пошел к нему и сел у дверей. Видя своего друга смущенным из-за помыслов, он пожалел его и, желая помочь ему справиться со своими недобрыми мыслями, решил открыть ему причину своего поведения, чтобы тот впредь был осторожным по отношению к другим и не осуждал их, а также что-

бы и мы получили урок и избегали осуждения. Итак, взяв его за руку, отец Анфим спросил:

— Знаешь ли ты, брат, что значит смирение?

Брат из скромности ответил:

— Нет, не знаю.

Тогда старец ему говорит:

— Смирение состоит в том, чтобы никого не осуждать, но считать себя хуже всех. Вот только что ты искусился и осудил меня за то, что я много ем. Но ведь ты не знаешь, сколько дней я ничего в рот не брал. Помнишь, когда я был здесь в последний раз?

Брат ответил:

— Да, помню, отче. Ты был у нас на Фомину неделю. Тогда ты поел, и с тех пор я тебя не видел.

Старец говорит ему:

— Вот видишь, сколько дней я не ел?[1] А ты меня осудил за то, что я так много съел. Брат, Божии дары разные. Каждый из нас что-то получает от Бога. Мне Бог дал силу переносить холод и голод. Ты бы смог понести все это? Смог бы уничижить себя, снять с себя рясу и пойти в таком виде вместе со мною в соседний монастырь, прожить в таком одеянии зиму на вершине Афона? Но, даже будучи певчим, как ты поешь Богу? Твои мысли зачастую пребывают в другом месте, в рассеянии, а не в Боге. А вот теперь послушай, как я пою.

Отец Анфим простер руки к небу и с сильными рыданиями пропел «Аллилуия». Его глаза наполнились слезами. Трапезник растерялся, и ему стало стыдно.

Затем старец сказал монаху:

— Никого и никогда не осуждай, потому что не знаешь, кому какой дар дается, но внимай больше самому себе.

Брат сделал перед старцем поклон и попросил прощения, дивясь его прозорливости. С тех пор отец Анфим начал ему открываться все больше и больше.

---

[1]То есть он не вкушал от Фоминой недели до начала апостольского поста. — *Прим. автора* (т. е. семь недель. — *Ред.*).

Однажды какой-то монах с насмешкой посмотрел на поведение отца Анфима и подумал: «Что же это за прозорливец? Может, все прозорливцы едят так много?» Старец узнал его помыслы, подозвал к себе и говорит:

— Ты, брат, хочешь стать монахом, однако твои помыслы постоянно стремятся в Россию. А потому поезжай туда, исполни свое желание, но затем возвращайся, и тогда удостоишься стать монахом.

Все до последнего слова старца исполнилось. Действительно, этот брат, соблазнившись своими помыслами, ушел из монастыря и вернулся в Россию. Но через год опять приехал на Святую Гору и принял монашество в той же обители.

Трапезник относился к отцу Анфиму с большим благоговением — считал его святым, но свое восхищение высказывать боялся, зная, как тому не нравятся похвалы. Однажды, когда старец опять пришел в монастырь, трапезник, как всегда, очень ему обрадовался и приготовил еду. Сам же из благоговения не решился сесть рядом. И для того чтобы не дать ему повода что-либо подумать — а старец все замечал, — начал ходить туда-сюда по трапезной. Закончив есть, отец Анфим поднялся из-за стола со словами: «Хорошо-хорошо! Хватит уже! Бог тебя да благословит и да укрепит».

Один русский иеромонах рассказывал тому же брату, как, обуреваемый тоской по родине, однажды он решился уехать со Святой Горы и вернуться в Россию. Когда он размышлял об этом, внезапно в его келлию вошел отец Анфим, который до того ни разу в ней не был, и говорит ему: «Матерь Божия послала меня сказать тебе, отче, чтобы ты не уезжал, потому что, если выйдешь из пустыни в мир, впадешь в грех».

Однажды отец Анфим безмолвствовал где-то на вершине Афона на протяжении достаточно долгого времени. Трапезник начал сильно беспокоиться и

молился Богу, чтобы Он возвестил старцу прийти в обитель и помочь ему духовно. Помысел говорил ему: «Сейчас старец, наверное, где-то в пустыне совсем без сил. А если бы он был здесь, то я приготовил бы ему поесть, сделал бы чаю».

На другой день утром старец пришел в монастырь и, поприветствовав своего друга, говорит ему: «По твоему желанию я спустился с Афона, устал, изранил ноги о камни. Вот чего стоит твой чай!»

Брат подивился его прозорливости и попросил у него прощения за то, что вынудил его проделать такой путь.

Однажды тот же брат впал в глубокую печаль и уныние и молился Богу, чтобы Он послал ему его друга, отца Анфима, утешить его. Не прошло и нескольких часов, как отец Анфим предстал перед ним. Скорбящий брат, увидев его, очень обрадовался и спрашивает:

— Как получилось, отче, что ты пришел именно тогда, когда я в тебе сильно нуждался?

Старец, улыбаясь, ответил:

— Ты хотел повидаться со мной и просил об этом Бога — вот я и пришел.

В другой раз накануне первого октября, когда совершается всенощное бдение в честь Покрова Пресвятой Богородицы, отец Анфим пришел в монастырь святого Пантелеимона едва живой. Встретив известного нам брата, он рассказал ему следующее: «Этой ночью я был возле монастыря Зограф, в пустыне, и молился, стоя на камне. Во время молитвы я узрел, как Божия Матерь сходила с Небес, направляясь в ваш монастырь. Увидев это, я обрадовался и поспешил сюда, чтобы застать Ее здесь и чтобы Она покрыла Своим омофором и меня, грешного, вместе с прославляющими Ее рабами. Но лишь только я отправился в путь, откуда ни возьмись появилась змея, которая бросилась на меня и сильно укусила в ногу. Я понял, что это было просто препятствие, учиненное мне по зависти человеконенавистником, и не при-

дал укусу никакого значения, но поспешил прийти в ваш монастырь».

Брат осмотрел ногу, и, действительно, рана от укуса была серьезной. Великая любовь старца к Богу сделала его нечувствительным к телесной боли.

В 1862 году зима на Святой Горе была холодной и снежной. Отец Анфим жил тогда где-то на вершине Афона в пустынном месте в дупле дерева. Снега навалило так много, что он оказался совершенно отрезанным от остального мира. Сорок шесть дней он провел без куска хлеба. Почти всегда перед началом снегопадов он перебирался поближе к монастырю. Когда монахи Пантелеимонова монастыря заметили, что отца Анфима в такую холодную и снежную зиму нет рядом с ними, то забеспокоились. Через сорок шесть дней старец добрался до них, совершенно выбившись из сил и окоченев. Брат, увидев его, от неожиданности и радости закричал:

— Ах, отче, это ты? А мы уж думали, что не увидим тебя. Да где же ты был все это время?

— А-а-а, сидел в дупле, — ответил старец с улыбкой.

— И что ты там ел? — спросил брат.

— Брат мой Виктор, сколько я претерпел от бесов и холода, — один Бог знает. Но святой Иоанн Креститель явился мне и спас меня от смерти.

Один раз отец Анфим не появлялся на протяжении пяти месяцев. Монахи не знали, что произошло, беспокоились и строили различные догадки, думая, что, вероятно, кто-то из них его обидел и тому подобное. Духовник монастыря знал одного пустынника, к которому отец Анфим имел особое доверие, и попросил его узнать причину столь длительного его отсутствия. Этот пустынник спросил об этом отца Анфима, и тот ответил: «Пока меня будут там превозносить и почитать как святого, я не буду туда ходить... Когда я был там в последний раз, один иеромонах упал мне в ноги и говорит: "Молитесь, отче святый, обо мне, грешном, чтобы мне спастись ваши-

ми молитвами..." — Видишь? Как я теперь могу туда ходить, когда меня там почитают как святого?»

После этого отец Анфим приходил в монастырь незаметно и в духовных беседах доверял отцу Виктору некоторые тайны своей жизни.

Однажды он в очередной раз пришел к отцу Виктору. Когда тот приготовил ему трапезу, старец говорит: «Вчера ваш монастырь посетил святой Иоанн Милостивый».

Тогда было воскресенье, и, по обычаю, в обитель пришли пустынники, скитские монахи и достаточно много мирян. Все они обедали в трапезной, а после этого им раздавали различные благословения.

У отца Анфима не было постоянного жилища — его домом была вся Святая Гора. Последние годы своей жизни он провел недалеко от болгарского монастыря Зограф. При этом он часто принимал участие в строительных и восстановительных работах в обители — таскал камни и воду.

Монастырь Зограф

В августе 1867 года великий подвижник последний раз посетил свой любимый Пантелеимонов монастырь. Войдя в обитель, он немедленно направился в гостиницу. Здесь он встретил своего друга отца Виктора и долго беседовал с ним, наставляя его, как ему следует побеждать лукавые помыслы и страсти. А в конце прямо сказал:

— Я уже больше сюда не приду, потому что скоро умру.

И действительно, так и случилось. В конце ноября того же года он пришел в монастырь Зограф и там слег от болезни. Его положили в монастырскую больницу, в которой он провел двенадцать дней.

Девятого декабря 1867 года отец Анфим покинул удел Божией Матери, в котором с ревностью подвизался, и упокоился в Господе. Да будут с нами его молитвы. Аминь.

Отец Даниил дивный

Приблизительно в одно время с Хаджи-Георгием жил дивный отец Даниил, который тоже творил чудеса, даже будучи еще новоначальным монахом. Его чудеса сильно изумляли благочестивых паломников, и благочестивые русские паломники даже опубликовали в религиозных журналах несколько рассказов об этом.

То немногое, что я узнал о святом отце и от чего получил немалую пользу, хочу теперь записать на пользу другим.

Родом он был из Греции[1] и пришел на Святую Гору приблизительно во время греческого восстания[2], около 1821 года. Благочестивый юноша покло-

---

[1]То есть не из Малой Азии, в которой греки жили до начала двадцатого столетия, а из южной части Балканского полуострова.

[2]Греческое освободительное восстание 1822 года, которое свергло турецкое иго на территории, составляющей южную часть современного греческого государства.

нился сначала Божией Матери «Вратарнице» в Иверском монастыре, а затем посетил Великую Лавру и поклонился святому Афанасию. Везде он горячо молился, чтобы Божия Матерь помогла ему найти добродетельного старца, послушником которого он мог бы стать, чтобы потом сделаться монахом. Уповая на Бога, он отправился в путь. Пройдя Керасью[1] и желая достичь скита святой Анны, он пошел не по той тропинке и вышел к келлии святого Артемия. Старец, живший в ней, был великим подвижником, стяжавшим множество добродетелей. Поэтому юноша решил остаться у него.

Монахи из соседних келлий, видя, как молодой послушник подвизается наравне со своим старцем, начали беспокоиться за него и говорить старцу, чтобы он был поосторожней и делал ему послабления: послушник-то молодой, а сразу принялся за подвиги. На это старец отвечал: «Не беспокойтесь — я знаю, что это за человек».

Вскоре юноша стал монахом и получил имя Даниил. Он достиг высокой духовной меры, так как был непорочен не только телом, но и душой и умом, ибо всегда имел чистые помыслы, и в его чистом сердце обитал Христос.

Однажды они со старцем растопили печь, чтобы насушить сухарей. Пока отец Даниил с помощью особой кочерги, у которой ручка была деревянной, а наконечник — железным, разгребал внутри горящие угли, чтобы по всей печи был одинаковый жар, от сильного огня ручка кочерги сгорела, и наконечник остался среди углей. Монах, чтобы не задерживалась работа, немедленно сообщил об этом своему старцу, а тот ему отвечает: «Что ты на меня смотришь? Перекрестись и полезай в печь».

Отец Даниил перекрестился, полез в горящую печь и взял руками раскаленное железо, не получив

---

[1]Одна из самых древних групп келлий на юге Святой Горы на высоте приблизительно 700 м над уровнем моря.

Вершина Горы Афон

при этом ни малейшего ожога! Но самое главное то, что ему даже мысль в голову не пришла, что он совершил что-то необыкновенное!

В другой раз заболел старец из соседних Валашских келлий[1]. В своих страданиях он находил себе небольшое утешение в малосольных огурцах. Когда наступила зима, у него возобновились боли. Он пришел в монастырь святого Павла, надеясь раздобыть здесь хотя бы огуречного рассола, чтобы попытаться с его помощью смягчить свои боли, но, к сожалению, ничего не нашел. Расстроенный и больной, поднимался он по дороге из скита святой Анны ко Кресту[2]. И вдруг перед ним предстает отец Даниил и, несмотря на зимнюю пору и на то, что нигде в округе не было даже рассола из-под огурцов, дает ему шесть-семь свежих огурцов и немедленно уходит! Больной ста-

[1]Эти келлии названы так потому, что построившие их монахи были родом из Валахии, что на берегах Дуная, на территории современной Румынии.

[2]Местность, расположенная на достаточно большой высоте на территории Керасьи.

рец удивился и прославил Бога. Как только он поел огурцов, тут же навсегда исцелился. Так отец Даниил принес любовь и благословение из очень далекой теплой страны! (В то время в Греции еще не было теплиц.)

Другой старец — тоже из Валашских келлий — однажды в студеную пору возвращался домой из скита святой Анны. Как только он вышел на перевал, поднялся снежный буран, так что он вынужден был отступить назад, чтобы устроиться где-нибудь под скалой, поскольку уже стемнело и не было времени вернуться в скит. Непрестанно шел снег и дул сильный ветер. Ночью, сидя под скалой и дрожа от холода, он заснул и вдруг почувствовал, как кто-то обнял его, и ему стало тепло. И вот видит он отца Даниила, который с большой любовью держит его в своих объятиях. Утром, когда рассвело, монах очнулся от сладкого сна и поднялся, чтобы идти, так как буран утих. И что же он видит?! Везде лежит снег, а вокруг него все растаяло от той Божественной теплоты, которую источал отец Даниил! Старец согрелся также духовно и, радуясь, направился в свою келлию, славословя Бога. А отец Даниил непрестанно согревался любовью Христовой. Его молитвы да пребывают с нами. Аминь.

Отец Косма (виноградарь) из монастыря Пантократора

Отец Косма родился в деревне Ангелохори во Фракии в 1897 году. Его мирское имя было Клеанф. Еще в миру он жил монашеской жизнью и подвизался на своем участке, занимаясь тем же делом, что и позже, когда пришел в монастырь (был садовником). И там, как позже на Святой Горе, он возделывал любовь к ближнему и непрестанно собирал урожай любви Христовой. Он щедро раздавал милостыню и помогал главным образом тем, которые, живя в

нужде, имели склонность к воровству. Тем самым он оберегал таких людей от смертного греха воровства и еще худшего...

Однажды один мальчик, который поведал мне эту историю уже будучи взрослым человеком, пришел к нему в сад купить фруктов, после чего ему нужно было купить что-то еще в магазине. Но, подойдя к саду, он вдруг заметил, что потерял все свои деньги. Малыш заплакал и стал думать, где ему раздобыть денег, поскольку боялся, что ему попадет от матери.

Клеанф, успокоив его, говорит:

— Помнишь, сколько денег дала тебе мама и что приказала купить?

— Да, — ответил малыш.

Тогда он дал ему фрукты, а также недостающие деньги, и сказал:

— Не расстраивайся, но в следующий раз будь внимательнее.

Вот так он жил в миру.

Монастырь Пантократора

Около 1914 года он покинул мир, оставив родного брата и сад, и пришел в сад Божией Матери, чтобы подвизаться здесь вместе со своими духовными братиями. В 1915 году он принял монашеский постриг. До 1924 года он жил в монастыре Ставроникита, а после перехода на новый стиль на следующий год оставил эту обитель и поступил в монастырь Пантократора. Здесь он попросил разрешения жить за пределами монастыря — в винограднике, который к тому же находился недалеко от его первой обители. До 1939 года он подвизался также в других местах Святой Горы. Но с 1939 года постоянным местом его подвигов стали виноградники. Весь день проводил он в труде и непрестанной молитве, совершенно не заботился о теле, но все свои попечения обращал на душу. Одежда его была грязной от пота и земли. В том углу его келлии, где он отдыхал, на полу лежали лишь какие-то старые одеяла. В них было столько земли, что, если бы кто бросил в них семечко, оно могло бы прорасти.

Несмотря на то, что он трудился без жалости к себе и духовно подвизался с великой ревностью, пища его была очень скудной: зелень, какие-нибудь орехи да сухари. Денег, которые в особножительных монастырях платят монахам за выполнение послушаний[1], он не брал и говорил: «Вы, старцы, держите их пока у себя, я потом заберу все вместе».

Отцы думали, что он хочет забрать всю сумму, когда состарится, однако отец Косма имел в виду будущую жизнь. Также и продукты, которые он получал от монастыря, раздавал на благословение стар-

---

[1]Особножительное монашество появилось как следствие упадка духовной жизни в монашеских общинах. В XIII в. его учредили и на Афоне; распространилось оно в условиях турецкого ига. Согласно особножительному уставу, монахи могут иметь собственность, общее богослужение совершается лишь по воскресным и праздничным дням, братия не имеют общей трапезы, а за выполнение послушаний получают от монастыря деньги.

цам, жившим в Капсале. Если кто-нибудь из монахов ничего не хотел брать, в следующий свой приход отец Косма говорил ему: «Старче, я принес на продажу кое-какие вещи» и в результате отдавал все почти даром.

Так он успокаивал совесть брата и раздавал другим те немногие деньги, которые имел. От общения с отцами и от их советов он и сам получал большую духовную пользу. Больше он ни с кем не общался, за исключением разве что тех случаев, когда приходил в церковь причаститься. Его всегда можно было найти под виноградной лозой очищающим от сорняков как землю, так и свою душу — через непрестанную молитву и слезы. Он был невысокого роста, очень загоревший. Его лицо часто сияло неизреченным светом. Я видел это собственными глазами, однако другие отцы тоже говорили мне об этом. Когда я виделся с ним в последний раз, меня особенно поразило, что, когда я о чем-то спросил его, лицо его просияло так сильно, что даже ослепило меня!

Это была наша последняя встреча.

В 1970 году, 13 апреля, отец Косма родом из Ангелохори[1] во Фракии, подобно Ангелу, отлетел из удела Божией Матери. Да будут с нами его молитвы. Аминь.

Отец Филарет, игумен монастыря Констамонита

Отцы из монастыря Констамонита многое могли бы поведать о своем святом старце, так как прожили вместе с ним немало лет. Мне же со стороны немногое было известно, и тем не менее будет несправедливостью ничего не сказать о нем, потому что своими добродетелями он заметно выделялся среди монахов и игуменов своего времени, и его имя было известным.

---

[1]Название селения переводится как «деревня Ангелов».

Однажды монастырь Констамонита посетил какой-то офицер — это было приблизительно в 1950 году. Отец Филарет увидел его издали, подозвал к себе, назвав по имени, и рассказал ему о его трудностях. Кроме того, он дал ему необходимые советы и утешил его. Офицер совершенно растерялся. Прозорливость старца произвела на него такое впечатление, что он сказал с благоговением:

— Старче, как только я уйду в отставку, сразу же постригусь в монахи.

Отец Филарет ответил:

— Пострижешься, дитя мое, но только не в этом монастыре, потому что через три года у тебя будет искушение с секретарем.

Старец предвидел даже искушение, которое должно было произойти через три года.

Когда офицер уволился из армии, отец Филарет дал ему несколько наставлений и благословил идти в другой монастырь, где он и принял монашество. Каждый месяц он приходил к святому старцу за советом. В одно из таких посещений он нашел отца Филарета сидящим в углу своей келлии и обхватившим голову руками. Отец Анания (так было имя бывшего офицера) с сочувствием обнял его и спросил:

— Что случилось, старче? Что с тобой произошло?

Старец со скорбью ответил:

— Дитя мое, Анания, у меня сегодня не было ни одного искушения — Бог оставил меня!

Воин Христов отец Филарет желал сражаться с искушениями каждый день, чтобы непрестанно быть увенчиваемым от Христа!

В другой раз старец, увидев одного мирянина, говорит ему:

— Эх, несчастный, ты страдаешь не от телесной болезни — зря только деньги на врачей потратил. Тебя мучает бес.

Тот ему говорит:

— Помолись, старче, чтобы мне от него избавиться.

Отец Филарет в ответ:

— Я, дитя мое, буду молиться, но и ты попостись, потому что бес только так может выйти: молитвою и постом, как сказал Христос.

Этот несчастный человек послушался старца и исцелился благодаря посту и молитвам святого.

В конце жизни отец Филарет, созрев духовно, ведал не только человеческие сердца и помыслы, но даже, что у кого было в карманах!

Однажды в монастырь Констамонита зашел один священнослужитель, чтобы взять у старца благословение и посоветоваться с ним. Он хотел остаться на Святой Горе. Отец Филарет, ответив на все вопросы, которые тот ему задал, а также на те, которые не успел задать, сказал ему к тому же, что он должен сделать с деньгами, которые были у него в карманах, назвал и количество этих денег! Священнослужитель поразился прозорливости отца Филарета и прославил Бога за то, что Он сподобил его познакомиться с таким старцем и что и в наше время встречаются такие монахи.

Когда отец Филарет уже совершенно состарился, то заболел, ибо его оставили телесные силы. Отцы из любви уговорили его поехать обследоваться в больницу в Фессалоники. Старец даже не заметил, как очутился в больнице, потому что, кроме общей слабости, еще очень утомился от переезда. И вот, придя в себя, он вдруг видит, как к нему приближаются медсестры. Увидев их в белой одежде и в шапочках, отец Филарет подумал, что это Ангелы в светящихся венцах, и из благоговения закрыл лицо простыней. Все вокруг изумились чистоте старца. Проигумен[1] Симеон из монастыря Филофея был тогда рядом с ним и рассказал мне об этом случае.

---

[1]Особножительные монастыри управлялись советом проигуменов, одним из которых и был отец Симеон.

После этого его перевезли в монастырь, в котором он принял монашеский постриг, и здесь он упокоился в Господе. Да будут с нами его молитвы. Аминь.

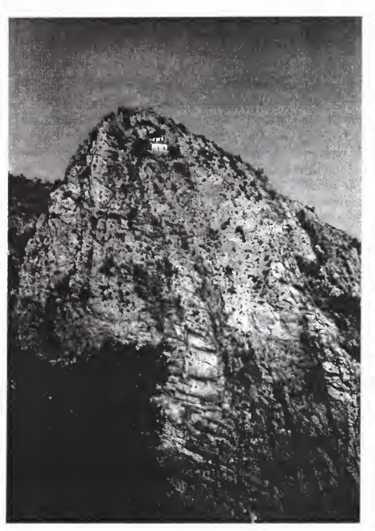
Отец Петр (Петруша)

Отец Петр родился на острове Лимнос в 1891 году. Родом он был из бедной, но благочестивой семьи. Он почти не умел писать, однако благодаря строгим и ревностным подвигам стяжал Божественное просвещение. Еще в годы юности Георгий — так его звали в миру — жил по-монашески, а великую схиму принял после того, как ему исполнилось тридцать лет. Постриг его в монашество один благочестивый старец из келлии преподобного Нила. В монашестве он получил имя преподобного Петра Афонского.

Отец Петр был от природы простым и имел глубокую веру, что видно уже по первым годам его подвижнической жизни. Однажды он сам мне рассказывал, что едва он успел принять постриг, как старец его тяжело заболел. Конечно, он очень огорчился, потому что чувствовал себя еще грудным младенцем, который мог потерять свою мать. Но он не растерялся, пошел в храм и со всей своей детской простотой обратился к преподобному Нилу: «Преподобный Нил, знай, если ты сейчас же не исцелишь моего старца, я не буду зажигать твою лампадку».

И, о чудо! Старцу сразу же полегчало, он поднялся и пошел в церковь поблагодарить святого. Здесь он самолично и зажег все лампадки. После этого он прожил еще долгое время, оказывая отцу Петру духовную помощь.

Позже, оставшись один, отец Петр вначале немного помаялся. Попав под влияние некоторых монахов, которые имели безрассудную ревность, он принял участие в сбрасывании знамен в Великой Лавре в знак протеста против тогдашнего греческого

Скала, в которой находится пещера святого Нила

Пещера святого Нила

короля Георгия II[1], о котором говорили, что он якобы был масоном. Отец Петр был осужден властями за клевету, и на три года его отправили в ссылку на остров Спиналонга ухаживать за прокаженными. Он раскаялся в своих действиях, о чем сам мне говорил:

— Я поступал как мирянин, отец Паисий, а не как монах. Ссылка сильно мне повредила, так как там я не имел возможности исполнять свои монашеские обязанности.

По пути из ссылки он ехал вместе с одним монахом, который мне потом рассказывал, как отец Петр, находясь в миру, проповедовал покаяние. Он говорил: «Всем нам нужно покаяться, потому что Бог нас накажет и попустит безбожным коммунистам перерезать всех нас».

Бог открыл ему то великое зло, которое ожидало нас по нашим грехам, — гражданскую войну[2].

Вернувшись из ссылки на Святую Гору, он не остался у преподобного Нила, так как не находил там покоя из-за множества посетителей, а перебрался в Катунаки[3] и поселился в одной каливе на краю малого скита святой Анны[4]. Его хибарка была совершенно не видна с дороги, и калитки перед ней не было. Вместо калитки была деревянная жердь, которую все принимали за часть ограды. Жившие вокруг монахи относились к отцу Петру с большим благоговением, потому что он являл собой одно благоговение. Все звали его Петрушей — за его детскую простоту, а также за невысокий рост и худобу. Когда он, разговаривая, склонял свое маленькое светлое лицо, то на самом деле казался ребенком.

---

[1]Георгий II (1890-1947) — король Греции с сентября 1922 г. по март 1929 г., а затем — с октября 1935 г. до своей смерти в 1947 г.

[2]В период 1944-1948 гг. в Греции шла гражданская война, во время которой повстанцы-коммунисты пытались захватить власть. Эта война принесла много страданий как греческому народу, так и Церкви.

[3]Группа келлий, расположенных на юге Святой Горы.

[4]Скит, находящийся в часе ходьбы от скита святой Анны.

Он оставался ребенком по характеру до шестидесяти семи лет, когда и упокоился.

Когда отцы пытались приблизиться к нему, желая получить от него полезный для себя духовный урок, он старался ускользнуть, стеснялся и краснел. Если уж никак не мог уклониться от беседы, то отвечал несколькими словами, но очень точно. Ему было затруднительно общение с людьми, и поэтому он затворялся в своей келлии, постоянно беседуя лишь с Богом в непрестанной молитве.

Когда отцы приходили к нему и стучались в дверь, он не открывал. Если они оставляли у его дверей что-нибудь на благословение, он оставлял все на том же самом месте. Видя испортившуюся еду, они ему уже ничего не приносили, но относили другим отцам. Монахи, жившие по соседству с ним, говорили отцу Петру:

— Нехорошо ты поступаешь, что ничего не принимаешь на благословение.

На что он отвечал:

— Благословенный, слава Богу, у меня всего достаточно. Зачем мне лишать этих благословений других отцов, которые на самом деле имеют нужду?

Благодаря своим великим подвигам старец освободился почти от всех человеческих желаний и жил как Ангел во плоти, а не просто носил ангельский образ. После вечерни он съедал лишь один сухарь, а потом день и ночь молился и совершал поклоны. Даже во сне он повторял Иисусову молитву и, просыпаясь, договаривал оставшуюся часть молитвы. Его тело спало, а душа бодрствовала и молилась. Его молитва стала самодейственной, и он часто говорил мне: «Я слышу ангельские псалмопения — такие умилительные, что от этого сладкого небесного пения не могу устоять на ногах».

Такое блаженное состояние питало его и душевно и телесно, поэтому для поддержания своего су-

ществования он ни в чем не нуждался. На то немногое, что ему было нужно, он зарабатывал своим рукоделием: плел четки и собирал на горе Афон лекарственные травы, а в обмен на это получал сухари.

Когда кто-либо заставлял его принять какое-нибудь благословение, он находил способ отплатить этому человеку вдвойне — либо травами, либо четками.

Несмотря на то, что он совершенно не заботился о себе и кожа у него приросла к костям, он совершал великие духовные подвиги, и можно было явственно наблюдать, как благодать Божия укрепляет его. Живот у него был впалый. Когда случалось, что у него расстегивался подрясник, можно было пересчитать все его ребра, похожие на прутья корзины.

Я знавал множество подвижников, но отец Петр был каким-то особенным. На его лице было запечатлено божественное умиление. Духовный улей его души наполнился, и духовный мед переливался через край.

Когда его спрашивали: «Как ты, старче, поживаешь там в своей келлии?» — он отвечал: «Слава Богу, свою келлию, свои дорогие Катунаки я не променяю на все дворцы мира!»

Каждые шесть месяцев он покидал «свои дорогие Катунаки» и отправлялся в различные монастыри Святой Горы, чтобы продать свое рукоделие и купить сухарей на следующие полгода. Вы можете догадаться, была ли его котомка большой и сколько сухарей, которые были обычно его единственной пищей, съедал он за шесть месяцев.

Каждые шесть месяцев он заходил и в монастырь, в котором жил я, чтобы повидаться со мной. В последний его приход меня, к сожалению, на месте не оказалось. Он остался ждать меня за оградой монастыря, так как стеснялся войти внутрь. Когда я пришел после обеда, он ждал уже четыре часа. Увидев меня, он бросился ко мне, как маленький ребенок, несмотря на то, что был вдвое старше.

Мы пошли ко мне в келлию. Я хотел поухаживать за ним, чтобы он отдохнул, однако старец очень тактично, чтобы не обидеть меня, уклонился от этого. Он попросил только горячей воды, бросил в нее два стебелька лекарственной травы, которая была у него с собой, и выпил. На мои уговоры что-нибудь съесть он ответил: «Отец Паисий, прости меня. Я хочу приготовиться к причастию на праздник преподобного Петра Афонского двенадцатого июня. Я пришел, чтобы в последний раз увидеться с тобой и попросить у тебя прощения, потому что скоро умру. Поэтому я не могу взять тебя к себе послушником. Прости меня, я скоро умру».

Мне все это показалось странным. Ни с того ни с сего, будучи в полном здравии, он заявляет, что собирается умирать! Однако после нашей беседы, которая длилась два с половиной часа, а также наставлений, которые он мне преподал, я поверил, что это действительно так.

Он наставлял меня стоя, и я попросил его присесть. Однако он отказался и сказал: «Не подобает слово Божие говорить сидя», хотя после девятичасового пути с поклажей был очень уставшим.

На этот раз он нес свое рукоделие, чтобы приобрести за него все необходимое для погребения. Он хотел в последний раз побывать на Божественной литургии в келлии преподобного Нила, где принял монашеский постриг, и увидеться со своими немногочисленными друзьями, рассеянными по Святой Горе, и попросить у них прощения. Поскольку это было его последнее посещение, он беседовал со мной больше обычного, возможно, чтобы доставить мне больше радости и чтобы хоть как-то смягчить мою скорбь из-за утраты, которая меня ожидала. Перед тем, как он преподал мне свои наставления, я говорил с ним о трудностях, с которыми мне приходилось сталкиваться на своем послушании. Почти весь день я проводил с мирскими и, сам того не желая, постоянно выслушивал грязные мирские истории. Отец Петр

ответил мне: «Отец Паисий, мы должны на все смотреть с добрыми помыслами».

Старец стяжал совершенную чистоту и все видел чистым, так как в нем уже не было греха, но обитал Христос.

Затем я спросил его об одном происшедшем со мной случае — было ли это от Бога или от лукавого, хотевшего ввести меня в прелесть. Он мне ответил, что это было от Бога, а затем добавил следующее: «Отец Паисий, я постоянно переживаю подобные божественные состояния. Когда Божественная благодать посещает меня, мое сердце согревается сладостной любовью Божией, и некий дивный свет освещает меня изнутри и снаружи, так что даже келлия у меня наполняется светом. Тогда я снимаю скуфью, смиренно склоняю голову и говорю Христу: «Ударь меня в самое сердце жезлом Своего милосердия». От благодарности мои глаза источают слезы умиления, и я славословлю Бога. Я ощущаю, как мое лицо начинает светиться. В такие часы, отец Паисий, для меня замирает все вокруг, потому что я чувствую рядом Христа и больше уже ничего иного не могу у Него просить. Тогда останавливается молитва и руки уже не могут перебирать четки».

Чтобы я не понял его слова превратно и не оставил четки, не достигнув еще такого небесного состояния, он рассказал мне один случай: «Четки, отец Паисий, мы не должны выпускать из своих рук никогда, потому что это оружие монаха, которое имеет огромную силу. Однажды в Карее я перекрестил четками одного бесноватого, и он тут же исцелился».

Об этом случае я слышал и от отца Евмения, который был тогда там и видел все своими глазами. Отец Петр сидел в Карее возле разложенных для продажи четок и лекарственных трав. В это время он заметил человека, мучимого нечистым духом, которому окружающие ничем не могли помочь. Видя это, отец Петр встал, собрал свое рукоделие, бесшумно приблизился к бесноватому, перекрестил его четка-

ми и быстро, чтобы его не заметили, ушел. Почти все присутствовавшие увидели лишь то, как бесноватый внезапно исцелился, и прославили Бога за то, что и в наше время еще существуют святые! Однако маленького отца Петра почти никто, за исключением двух-трех человек, не заметил.

Старца мало кто знал, потому что он почти ни с кем не общался, стараясь оставаться в неизвестности. Однако все слышали о Петруше. Если кто-то из знакомых встречал его и спрашивал о чем-либо, он в ответ приводил очень точные примеры, как будто взятые из «Отечника» (примеры были разные, но смысл их был один и тот же). Человеку, не имевшему святоотеческой глубины, можно было легко соблазниться тем, что он говорил. Например, он говорил: «Молитва смиренного переубеждает Бога», имея в виду, что молитва смиренного преклоняет Бога на милость. Также о посте он говорил: «Если вода перестанет попадать в лужу, она высохнет, и все лягушки в ней передохнут». То есть когда иссыхает чрево, умирают страсти. Как я сказал, у него был свой «Отечник».

Помимо прочих добродетелей, он отличался большой рассудительностью. Когда некоторые церковные вопросы, связанные главным образом с переходом на новый стиль, особенно обострились, он отошел от фанатично настроенных зилотов[1] и с тех пор начал заходить в монастыри. Когда он приходил ко мне, то слушал службу в притворе. Как-то я спросил его: «Почему ты не заходишь в храм?» Он мне ответил: «Чтобы никого не смутить. Если в притворе меня увидят зилоты, то скажут: «Отец Петр кого-то ожидает», — и не смутятся. А если увидят отцы обители, то тоже не смутятся, потому что заметят, что со мной моя котомка».

---

[1]Зилоты — группа радикально настроенных монахов, живущих главным образом на Афоне в районе Карули, которые не признают никакой церковной власти и пребывают фактически вне общения с Церковью.

Он стал выше человеческих немощей: фанатизма и тому подобного, потому что имел просвещение от Бога. Он был зилотом в хорошем смысле этого слова[1]. Причащался он обычно раз в неделю, если не выпадало никакого праздника на будний день. Также он ходил на литургии, совершавшиеся в соседних каливах. Здесь он принимал только антидор, чтобы после этого пойти еще на одну литургию, где он уже пил святую воду — в случае, если не причащался, хотя пребывал в таком духовном состоянии, что мог бы причащаться и чаще.

Как я уже говорил, он постоянно постился, вкушая пищу только после вечерни. В Великий пост он ничего не вкушал по три дня подряд и только по субботам и воскресеньям ел дважды в день с растительным маслом. Службы он заменял молитвой по четкам, которая у него занимала по семь часов в день. И это помимо его личного правила, которое состояло из семисот земных поклонов и тридцати трех сотниц с поясными поклонами. Из всего этого треть он делал за самого себя, а другие две трети — половину за живых и половину за усопших. Если он узнавал, что у кого-нибудь были какие-либо трудности, то совершал за него отдельную молитву с поклонами. Также часы, вечерню и повечерие он совершал по четкам. Другими словами, молитва была его рукоделием.

Пребывая в таком святом состоянии, отец Петр имел столько смирения, что считал себя величайшим грешником, обуреваемым множеством страстей. Когда священник читал Евангелие, он снимал свою скуфейку, подходил к Святым вратам и приклонял голову под Евангелие, чтобы, как сам он говорил, из него вышли все злые духи.

Считая себя ничтожеством, он не брал себе послушников. Однажды после моих настойчивых просьб он согласился взять меня своим послушником, одна-

---

[1]Слово «зилот» буквально означает «ревнитель».

ко тогда мне не дали благословения в монастыре, в котором я жил. Когда отец Петр пришел ко мне в последний раз и сказал, что готовится к отходу в мир иной, а также попросил у меня прощения, что не может взять меня послушником, так как скоро умрет, я уразумел волю Божию, которая скрывалась за отказом монастыря: Господь хотел забрать отца Петра к Себе. Кажется, я был недостоин жить вместе со святым. Из-за моей греховности для меня достаточно было уже того, что Бог удостоил меня познакомиться с ним и получить от него великую духовную пользу. Если бы Господь сподобил меня хотя бы издали видеть его и в будущей жизни, — это было бы великой милостью.

Незабываемыми для меня останутся его последние наставления, которые он дал мне во время нашего прощания. Здесь можно явственно видеть величие Божие во святых Его, как и в маленьком преподобном Петре, которого его друзья не целовали мертвого, но который сам пришел к ним, чтобы они дали ему живому «последнее целование».

После этого он зашел в Карею, взял все необходимое для своего погребения и направился в келлию преподобного Нила. На следующий день, 12 июня, в свои именины (память преподобного Петра Афонского) он причастился. Сюда также пришли отцы из округи (отшельники). Когда закончилась Божественная литургия, отец Петр вышел из церкви, приготовил для отцов воду и лукум, потом сел рядом и сомкнул глаза, предав свою освященную душу Христу. Отцы подумали, что он заснул, и ждали, пока он откроет глаза, чтобы пожелать ему многолетия. Толкнув его в бок, они поняли, что он отошел на Небо, и пожелали ему Царствия Небесного.

Он упокоился 12 июня, в день памяти преподобного Петра Афонского, в 1958 году. Да будут с нами его святые молитвы. Аминь.

Отец Августин

Отец Августин родился в России, в Полтавской губернии, в 1882 году. Его мирское имя было Антоний Корра[1]. Отца его звали Николаем, а мать — Екатериной. Они были благочестивыми людьми, а потому и своего сына Антония воспитали в благоговении и страхе Божием.

Еще в отроческом возрасте Антоний стал послушником в одном из монастырей у себя на Родине. Однако одно искушение, приключившееся с ним, заставило его оставить свою обитель, Родину и приехать в удел Божией Матери, чтобы обезопасить себя от такого рода искушений.

Как он сам рассказывал, в монастыре, где он поселился, почти все монахи были людьми пожилыми. Они посылали его помогать одному монастырскому рабочему ловить рыбу, так как обитель жила за счет рыбной ловли. Однажды пришла дочь этого рабочего и сказала отцу, чтобы тот немедленно шел домой по какому-то срочному делу, а сама осталась трудиться с послушником. Ею, несчастной, овладела страсть, и она сама, не осознавая вполне, что делает, бросилась к юноше с нечистыми намерениями. Антоний в первый момент растерялся, потому что все произошло внезапно. Затем перекрестился и сказал: «Христе Иисусе, лучше мне утонуть, чем согрешить!» — и с берега бросился в речку! Но Благий Господь, видя такую великую ревность непорочного юноши, который, чтобы сохранить невинность, повторил подвиг святого Мартиниана[2], удержал его на поверхности воды, так что он даже не намок! «Несмотря на то, что я бросился в воду с головой, — продолжал он свой

---

[1]Возможно, он был из семьи выходцев из Греции, либо же автор просто изменил его фамилию на греческий лад.

[2]Святой Мартиниан (V в.), память которого Церковь празднует 13 февраля.

рассказ, — я даже не заметил, как оказался стоящим на воде, даже одежда у меня осталась сухой!»

В тот момент он ощутил в своей душе глубокую тишину и невыразимое умиление, которые совершенно изгнали все греховные помыслы и все плотские желания, возбужденные в нем поначалу непристойным поведением девушки. Та же, увидев Антония стоящим на воде и пораженная этим великим чудом, расплакалась, раскаиваясь в своем грехе.

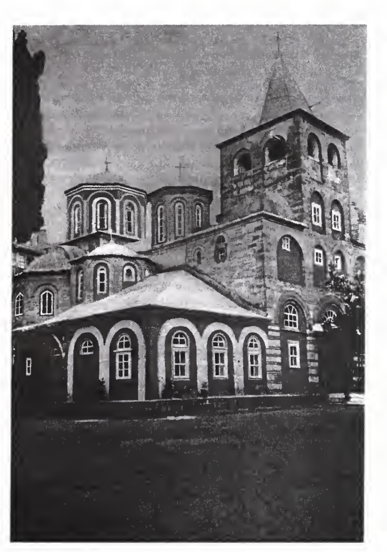
Послушник сразу же пошел в свой монастырь и начал слезно просить игумена дать ему благословение уехать на Святую Гору, говоря, что чувствует себя духовно слабым, а также боится оставаться в миру. Он ни словом не обмолвился ни о поведении девушки, чтобы та не пострадала, ни о чуде, которое с ним произошло, во всем виня лишь самого себя.

Помысел говорит мне, что самым большим чудом было то, что он взял грех на себя, скрыв настоящую виновницу, а также то, что в таком возрасте мужественно воспротивился великому искушению. А для Бога, Который одним пальчиком удерживает весь мир, не составляет никакого труда удержать на поверхности воды одного послушника.

Игумен внял его просьбам — он, конечно же, не мог ему препятствовать, — однако одновременно и огорчился, что теряет такого послушника.

Получив разрешение, Антоний немедленно отправился на Святую Гору. Это было в 1908 году. Посетив различные монастыри и келлии, он остался в каливе Честного Креста Господня, принадлежавшей монастырю Каракаллы. Здесь в 1910 году он стал монахом, получив при постриге имя Августин. В 1943 году, стремясь к большему безмолвию, он перешел жить в келлию Введения во храм Пресвятой Богородицы, подчинявшуюся монастырю преподобного Филофея. Здесь он с ревностью подвизался до самой своей старости и больше ни разу не выходил в мир.

В 1950 году я впервые услышал о старце Августине, но мне все никак не представлялось случая позна-

Монастырь преподобного Филофея

комиться с ним, тогда как все вокруг говорили о его святости.

В 1955 году, когда мне во второй раз довелось посетить монастырь преподобного Филофея, на другой день после своего прихода я пошел в его келлию, но его, к сожалению, не оказалось на месте. Я оставил у дверей келлии кое-что из вещей и вернулся в монастырь, пытаясь остаться незамеченным, дабы не искушать отцов тем, что хожу по келлиям с вещами. На следующий день после обеда приходит в монастырь сам старец Августин и спрашивает:

— Где здесь отец Паисий?

Отцы удивились и говорят ему:

— Даже мы еще толком его не знаем, а ты-то откуда его знаешь? — и показали ему мою келлию.

Только я открыл дверь, как он сделал передо мной земной поклон и сказал: «Благословите! — потом говорит: — Бог да помилует тебя за те благословения, которые ты мне принес».

Затем он достал из своей котомки завернутые в платок семь маленьких персиков, размером не больше алычи, с полузасохшего персикового дерева, росшего возле его келлии. Я хотел было скрыть от старца, что именно я приносил ему благословения, но он сказал: «Я видел тебя из скита пророка Илии».

Скит пророка Илии находится на расстоянии приблизительно четырех часов ходьбы от келлии отца Августина. Выходит, старец имел дар прозорливости. Для Бога, конечно же, нет близких или дальних расстояний.

Пользуясь случаем, хочу рассказать еще одну похожую историю. Сосед отца Августина, диакон Вениамин, видел, находясь в своей келлии, как по телевизору, убиение царской семьи. Через некоторое время он узнал, что именно в этот день коммунисты расстреляли царскую семью.

Отец Августин, несомненно, тоже мог видеть, и даже еще дальше, ведь у него тоже был духовный те-

левизор (дар прозорливости), который он приобрел благодаря чистоте своей души, смирению и любви.

Старец имел великое сострадание к несчастным животным, поэтому все, у кого были старые или увечные животные, оставляли их где-нибудь неподалеку от его келлии, ничего ему не сообщая. Келлия отца Августина превратилась таким образом в приют для престарелых зверей со всей округи: от монастырей Каракаллы и Филофея до Иверского. Бедный старец брал в руки косу и все лето косил на зиму траву для увечных и старых животных, которых оставляли ему мирские. Если он сам находил какое-нибудь старое брошенное животное, то тоже забирал его в свой приют.

Встречая по пути какого-нибудь человека, он делал перед ним земной поклон и говорил: «Благословите!» Он не смотрел, был ли перед ним священник, монах, старик или юноша-мирянин, так как имел великое смирение и считал всякого старше себя, а себя — младше всех. Однажды, когда он сделал поклон перед кем-то из мирян, его увидел человек, имевший богословское образование, и смутился:

— Как, ты делаешь поклоны перед мирянами?!

На что отец Августин ответил:

— Да, потому что на них благодать Святого Крещения.

Великая любовь и смирение старца не имели предела. Однажды, рассказывал он мне, ему в его келлии явился диавол в виде ужасного пса, изрыгавшего из пасти огонь. Он устремился на старца,чтобы его задушить, потому что молитвы старца жгли его — как он сам ему признался. Отец Августин схватил его и ударил о стену со словами: «Злой бес, зачем ты воюешь с созданиями Божиими?»

«Бес сильный, — продолжал старец свой рассказ, — да и я не из слабых — припер его к стене. Однако после этого меня сильно мучила совесть, что пришиб диавола. Я с нетерпением ждал утра, чтобы пойти и

исповедаться в том, что ударил диавола. Как только рассвело, я пошел в Провату[1] к своему духовнику и исповедался. Но мой духовник оказался очень снисходительным. Он не дал мне никакой епитимии и велел причаститься. На радостях я всю ночь провел в молитве по четкам, а потом пошел на Божественную литургию и причастился. Когда священник вкладывал мне в уста святую лжицу, я увидел Святое Причастие в виде Плоти и Крови и разжевывал его, чтобы проглотить. Одновременно я ощутил великую радость, которой не мог вынести. Из моих глаз текли слезы, а голова сияла, подобно лампе. Я быстро ушел, чтобы отцы не видели меня, и благодарственные молитвы читал уже у себя в келлии».

Старец всегда светился, ибо его покрывала Божественная благодать. Достаточно было только посмотреть на него, чтобы забылась любая скорбь, потому что благодаря своей внутренней доброте он сеял вокруг себя радость. Его внешнее одеяние — латаный-перелатаный подрясник — было хуже тряпья, которое садовник надевает на пугало. Когда случалось, что кто-то приносил ему какую-нибудь хорошую вещь, он тут же отдавал ее другим.

В его келлию часто приходили рабочие, которые на пристани грузили монастырский лес. Когда им было что-то нужно, они шли в келлию отца Августина и брали все необходимое без спросу. Часто они забирали у него последнее. Поэтому иногда старца можно было застать лежащим без сил от недоедания. Единственный выход из этого положения состоял в том, чтобы монастырь снабжал его мукой, из которой он мог бы готовить себе что-нибудь съестное. Отец Августин где-то раздобыл старую сковородку и пек себе на ней нечто похожее на блины, которые замешивал на одной воде с солью и которые заменяли

---

[1]Провата — район, расположенный неподалеку от монастыря Каракаллы и входящий во владения Великой Лавры.

ему хлеб и прочие блюда. Когда разрешалось растительное масло, он обмакивал в него перо, крестообразно помазывал им блин и таким образом утешался в положенные дни. Некоторые монахи слегка подшучивали над старцем и спрашивали:

— Что ты ешь, отец Августин?

Тот отвечал:

— Я все время ем блины.

Если отцы давали ему соленую сардину, он берег ее, чтобы угощать гостей. Старец отрезал у сардины голову и подавал рыбу, будучи вне себя от радости, что может предложить такое угощение.

Он всегда поступал таким образом, лишая себя всего. Зато его непрестанно насыщал Христос Своей Божественной благодатью. Его любили все монахи в округе и миряне. Особенно же его любили отцы из монастыря преподобного Филофея, которые, когда он начал слепнуть, стали упрашивать его перебраться к ним. Однако старец думал о том, что будет со всеми его увечными и старыми животными, если он уйдет, и потому не соглашался. Наконец, отцы, дай им Бог здоровья, взяли к себе и его и его животных. После этого он успокоился.

В монастыре отцы заботились о нем, и он считал это великим благословением Божией Матери. Из благодарности он постоянно пел «Достойно есть», и глаза у него были полны слез радости. Пребывание отца Августина в обители было для всех большим благословением. Оно приносило огромную пользу и престарелым монахам, жившим в монастырской богадельне, потому что отца Августина посещали не только люди, но и святые, Ангелы и даже Матерь Божия. Когда старец видел Божию Матерь или святых, то очень огорчался, что остальные старцы продолжали лежать или сидеть. Он расталкивал их, говоря: «Божия Матерь!» — или, когда видел Ангела: «Ангел!»

Те, конечно, ничего не видели, но понимали, что что-то происходит, немедленно поднимались и стоя-

ли с благоговением. Однако монах, ухаживавший за старцами, считал все это прелестью и ругал старца, говоря: «Оставь старцев в покое. Не хватало еще слушать тебя с твоей прелестью!»

Однако старец продолжал всех поднимать, будучи не в силах сдержать себя от благоговения.

Когда его навещали отцы, то не успевали они спросить, как у него дела, а он уже выпытывал:

— Как поживают мои мулы и ослики?

Ему отвечали:

— Очень хорошо, — и старец радовался.

— Ты как поживаешь, отец Августин?

— Слава Богу, очень хорошо.

Так, благодаря своей большой доброте, постоянно пребывая в радости, славословя Бога и непрестанно молясь, он проводил или, лучше сказать, переживал райскую жизнь в уделе Божией Матери. Внутри него пребывал Христос. Его сердце было раем. Он сподобился и в земной жизни лицезреть Ангелов, святых и даже Божию Матерь, и в загробной — радоваться вечной радостью!

Когда отец Августин уже отходил, его лицо трижды просияло подобно молнии. Бог устроил так, что при этом рядом находился и ухаживавший за старцами монах, который был поражен увиденным и убедился в истинности тех посещений, о которых говорил старец.

Отец Августин упокоился в Господе 27 марта 1965 года в возрасте 83 лет. Да будут с нами его молитвы. Аминь.

Отец Георгий отшельник

Отец Георгий родился в городе Сикья в Сифонии[1] в 1922 году. Его мирское имя было Иоанн. Имя Георгий он получил в ангельском образе, когда родился духовно на соседнем Афонском полуострове, в уделе Божией Матери.

---

[1]Полуостров, находящийся рядом со Святой Горой.

Он жил на Святой Горе, подобно птице небесной, под открытым небом, как под куполом дома Божия, потому что у него не было своей хижины, как у других отцов. Благодаря добродетели нестяжания освободившись от суеты и поработив себя любви Божией, он странствовал по всему Афону как «добрый бродяга» Христов. Все его имущество составляла истертая одежда, которую он носил и зимой и летом. Ноги он обматывал какими-то тряпками, служившими ему вместо носков, чтобы не текла кровь после стояния на молитве и лазанья по вершинам и ущельям, куда он уходил, желая уединения. В то время как его душа все больше соединялась с Богом, одежда все сильнее рвалась. В конце концов она стала похожа на крылья, ибо старец имел благодать Божию.

Когда отец Георгий сидел среди ежевичных кустов и ел ежевику, его можно было принять за большого орла. Летом он кое-как перебивался на ежевике и смоквах, а зимой, когда почти ничего нельзя было найти, ему приходилось туго, потому что уже в ноябре отходят земляника и каштаны и остаются одни лишь желуди да кое-какая трава. Вареную пищу он вкушал только на престольные праздники в монастырях, расположенных в северо-восточной части Святой Горы, куда он время от времени наведывался. Обычно он приходил накануне праздника и помогал или на кухне, или в уборке обители. Все вокруг ему только давали приказания, считая его умственно недоразвитым. Но если кто-нибудь узнавал его поближе, то себя начинал считать недоразвитым, а отца Георгия — богопросвещенным.

Он в любую минуту был готов исполнить волю всякого. То один звал его: «Георгий, иди сюда», то другой: «Георгий, иди сюда». Тот всегда отвечал: «Благословите!» — и бежал, куда его звали. Так продолжалось с утра до вечера. Никто не обращался к нему: «Отец Георгий», но: «Георгий». Несмотря на усталость, вечером он не шел в архондарик (гостиницу), чтобы отдохнуть, а располагался снаружи при-

Монастырь Хиландар

Скит святой праведной Анны

Скит Керасья на юге Святой Горы

твора, растягиваясь на мраморе, как мертвый, со скрещенными руками — таков был его устав и летом и зимой — и всегда в одной и той же одежде.

Все времена года для отца Георгия были одинаковыми, потому что он жил уже в раю, и любовь Божия то согревала его, то давала прохладу. Словно по тревоге, он быстро вскакивал с места, где лежал, и начинал молиться, неподвижно стоя на протяжении многих часов, словно статуя.

Когда я, живя еще в монастыре, впервые познакомился с ним, то, будучи новоначальным монахом и имея мирские критерии для оценки людей, принял его за сумасшедшего, как и все миряне и некоторые монахи. Однажды даже позволил себе сказать, что он сумасшедший. Когда это услышал отец Герман, старейший и добродетельнейший монах обители, то сделал мне строгое замечание: «Он святой, но юродствует Христа ради».

С той поры я начал относиться к нему с большим благоговением. Наблюдая за ним, я вскоре сам убедился, что он действительно святой.

Приходя на праздники в монастырь, он причащался и оставался в обители до вечера, чтобы помочь монахам, а затем уходил, не взяв с собой ничего на благословение. Поэтому у него не было ни котомки, ни карманов. Он жил в саду Божией Матери, подобно птице. Такого великого самоотречения я не встречал ни у кого из отцов!

Отец Георгий полностью предал себя в руки Божии и потому чувствовал себя в полной безопасности, охраняемый Самим Христом, а также испытывал бесконечную радость, которую не в состоянии был вместить. Его сердце, окрыленное Божественной любовью[1], заставляло его скитаться по горам: он «брел куда глаза глядят» — в хорошем смысле слова. Он всегда пребывал в радости.

Часто он говорил вещи, которые люди, не могущие их понять, считали несуразностями. Однако его слова имели свой смысл. Встречаясь иногда с людьми, которые могли подозревать о его подвижничест-

---

[1]Старец Паисий употребляет здесь слово «эрос», которое святые отцы употребляли для обозначения наивысшей степени любви человека к Богу (см., например: св. Григорий Нисский, 13-я беседа на Песнь Песней; св. Дионисий Ареопагит «О Божественных именах», 4, 11; св. Максим Исповедник «Схолии на Божественные имена», 4, 15 и т.д.). В другой своей книге («Послания») отец Паисий пишет: «Те же, которые живут духовной жизнью по-мирски, то есть когда у них постоянная Пасха и они не переживут сначала Великой четыредесятницы и распятия, не могут духовно воскреснуть и полюбить Христа, потому что сами не пострадали, чтобы почувствовать Христовы страдания, которые Он претерпел ради нашего спасения, чтобы умилиться от любви Христовой и «сойти с ума» от Божественного эроса, поглотившись Небом.

Итак, когда человек не продвигается по естественному пути духовной жизни распятие — воскресение, чтобы пережить пасхальное духовное состояние, он еще более несчастен, чем миряне. Ибо миряне как-то могут понять, что значит Божественный эрос, тогда как те, которые отправились в путь к небесной любви и высшим радостям, из-за того что обращаются также и к мирским радостям, остаются на середине дороги, подобно жене Лотовой, а потому их сердце бесчувственно, как камень, и они искушаются самим выражением «Божественный эрос», когда встречают его в книгах нашей Церкви».

ве, он говорил: «Еда — жизнь, пост — смерть; еда — жизнь, пост — смерть...»

Конечно, когда кто-нибудь это слышал, начинал думать, что перед ним чревоугодник. То же самое впечатление он производил на людей, когда ему случалось есть в трапезной, потому что намеренно ел, как чревоугодник. Если на стол подавали яйца, он умудрялся перепачкаться ими, а поскольку он никогда не умывался, то казалось, что он постоянно ест яйца.

Когда кто-либо задавал ему духовные вопросы, он отвечал очень рассудительно, но, если видел, что другие им восхищаются, начинал говорить всякую несуразицу и морочить голову. Особенно он подчеркивал важность смирения и послушания. Поэтому несмотря на то, что его разум уже давно был подчинен воле Божией и воле других людей, он вновь почувствовал необходимость святого подчинения и опять поступил послушником к одному старцу, у которого от менингита повредился рассудок, с тем чтобы ухаживать за ним и с помощью безрассудных приказов старца еще больше отсекать свою волю.

В тот период, когда он как послушник жил вместе с больным старцем, я впервые увидел отца Георгия с котомкой. В конце концов старец прогнал его. Получив награду за свое послушание, он вновь ушел в горы.

С течением времени отец Георгий становился духовно все более зрелым, и некоторые отцы начали об этом догадываться. Из-за этого он стал производить бесчинства, в том числе и перед официальными лицами.

Однажды отец Георгий увидел жандарма[1], поступавшего несправедливо, и дал ему два-три тумака. Этого оказалось достаточно, чтобы о нем сложилось мнение как о сумасшедшем и чтобы его отправили в сумасшедший дом. Врачи тщательно обследовали его,

[1]На Афоне существует своя, местная, жандармерия.

но ничего у него не нашли и отпустили. Однако у него остался «диплом» сумасшедшего, с которым он стал чувствовать себя намного свободнее.

Таким способом человек Божий осмеивал суету мирскую. Нам неизвестно, где он находится сейчас. Я пробовал было что-то разузнать о его местопребывании, но никто ничего не знает об этом. Отошел ли он на Небо? Жив ли еще? Его следы потерялись. Да будут с нами его молитвы. Аминь.

Старец Филарет

Одним из скрытых монахов, с ревностью подвизавшихся в уделе Божией Матери и стремившихся к «вожделенному» — спасению души, — был старец Филарет, друг добродетели[1]. Его земной родиной была Трансильвания[2]. Он родился в 1892 году от Рождества Христова и в святом крещении получил имя Николай. Его отца звали Иоанном, а мать — Марией. Их фамилия была Дукас.

Итак, в 1912 году в возрасте двадцати лет Николай Дукас пришел на Святую Гору и постригся в монахи в Ватопедской келлии святого Ипатия с именем Филарет. Здесь он прожил восемь лет, а в 1920 году перебрался в принадлежавшую монастырю Ставроникита келлию святого Андрея в Капсале к старцу Модесту, за которым ухаживал до самой его смерти. В этой же келлии он продолжал и завершил свой «добрый подвиг»[3].

Начиная с 1956 года, многие отцы и, главным образом, его послушник отец Варфоломей, который иногда приходил в монастырь преподобного Фило-

---

[1]Имя Филарет переводится с греческого языка как «любитель, друг добродетели».

[2]Территория, находившаяся в составе Венгрии, с 1920 г. закреплена за Румынией, затем вновь присоединялась к Венгрии; с 1944 г. — область Румынии.

[3]См.: 1 Тим. 6, 12.

Монастырь Ватопед

Монастырь Ватопед

фея, рассказывали мне о высокой духовной жизни честного старца, однако познакомиться с ним ближе я удостоился лишь в 1968 году, поселившись недалеко от него, в келлии Честного Креста Господня, принадлежавшей монастырю Ставроникита. Сколько бы раз я к нему ни приходил, всегда заставал старца стоящим во дворе и опиравшимся одной рукой на ограду, а в другой руке державшим четки. Он сильно страдал от одышки, а потому обычно выходил на воздух.

Когда я спрашивал его: «Как твои дела, старче?» — он мне отвечал: «Слава Богу».

— Хочешь, чтобы я тебе что-нибудь принес?

— Матерь Божия посылает мне все необходимое.

Он не принимал ничего. А если кто-нибудь оставлял что-либо тайно, для ревностного старца это было сущим мучением, так как он отличался большой духовной щепетильностью. То есть он считал своим долгом много молиться за жертвователей, слишком высоко оценивая вещи, которые ему приносили. Если вещь стоила пять драхм, он ее оценивал в двадцать драхм и должен был совершить двадцать сотниц молитв с поясными поклонами(!) за того, кто оставлял ему благословение.

Как-то раз я попросил старца принять одно небольшое благословение, однако он отказался: «Не могу, не могу, не успеваю делать сотницы с поклонами. У меня и свое правило, и отца Варфоломея, потому что он болен и Христос спросит с него только за терпение».

Отец Варфоломей, его послушник, много лет страдал от тяжелой формы болезни Паркинсона. Его всего трясло. Старец Филарет не только исполнял за него его правило, но еще и ухаживал за ним, невзирая на свои семьдесят восемь лет. Он прислуживал ему целых пятнадцать лет, пока сам не слег.

Из-за стояния на молитве у него на ногах лопались вены и текла кровь через носки в обувь, а из обуви — на пол. Поскольку у него была еще и одыш-

ка, то, чтобы не упасть, он сидел в углу, укутанный в старые одеяла. Конечно, отцы навещали его, но получалось, что приходили то все сразу, то не было никого, потому что каждый думал, что придет кто-то другой, и в конце концов два монаха оставались без помощи. В такие дни, без сомнения, они в большей степени должны были чувствовать Божественное утешение, потому что не имели человеческого. И вот еще почему: оба они имели великую любовь, поскольку каждый из них заботился о другом, а потому о них обоих заботились Христос и Божия Матерь и подавали им Божественное утешение.

Отца Филарета и его послушника отца Варфоломея, который был почти парализован, приглашали к себе жить не только отцы из монастырей, но и из келлий. Те, однако, не принимали этих приглашений. Помысел говорит мне, что они в своей келлии пережили множество Божественных состояний, и потому не хотели разлучаться с этим освященным местом. К тому же по благородству своей души не желали становиться обузой для других.

Однажды, подходя к келлии старца Филарета, я почувствовал какое-то неизреченное благоухание. Отворив двери, я ощутил еще более сильное благоухание. Что же предстало там моим глазам? Несчастный старец лежал в стесненном положении и не мог ни подняться, ни вздохнуть. Я поднял его, и он постепенно отдышался. Он показал мне знаками, чтобы я его укутал. У него было мало крови, и он сильно мерз. По человеческим понятиям келлия и сам старец должны были смердеть от жидкости, которая непрестанно сочилась из его ног, и тем не менее все вокруг благоухало, потому что благоухала его душа.

Увидев, в каком состоянии он находится, я попросил отца Варфоломея разрешить мне остаться в их келлии и помочь им, однако тот не согласился. Он велел мне прийти в другой день, и я был вынужден возвратиться в свою келлию.

Но что произошло со мной той ночью! Что я увидел, когда совершал по четкам полунощницу!.. Вижу я отца Филарета с сияющим лицом, на вид приблизительно двенадцати лет, восходящего на Небо и окруженного неземным светом. Из этого я заключил, что его чистая душа упокоилась в Господе. Это произошло 1 июня 1975 года. Умер он в возрасте восьмидесяти трех лет. Да будут с нами его молитвы. Аминь.

Отца Варфоломея приютили братия из монастыря Ставроникита. Да воздаст им Господь за их добрые дела! Тем более, что отец Варфоломей был достоин их усердной заботы, ибо еще мальчиком, в возрасте пятнадцати лет, он ради духовного подвига приехал из Румынии в удел Божией Матери, тогда как другие дети его возраста еще играли у себя на родине.

На протяжении многих лет отец Варфоломей исполнял послушание в больнице для прокаженных, которая располагалась на территории Иверского монастыря.

Божия Матерь «Иверская», Которая заботится даже о прокаженных, да позаботится о спасении и моей прокаженной души. Аминь.

Старец Ефрем «окаянный»

Напротив келлии старца Ипатия (Валашские келлии), над Катунаками, можно увидеть пещеру, которая, как рассказывают старцы, во времена турецкого ига была вертепом разбойников[1]. Эту пещеру старец Ефрем превратил в Божественную Вифлеемскую пещеру, освятив ее своей святой жизнью.

Старец Ефрем был родом из Фессалии. У него была незлобивая и смиренная душа и мужественный и подвижнический дух.

---

[1]Имеются в виду клефты, которые во время турецкого ига скрывались в горах, нападали на турок и грабили их. Позже они приняли активное участие в освободительной борьбе греческого народа за независимость.

Отец Иерофей и отец Макарий из Керасьи говорили, что старец Ефрем похож на древних монахов Нитрии и Фиваиды. То же самое говорили о нем благочестивые старцы из скита святого Василия[1], а также его соседи-сподвижники. Все почитали его за добродетели и особенно за великое смирение и незаметность. Сам он называл себя окаянным. Из одного-двух случаев, которые я хочу здесь упомянуть, многое смогут понять имеющие доброе произволение и подвизающиеся незаметно для других.

Поскольку отцы, жившие в тех местах, имели обычай спускаться вниз и покупать что-нибудь (еду и т.д.) или же брать благословение в монастырях (сухари, овощи или фрукты), то и отец Ефрем ночью тайно спускался из своей келлии и наполнял котомку пустыми консервными банками, которые выбрасывали в ущелье, а днем поднимался в свою пещеру. Так он создавал видимость, что носит к себе продукты. Дойдя до пещеры, он разбрасывал пустые консервные банки у входа, чтобы посетители думали, что он чревоугодник, тогда как на самом деле он строго постился. Из-за непосильных подвигов и высокой влажности внутри пещеры он заболел туберкулезом. По этой причине он был вынужден построить поодаль от пещеры, на солнечном месте, маленькую каменную келлию, в которой сам едва помещался.

Там он продолжал жить по своему прежнему уставу: тайно носил из ущелий пустые консервные банки и разбрасывал их у входа. Все, которые их видели, не зная об истинном положении вещей, говорили: «Что он здесь делает? Одни банки кругом!»

Все благословения, которые время от времени приносили ему отцы, он с радостью принимал, однако ночью относил их и оставлял возле келлий тех отцов, которые имели нужду или болели.

---

[1]Скит, находящийся на юге Святой Горы.

Сам он имел великое самоотречение и полностью предал себя Промыслу Божию. Однажды, когда из-за сильного снегопада он оказался запертым в своей пещере, Благий Господь послал ему еду посредством некоего человека, который, оставив котомку с благословениями, исчез на глазах у старца Ефрема! Старец прославил Бога и прожил всю зиму, питаясь этим благословением Божиим.

Несмотря на все добродетели, которые я описал выше, старец Ефрем имел великое самоукорение. Некоторые, к сожалению, верили тому, что он говорил, обвиняя самого себя.

Так смиренно и незаметно ради любви Христовой совершал он свой суровый подвиг и в 1962 году упокоился в Господе. Да будут с нами его молитвы. Аминь.

Старец Константин Христа ради юродивый

Незлобивый и молчаливый Христа ради юродивый старец Константин (Ангелис) родился 10 февраля 1898 года в Додонской Календце, что в Эпире. Его отца звали Ставрос, а мать — Анфула. Нам неизвестны подробности первых лет его монашеской жизни, но мы знаем, что он начинал свою монашескую жизнь в монастыре Дионисия. На протяжении многих лет замечали, что он время от времени появляется в районе Кареи и останавливается там в одной заброшенной келлии Кутлумушского монастыря. (Раньше это был скит Филадельфов, посвященный святому Георгию.)

Там, в углу полуразрушенного дома, где крыша протекала меньше и где не так сильно дуло через выбитые окна и двери, прямо на полу он набросал каких-то ветхих одеял, сидя среди которых был похож на орла в гнезде.

По внешнему виду о старце Константине нельзя было сказать, кто он такой, потому что только ску-

фья да борода указывали на то, что он монах. Он всегда носил старую шинель, на поясе туго перетянутую веревкой. В ней он был больше похож на мирянина. Однако внутренне он был облечен в благодать ангельского образа, которая отражалась и на его лице. Видевшие старца издали думали, что это какой-то несчастный нищий человек или сумасшедший. Но, подойдя ближе, можно было рассмотреть его светлое лицо, и тогда становилось ясно, что этот благословенный человек скрывает в себе какую-то тайну и нельзя считать его безумным. Напротив, безумными казались те, которые говорили о старце Константине, что он сумасшедший.

Отец Костас (так его звали), живя в описанных выше условиях и совершенно не заботясь о самом себе, а также никогда не моясь, несмотря на это был совершенно чистым, так как жил жизнью птицы небесной.

С людьми он говорил редко, а с Богом — посредством непрестанной молитвы — постоянно. Часто его ум был восхищаем горé. Когда он приходил в себя, делал какие-то движения руками, чтобы ввести в заблуждение окружающих, и, не сказав ни слова, уходил прочь. Для мирских людей такое его поведение было, конечно, соблазнительным. Даже когда он говорил им что-нибудь пророчески, его слова казались им бессмыслицей.

Когда, бывало, рядом с ним разговаривали, старец Константин не следил за ходом разговора, потому что молился и его ум пребывал в Боге, и снова его принимали за «блаженного». Нужно было много раз настойчиво переспрашивать отца Константина, чтобы получить ответ, но и тогда можно было услышать лишь два-три неразборчивых, но пророческих слова.

Однажды к нему пришел юноша, желавший стать монахом, но всюду встречавший одни препятствия, воздвигавшиеся по зависти лукавым. Еще издали завидев его, старец Константин говорит ему: «Иоанн,

Центр Афона — Карея

почитай про святого Иоанна Дамаскина. Посмотри, что он претерпел!»

Иоанн, услышав это, сначала ничего не понял. Но когда прочитал житие святого Иоанна Дамаскина и увидел, что́ тот перенес от безрассудного и сурового старца, а также узнал о великом терпении святого до тех пор, пока Бог не вступился за него, то и сам стал все терпеливо переносить. Таким образом он укрепился и преуспел в монашеской жизни.

Однажды совершенно случайно с Константином повстречались три монаха, которые стали его расспрашивать, стоит ли им идти в монастырь. Тот ничего не отвечал. Один из них продолжал настойчиво спрашивать, и тогда старец пробормотал несколько слов. Сказанное им показалось тогда несуразицей, однако через несколько лет его пророчество сбылось.

Старец Константин имел внутреннюю чистоту и поэтому издали все ясно видел. К сожалению, некоторые из нас, несчастных, по неразумию, из-за того, что он жил среди развалин, считали человека Божия несчастным человеком. Он же, хотя и жил среди раз-

валин, непрестанно возводил храм своей души, которая стоит дороже всего мира, по словам Христа.

Как я уже говорил, в углу келлии, среди развалин, было его убежище из нескольких одеял. Рядом находились Псалтирь и Часослов. Из хозяйственной утвари у него была жестянка из-под консервов с проволокой вместо ручки. Это было все его богатство.

Каждую субботу он имел обычай посещать два-три «кунака»[1] в Карее, где ему насыпали в его жестянку часть от «избытков укрух». Он приходил всегда молча, ни о чем не прося: у него было особое благородство. Если в это время все были заняты, старец уходил с пустыми руками. Изредка он заходил в лавку, набирал себе в пригоршню пять-шесть маслин и уходил. Лавочники считали это большим благословением для себя, потому что любили отца Костаса. Если кто-либо незаметно подкладывал ему в карман денег, он так же незаметно оставлял их в лавке.

Так тихо, подобно незлобивой овечке, и жил отец Костас в уделе Божией Матери.

К сожалению, одиннадцать лет назад, в 1969 году, произошло следующее. Из-за множества мирских, европейцев, которым он, появляясь в Карее, попадался на глаза и которые считали его сумасшедшим, власти направили человека Божия в сумасшедший дом. Там, в больнице, врачи проверили его и ничего у него не нашли. Голова у него работала отлично. Но мы, поверхностные современные люди, судящие по внешности, нанесли ему еще одну обиду. Хотя врачи признали его совершенно здоровым, из сумасшедшего дома он был отправлен в дом престарелых. Там, в Фессалониках, совершенно неожиданно для себя оказавшись среди мирского окружения, он забился в угол и непрестанно читал молитву Иисусову. Из его глаз, не переставая, текли слезы, похожие на бисер.

Когда я узнал, что отец Костас перенес такие страдания и теперь находится в доме престарелых, то

[1]Представительства монастырей в Карее.

попросил сестру из канцелярии позаботиться о нем. Конечно, в доме престарелых было лучше, чем в сумасшедшем доме. Однако, как бы здесь ни было хорошо, для отца Константина, столь любившего безмолвие, удел Божией Матери был лучше всех дворцов на свете.

Несчастный старец, недоумевая, говорил сестре: «Зачем меня сюда привезли?»

Здесь Христа ради юродивый, настрадавшийся изза нас, по-мирски умных, провел остаток своих дней.

Неважно, что отец Костас почил в доме престарелых, а не на Святой Горе. Важно то, что мудрейший Христа ради юродивый отец Константин проснулся, как мы верим, в раю. Да будут с нами его молитвы. Аминь.

Отец Савва Эсфигменит

Одним из самых близких друзей отца Тихона был благочестивейший отец Савва, стяжавший непрестанную молитву и достигший высокого духовного состояния. Отец Савва, будучи еще отроком четырнадцати лет, оставил своих родителей и родину — Филиппиаду[1] — и затворился в уделе Божией Матери не ради игры, но ради брани. Он на самом деле мужественно вел брань, став воином Христовым и увенчавшись от Него венцом славы.

Причиной его ухода из мира, как он сам мне рассказывал, было житие святого Иоанна Кущника, пример которого зажег в его сердце пламя сладостной любви Христовой. Так он пришел на Святую Гору в Эсфигменский монастырь.

Отец Савва ревностно подвизался смолоду и до самой старости. Он не замечал самого себя, но всегда думал только о других, стараясь послужить всякому нуждавшемуся.

---

[1]Город, расположенный в Эпире, в северо-западной части Греции.

Естественно, что после многолетних суровых подвигов у него начались сложности со здоровьем. Но воин Христов с радостью переносил все страдания, вспоминая святых мучеников и славословя Бога.

Когда я спрашивал его: «Как ваше здоровье?» — он мне отвечал: «Слава Богу, очень хорошо. Я ничего не терплю в сравнении со святыми мучениками, так же как ничего не успел сделать в сравнении с преподобными отцами».

Он не оставлял своего монашеского правила до самой старости, когда его уже покинули телесные силы и боли усилились. Отец Савва переносил все боли с радостью, постоянно повторяя: «Слава Тебе, Боже».

Отцы обители из любви повезли его обследоваться в больницу в Афинах. Он, как настоящий монах-киновит, оказал им послушание. Однако, возлюбив однажды безмолвие, он испытал больше неудобств от мирского шума, чем от самой болезни, и потому попросил братий отвезти его обратно в монастырь, в котором принял постриг, в сад Божией Матери.

Братия согласились и отвезли его сначала в женский монастырь Хрисоваланд[1], чтобы он немного пришел в себя, а оттуда хотели отправиться вместе с ним на Святую Гору. Однако в один из вечеров вся обитель наполнилась неизреченным благоуханием, и игуменья не могла найти этому никакого объяснения. Вскоре все убедились, что благоухание распространялось из келлии, в которой жил отец Савва. Когда открыли дверь, все это место наполнилось небесным ароматом. Отец Савва предал свой дух Богу. Позже приехали монахи и перевезли его тело в Эсфигменскую обитель. Да будут с нами его молитвы. Аминь.

---

[1]Монастырь в Афинах, посвященный святой Ирине Хрисоваландской. Преподобная Ирина была родом из Каппадокии. Подвизалась в монастыре Хрисоваланд в первой половине XI в. Ее память празднуется Церковью 28 июля.

Иеромонах N, потерпевший искушение за свою гордость

Некогда в одном монастыре жил иеромонах, который внешне казался благочестивым, однако внутри него скрывалась гордость. Он был во всем образцовым, вежливым, с ревностью подвизался и давал другим духовные наставления, потому что был, ко всему прочему, образованным. Сам же не принимал ничьих наставлений, так как из почтения к нему никто не решался сказать ему о чем-либо плохом, что замечали за ним. Не только у других, но и у него самого создавалось ложное мнение, будто он является самым благочестивым монахом в обители.

Однажды в монастырь привезли бесноватого, и игумен поручил этому иеромонаху прочитать над ним заклинательную молитву, а также сказал братиям, чтобы те молились за него по четкам. Естественно, благодаря всему этому демона скрутило, и он закричал: «Куда ты гонишь меня, о немилосердный!»

Бес сказал это с лукавством, чтобы иеромонах подумал, будто это он его изгоняет. И вот он говорит демону: «Войди в меня».

С той поры бес получил над иеромонахом власть.

Некогда то же самое сказал бесу святой Парфений. Однако он был святым, и потому демон ему ответил: «Одно только твое имя, Парфений, жжет меня!»

После того как бес получил над этим священником власть, тот мучился много лет, и нигде не мог найти себе покоя. Он постоянно переезжал с места на место, жил то в миру, то на Афоне. Он очень устал как душевно, так и телесно — его сильно трясло.

В последние годы своей жизни он освободился от беса, потому что глубоко смирился после этого искушения, принесшего ему большую пользу, конечно, помимо его собственной воли. После случившегося он всегда разговаривал смиренно и обращался к другим за советом.

Клирики, которые не были готовы к Божественной литургии и которых Бог не допустил к ее совершению

Некогда в пещере святого Афанасия жил старец с двумя послушниками. Один из них был иеромонахом, а другой — иеродиаконом. Однажды послушники пошли служить в находившуюся неподалеку церковку. Священник сильно завидовал диакону, потому что тот был умнее и искуснее его во всем. А диакон своим эгоистичным поведением не приносил пользы душе брата.

Священник приготовился к литургии внешне, вычитав последование ко причащению и сделав все положенное, но, к сожалению, забыл о главном приготовлении — внутреннем: он не исповедался со смирением, чтобы изгнать из своего сердца зависть, которая не исчезает при смене одежды или после мытья головы.

Так, имея одно лишь внешнее приготовление, иеромонах приступил к страшному Жертвеннику. Однако

Келлия над пещерой святого Афанасия

Чудотворная икона Божией Матери «Спилиотисса»
в пещере святого Афанасия

как только он начал совершать проскомидию, случилось вот что: внезапно раздался сильный шум, и он увидел, как святой дискос поднялся с Жертвенника и исчез!

В результате они не смогли совершить богослужение. Мне кажется, что если бы Благий Господь не помешал им таким образом и священник, находясь в неподобающем духовном состоянии, дерзнул бы служить, то с ним бы приключилась большая беда.

Такого же мнения был и отец Варлаам из Виглы[1], который рассказал мне об этом случае.

Старец Аввакум

Недавно, в 1979 году, упокоился в Господе старец Аввакум, который жил в Великой Лавре и имел дар запоминать наизусть целые главы из Священного Писания. Вначале он подвизался в Вигле, однако один случай заставил его уйти в Лавру, в которой он и остался жить, пока ему не пришло время перейти в мир иной.

Однажды, будучи еще в Вигле, отец Аввакум молился по четкам на одной из скал, и внезапно явился ему бес в виде Ангела света и говорит:

— Аввакум, Аввакум, Бог послал меня забрать тебя в рай, потому что ты уже стал Ангелом. Летим со мной.

Старец Аввакум растерялся и, испуганный, отвечает:

— Как же я полечу? У тебя ведь есть крылья, и ты можешь летать.

Тогда мнимый Ангел говорит ему:

— И у тебя, Аввакум, тоже есть крылья, потому что ты стал Ангелом, только ты их не видишь.

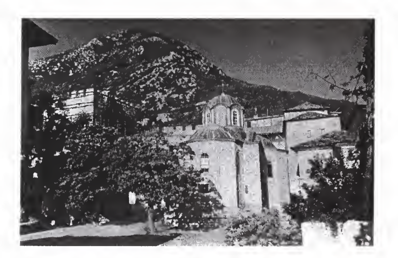
Тогда старец Аввакум смиренно перекрестился и говорит:

---

[1]Вигла — одна из так называемых пустынь Святой Горы, то есть мест, где живут отшельники или же небольшие общины монахов, не организованные в скиты. Расположена на севере Святой Горы.

Вид Великой Лавры святого Афанасия

Церковь в честь иконы Божией Матери «Кукузелисса» (в Лавре)

Источник святого Афанасия

Рака с мощами святого Афанасия

Вигла и вид на гору Афон

— Матерь Божия, да кто я такой, чтобы летать?

Не успел он договорить своих смиренных слов, как видит, что этот якобы Ангел вдруг превратился в черного козла с крыльями, как у летучей мыши, бросился в пропасть и исчез.

Старец Аввакум испугался, а затем возблагодарил Божию Матерь, Которая защитила его от лукавого, намеревавшегося низвергнуть его в ад. После этого он пошел к себе в каливу, взял свою котомку и ушел в Великую Лавру. Ради большей безопасности он решил монашествовать здесь, в киновии. Он приходил в свою келлию три-четыре раза в год, совершал здесь литургию, а затем возвращался в Лавру.

Когда приблизилось время его отшествия в мир иной, он получил откровение от Бога и ушел в свою келлию, чтобы оставить свои кости здесь, в месте своего пострига, где в молодости уже оставил свою плоть, неся вышеестественные аскетические подвиги для того, чтобы стать отчасти невещественным, как того требует ангельский образ. В Вигле его навещали

отцы и всегда находили пребывающим в радости. Один из них удивился этому и говорит:

— Вижу, отец Аввакум, что ты очень радостный, хотя вот-вот умрешь!

Старец ему ответил:

— Да почему же мне не радоваться, брат? Ведь я с юных лет по благодати Божией подвизался, сколько мог, и теперь радуюсь, что пойду ко Христу.

Вот так, с радостью, уходят из этой жизни добрые подвижники Христовы!

Два самонадеянных монаха, которые впали в прелесть

Однажды двое юношей, которые еще в миру крепко дружили, пришли на Святую Гору и стали монахами. К сожалению, они не советовались со старшими и даже не хотели их слушать, внимая лишь своему детскому уму, который у них всегда был общим в отношении духовных вопросов. Они то начинали до изнеможения поститься, и после этого впадали в многоядение, то, по детскому эгоизму, пытались жить как затворники и безмолвники, а потом бежали, чтобы найти кого-нибудь, с кем можно было без конца празднословить. Другими словами, лукавый бросал их из одной крайности в другую, в то время как сами они из-за своего детского ума играли в монашескую жизнь.

Между собой они имели братскую любовь. Но что пользы? Из-за своего эгоизма они повредились умом, так как не слушали никого из старших, но исполняли лишь волю друг друга. Они дали клятву никогда не разлучаться ни в этой жизни, ни в будущей. Однако лукавый, к несчастью, использовал это против них.

Однажды один из них говорит другому:

— Мне, брат, пришел помысел, что то, в чем мы поклялись друг другу — умереть в один день, — мо-

жет и не случиться. Чтобы исполнить клятву, давай зашьем себя в один мешок, как зашивают мертвых, и бросимся в море.

Другой брат, увы, с радостью принял это предложение. Они взяли одеяло, бечевку и толстую иглу и с радостью направились к морю. Зашив себя в одеяло, они бросились со скалы в море. Естественно, что оба они утонули в один день, так как были зашиты.

Прошло достаточно времени, и их тела были выброшены на берег неподалеку от Волоса[1]. (Это произошло около 1912 года.)

Это печальное событие заставляет нас быть более осторожными. Оно также обязывает нас просить Господа, чтобы Он не вменил самоубийство братий в самоубийство, но простил его, как большую детскую шалость. Аминь.

Своевольный послушник

Один послушник, живший в Кавсокаливском скиту, был очень своевольным и постоянно вымогал у своего старца благословение на все, что говорил ему его помысел (то есть он брал благословение силой, желая поступать по своей воле).

Однажды, когда он трудился вместе со своим старцем и его помощь была крайне необходима, он сказал старцу:

— Благослови меня, отче, пойти поспать десять минут.

Старец ему ответил:

— Потерпи немного, дитя мое, потому что ты мне сейчас нужен. Через полчаса мы закончим, и тогда пойдешь спать.

Послушник продолжал настаивать, чтобы старец дал ему свое благословение.

Старец опять говорит ему:

[1]Область в Фессалии.

— Благословенный, разве тебе достаточно, чтобы поспать, десяти минут, о которых ты просишь?

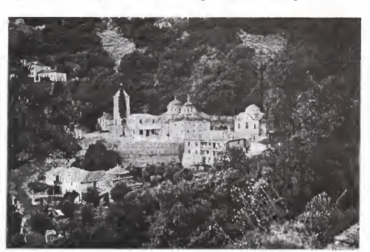
Тот отвечает:

— Дай мне благословение, и я посплю.

В конце концов старец был вынужден благословить его, поскольку тот продолжал настаивать на своем. И послушник пошел спать.

Как только он лег в кровать, вдруг увидел сатану, который с яростью бросился на него, схватил и сжал, как лимон. Своевольный монах попробовал было вырваться, но не смог. Пытаясь высвободиться, он вынужден был взмолиться: «Господи Иисусе Христе, ради моего старца помилуй мя».

Эта молитва, соединенная с сокрушением, так как послушник осознал свое преслушание и недостоинство, обожгла сатану. Монах понял, что не имел права просить помощи сам, но попросил Христа помиловать его ради старца. Именно это обожгло диавола, и он, разъярившись, выбросил его в окно, так что тот пролетел приблизительно пятьдесят метров, при этом совершенно не пострадав: Бог сохранил его.

Скит Кавсокаливия

Напуганный, он побежал к своему старцу и рассказал об этом ужасном происшествии. Старец недоумевал — неужели все эти события произошли всего за десять минут!

После урока, полученного благодаря искушению, которое было попущено Богом, этот монах стал самым послушным во всем скиту и очень преуспел в духовной жизни.

Благоговейный и послушливый монах

Один молодой монах из Эсфигменского монастыря приходил во время молитвы в великое умиление и во время богослужения выдавал себя всхлипываниями и плачем. Из-за этого он не ходил в церковь, но молился один в своей келлии. Когда игумен заметил, что он не появляется на богослужении несколько дней подряд, то забеспокоился и, подозвав его к себе, спрашивает:

— Почему ты, дитя мое, не приходишь на службу, как остальные отцы?

Тот ему отвечает:

— Старче, я испытываю стеснение, когда молюсь в храме. А у себя в келлии, без посторонних, могу молиться с умилением и на протяжении более долгого времени.

Тогда рассудительный игумен отец Софроний говорит ему:

— Ты прав, дитя мое, однако, чтобы никто не соблазнялся, все же приходи в храм.

Брат с радостью принял этот совет и стал первым приходить на богослужение.

Через некоторое время игумен назначил брата на одно послушание за пределами монастыря, которое, к его утешению, позволило ему пребывать в безмолвии. Благодаря происшедшему брат получил духовную пользу и стяжал еще большее благоговение и сердечную молитву.

Своевольный новоначальный монах

В Кавсокаливском скиту был один молодой монах, который жил по своей воле, без старца. В результате лукавый кидал его из одной крайности в другую, пока он в конце концов не впал в совершенное нерадение. Сначала он сильно постился, а потом бросил пост и стал много есть и пить вино. Поскольку он был молодой, то в результате у него стала разжигаться плоть, из-за чего, ложась в постель, он снимал с себя подрясник и спал в одном белье.

Божия Матерь, видя такое бесчинство Своего чада, как Добрая Мать, однажды разбудила его и сказала: «В другой раз будь воздержан в еде и спи целомудренно, в подряснике».

Монах после этого случая духовно изменился и стал подвизаться с большим благоговением.

Нерадивый молодой монах

В Кутлумушском монастыре, при игумене Филарете, жил один молодой монах, который по нерадению ни на службы не ходил, ни правила своего не исполнял.

Благочестивейший игумен отец Филарет постоянно делал ему замечания и вразумлял его, однако монах оставался ко всему совершенно безразличным. Старец был вынужден оставить его на волю Божией Матери и денно и нощно просил Ее помочь этому брату.

И вот однажды брат видит Матерь Божию, Которая говорит ему со скорбью: «Меня печалят твои бесчинства. Если ты сейчас, пока еще молод и здоров, не ходишь в храм на молитву, но сидишь в своей келлии и позволяешь худым помыслам душить тебя, то когда же ты начнешь ходить на богослужение? Когда постареешь или заболеешь?»

После этого монах совершенно изменился, стал первым приходить в храм и подвизался с большой ревностью.

Нерадивый пожилой монах

Однажды в келлию, расположенную неподалеку от Кареи, пришел пожилой человек и стал здесь монашествовать. Он принял только рясофор, чтобы жить без особых трудов. Он никогда не выполнял того маленького правила, которое у него было, и других духовных обязанностей и говорил: «Вот когда приму великую схиму, тогда и буду выполнять свое правило».

Так он ложно успокаивал свою совесть, пока незаметно для него самого не приблизилась его кончина. Он уже слег в постель и ожидал смерти. Тогда ему явились бесы и, препираясь с ним, начали истязать его, отчего монах закричал и стал звать на помощь.

Прибежал его старец и спрашивает его:

— Что с тобой?

Он в ответ:

— Бесы мучают меня из-за правила, которое я опускал.

— Скажи им, что я его исполню, — сказал старец и ушел.

Вскоре брат снова закричал. Опять прибегает старец и спрашивает его:

— Что с тобой? Тише, а то разбудишь отцов.

Тот отвечает:

— Не могу терпеть, старче, бесы душат меня из-за богослужений, которые я пропустил.

— Скажи им: «Их исполнит мой старец».

Только после этого душа нерадивого брата обрела покой, и он предал свой дух в руки Божии.

Ангел укоряет особножительный монастырь Ксиропотам

Одному из настоятелей монастыря Ксиропотам, когда он был еще особножительным, явился Ангел Господень и говорит: «Чем вы здесь занимаетесь? Я

уже целых тридцать лет не принимал от вас ни одной души в добром духовном состоянии, какого желает Господь. Отцы оставили духовные подвиги и стали жить почти как миряне».

Брат, спасшийся без труда, потому что никого не осуждал

Некогда один мирянин пришел в Кавсокаливский скит, чтобы стать монахом. Однако скитские отцы не принимали его, потому что, кроме лености и нерадения, он имел еще и скандальный характер, так что постоянно создавал проблемы. Но поскольку ему нравился скит, он упросил отцов оставить его жить с ними без монашеского пострига, за что обещал иногда помогать им.

Так в лености и нерадении и провел он свою жизнь, пока не пробил его смертный час. Отцы, желая его утешить, неотлучно пребывали возле его смертного одра.

И вот умирающий пришел в исступление и начал делать какие-то знаки. Отцы не могли понять, что с ним происходит. Когда он пришел в себя, то поведал им нечто страшное: «Видел я Архангела Михаила, держащего хартию, в которой были записаны все мои грехи. Он сказал мне: "Видишь? Все, что здесь записано, сделал ты. Поэтому готовься идти в ад". Тогда я говорю ему: "Посмотри-ка, есть ли среди всего этого грех осуждения?" Архангел поискал и говорит мне: "Нет". — "Значит, — говорю я ему, — я не должен идти в ад, согласно словам Господа: *Не судите, и не будете судимы*[1]. Тогда Архангел Михаил разорвал хартию с моими грехами. Так что, отцы, я пойду в рай. Когда вы мне сказали, что я не подхожу для того, чтобы быть скитским монахом, и я начал работать как мирской и ходить в церковь только по праздни-

[1]Лк. 6, 37.

кам, я услышал слова Евангелия: *Не судите, да не судимы будете*[1] — и сказал себе: "Окаянный, исполни хотя бы это", — и это спасло меня без других трудов"».

Лишь только он рассказал это, Архангел Михаил принял его душу.

Откровение о смерти отца Мефодия и отца Иоакима

На Крестопоклонную неделю 1978 года иеромонах Мефодий из келлии святых Феодора Тирона и Феодора Стратилата, что в Карее, позвал к себе иеромонаха отца Христофора, который жил ниже Кареи, и послал его в монастырь Кутлумуш, в богадельне которого тогда находился их земляк отец Иоаким (все трое были из Румынии и постригались у одного старца), сказать ему, что завтра оба они (то есть отец Мефодий и отец Иоаким) умрут.

И вот отец Христофор пришел в монастырь Кутлумуш и говорит:

— Отец Иоаким, благослови! Отец Мефодий сказал мне, чтобы ты приготовился, потому что завтра оба вы в один час умрете. Он просит у тебя прощения за все, в чем согрешил перед тобой.

Отец Иоаким, выслушав, с радостью ответил:

— Как благословите! Если это говорит отец Мефодий, то он что-то знает.

В тот день отец Иоаким причастился и сказал диакону Анастасию:

— Такую радость я почувствовал впервые в жизни!

Затем он пошел в свою келлию и с радостью стал ждать своего смертного часа, непрестанно повторяя на румынском языке: «Матушка моя Пресвятая Богородица, Матушка моя Пресвятая Богородица...»

И как Пресвятой Богородице не быть его Матушкой, когда он, будучи еще мальчиком, в шестнадцать

---

[1]Мф. 7, 1.

лет оставил свою мать по плоти и отца и пришел в Ее удел, чтобы стать монахом. С самой юности и до девяноста лет он ради любви Христовой жил на чужбине, на Святой Горе, стремясь обогатиться тем, что принадлежит вечности. В шестнадцать лет он выписался из мира и записался в Книгу Жизни.

И вот, когда он непрестанно повторял: «Матушка моя Пресвятая Богородица, Матушка моя Пресвятая Богородица...», — в пятом часу по византийскому времени[1] его глаза сомкнулись, как у маленького ребенка, и он мирно заснул в объятиях своей Матери.

В тот же самый час преподобнической смертью упокоился и отец Мефодий в возрасте приблизительно семидесяти лет. Две освященные души отошли вместе, так как имели друг к другу великую любовь. Они молились о том, чтобы не разлучаться ни в сей жизни, ни в будущей. И Благий Господь подал им просимое, чтобы и мы получили духовную пользу. Аминь.

Послушник, который не был послушен своему старцу, но спасся, потому что уповал на Бога

Отец Мефодий из келлии святых Феодора Тирона и Феодора Стратилата, что в Карее, рассказывал, что его старец очень пекся о духовном преуспеянии своих послушников, потому что его собственная совесть укоряла его за то, что он в свое время не проявлял достаточного послушания по отношению к своему старцу. Он так и умер с печалью на сердце.

---

[1]Семнадцать монастырей Святой Горы вместе со Священным Кинотом живут по так называемому «византийскому» времени, согласно которому отсчет часов в сутках начинается с момента захода солнца. Только Ватопедский и Русский Пантелеимонов монастыри живут по обычному времени. Иверский монастырь использует халдейское, или «иверское», время, согласно которому сутки начинаются с момента восхода солнца.

Через несколько лет отец Мефодий узрел своего старца в видении и спрашивает:

— Как ты, старче, где находишься?

Тот в ответ:

— Мне хорошо, я спасся, — но как? С большим трудом, потому что не оказывал послушания своему старцу. Когда я умер, Ангел спросил меня со строгостью: «Есть ли у тебя какое-либо доброе дело? Что ты сделал?» И я ответил: «У меня нет ни одного доброго дела, одни только грехи из-за непослушания своему старцу. Единственное, что у меня есть, — это упование на Бога. Я готов принять все, что сотворит со мною милость Божия». Тогда Ангел отошел спросить насчет меня и вскоре вернулся и говорит: «Так как ты смиренно признал свое плачевное состояние и возложил все свое упование на Бога, Христос повелел мне пропустить тебя вместе со спасенными».

Отец Мефодий спросил и об одном их общем знакомом — умершем дровосеке:

— Старче, где находится этот дровосек?

Тот ему ответил:

— Дровосек находится в еще лучшем месте, чем я, потому что много страдал в своей жизни, а также со смирением оказывал послушание всем своим хозяевам, у которых трудился без всякого ропота.

Затем он спросил его об одном бесноватом, где он находится. И старец ответил:

— Он пребывает в еще лучшем месте, потому что много претерпел и демон сильно смирил его перед людьми. Он и сам смирялся, ибо говорил: «Молитвы отцов спасут меня, несчастного».

После смерти отца Мефодия произошло нечто необычайное. После того как уже испустил дух, он на какое-то время вновь вернулся к жизни. Тогда отцы, находившиеся рядом, спросили его:

— Расскажи, что с тобой было после смерти?

И старец ответил:

— Вскоре после того, как моя душа вышла из тела, Ангел говорит мне: «Вернись и попрощайся сначала со своим братом». Я ему сказал: «У меня нет братьев ни в миру, ни в монашестве»[1]. Ангел ответил: «Я имею в виду твое тело — брата твоей души». И когда я вернулся в свое тело, узнал себя. Ангел опять говорит мне: «Попрощайся со своим телом, ибо ты вместе с ним терпел злострадания».

После этого его душа отошла на Небо.

Певчий встретился на празднике с братом, умершим шестью месяцами раньше

Однажды известный певчий диакон Иоанн из келлии Паличника[2], который недавно упокоился, пришел на престольный праздник в монастырь преподобного Григория, чтобы помочь петь. Пропев великую вечерню, перед началом литии он почувствовал, что ему нужно выпить кофе, чтобы немного взбодриться и продолжить пение.

В архондарике (монастырской гостинице) за чашкой кофе завязалась беседа о пении и монастырских певчих. Диакон Иоанн заметил:

— Я вижу, отец Давид еще хорошо держится.

Отец Макарий (один из старых монахов) удивился и говорит отцу Иоанну:

— Ты ошибаешься, отец Давид вот уже шесть месяцев как умер.

Диакон Иоанн сначала растерялся, а потом с уверенностью сказал:

---

[1]Братьями в монашестве считаются монахи, постригающиеся вместе у одного старца; в Греции их называют παράδελφοι.

[2]Келлия, принадлежащая монастырю Пантократора. Ранее тоже была монастырем. Паличник — титул чиновника в Византийской Империи.

Монастырь Григориат

— Я, отче, не знаю, когда он умер и о чем ты мне говоришь. Я знаю только одно: я видел отца Давида во время литии несколько минут назад. Мы поздоровались друг с другом и даже обменялись несколькими словами о пении!

Старец Трифон

В 1978 году на горе Афон завершил свою духовную брань воин Христов старец Трифон. Он одержал победу над суетой, и его освященная душа отошла в вечность, на Небо.

В 1910 году в возрасте двадцати лет будущий старец Трифон оставил свою родину, Румынию, и переселился в сад Божией Матери, на вершину Капсалы, где жил старец Михаил. Его старец, отец Михаил, был благочестивейшим монахом, ревнителем монашеских традиций. Можно смело сказать, что он был похож на одного из древних отцов. Он жил подвижнически, и то немногое, что ему было необходимо для жизни, приобретал в обмен на свое простое руко-

делие: он изготовлял ложки. Когда ему давали что-либо на благословение, он все принимал, однако и сам не оставался в долгу, расплачиваясь тем, что у него было, помимо молитвы, которую он непрестанно совершал за этого человека.

Однажды он отправил своего, тогда еще новоначального, послушника отца Трифона в один монастырь продать рукоделие и велел ему также зайти к монастырскому садовнику и в обмен на ложку попросить у него кочан капусты. В это время садовник был чем-то сильно рассержен. Он бросил ему кочан, на котором было всего два негодных листа, и продолжал заниматься своим делом.

Отец Трифон взял кочан и, не сказав ни слова, отправился назад в Капсалу. Всю дорогу он думал о своем старце, который был уже старенький: что он будет есть?

В свою очередь, старец, увидев, что на кочане только два листика, задумался, что будет есть его послушник. Он велел ему развести огонь и налить в кастрюлю воды. Затем взял кочан, бросил его в воду и осенил крестным знамением. Через некоторое время он послал отца Трифона снять кастрюлю с огня.

— И что я вижу, — рассказывал он мне, — в кастрюле плавает целая белая головка капусты!

Кажется, его старец был святой — иначе невозможно объяснить происшедшего.

В 1917 году, когда начался сильный голод, отец Трифон по благословению старца покинул Святую Гору и поехал в Халкидики[1]. Там на монастырских полях он жал пшеницу для себя и для своих соседей-отшельников. После 1917 года он уже не выезжал в мир и только в 1978 году оставил Святую Гору, когда перешел в небесный, истинный мир.

Все эти годы он прожил высоко в Капсале, подобно птице небесной. Его лицо стало в какой-то степе-

[1]Область на севере Греции.

ни невещественным и сияющим, и от одного взгляда на него можно было обрести духовную силу. В пустынном месте, в котором он жил, его трудно было отыскать. Поэтому у него не было совершенно никакого человеческого утешения. Однако, когда нет человеческого утешения, тогда является Божественное утешение. Тогда Сам Бог посылает через Ангелов и святых небесную радость. Райские люди, беседующие с Ангелами и святыми, дружат даже с дикими зверями и птицами небесными. Так было и с отцом Трифоном.

Однажды благочестивейший старец Иоасаф из иконописного дома Иоасафеев[1] — «Дедушка» — со свойственным ему Авраамовым гостеприимством принимал некоторых мирян. Однако те, к сожалению, весело проведя время, соблазнились, посчитав, что монахи весело живут, хотя старец в действительности жил по-монашески. Но, так как мирянам было тяжело это понять, старец Иоасаф решил, что для них будет полезным пройтись по каливам в Капсале, чтобы таким образом получить пользу и избавиться от недобрых помыслов.

После того, как эти миряне посетили некоторых подвижников, что произвело на них неизгладимое впечатление, он повел их в келлию старца Трифона. Когда они увидели старца в такой глуши, то были потрясены. Смиренномудрый старец Иоасаф говорит посетителям:

— У меня много знакомых людей, но нет ни той радости, какую имеет отец Трифон, ни знакомых диких зверей и птиц небесных, с которыми он дружит. Чтобы вы сами смогли в этом убедиться, я первый попробую их позвать.

---

[1]Старейший на Святой Горе иконописный дом, или школа. Основан он был в девятнадцатом столетии монахом Иоасафом Кесарийским и первоначально размещался в Кавсокаливском скиту. В 1925 году Иоасафеи переехали в Карею, где живут до сих пор.

Он позвал птиц, но ни одна не прилетела. Через некоторое время появился и старец Трифон с кувшином, чтобы предложить им немного воды. Старец Иоасаф говорит ему:

— Что тут за место, отец Трифон? Нет ни одной птицы!

Старец со всей своей простотой отвечает:

— Да как же нет?!

Он позвал их, и все это место наполнилось птицами, окружившими старца со всех сторон. Одни садились ему на плечи, другие — на скуфью! Посетители были поражены и ушли, получив духовную пользу и славя Бога.

Однажды я потерял дорогу в Капсалу и по одной глухой тропинке вышел прямо к каливе старца Трифона, которая представляла собой сарайчик, обитый вокруг листами старого железа. Крыша тоже была покрыта кусками старого железа, прижатыми одним-двумя кирпичами, чтобы их не срывало ветром.

Вдруг я увидел старца, сидящего на пеньке и творящего молитву Иисусову. Его лицо излучало свет и радость. Глаза были закрыты. Он молился, сидя неподвижно. Приблизившись, я заговорил с ним:

— Благослови, старче. Как ты здесь поживаешь? Чем питаешься?

Он, улыбаясь, тоже поприветствовал меня и ответил:

— Я стал овцой и питаюсь травой.

— Сколько тебе лет, старче?

— Девяносто три, — отвечает он.

Я остолбенел! А он между тем поднялся на ноги, чтобы принести мне немного воды. Я заметил, что он волочит немного левую ногу, которая была замотана какой-то тряпкой.

— Что у тебя с ногой, старче? — спросил я.

— Камень упал с крыши и ударил, — ответил он.

Я подумал: «Дай-ка спрошу, есть ли у него лишняя комната, может, появится нужда приглядеть за ним».

— Старче, у тебя есть какая-нибудь лишняя комната?

Тот заулыбался и говорит:

— Какая там комната! Келлия вся завалена барахлом!

Когда я вошел внутрь, моим глазам предстала такая картина: стены разваливались, так что в дождь отовсюду должна была течь вода. Только с одной стороны было более или менее сухо. Там лежали какие-то потрепанные одеяла. В этом углу он и жил. Его обиталище напоминало больше не келлию подвижника, а орлиное гнездо.

Я спросил старца:

— Как ты здесь живешь? Вся калива открыта для всех дождей и ветров.

Он мне говорит:

— Ничего, я живу в другом углу, вон там, — и указывает мне на свое гнездо.

Бедный старец питался одной травой, которую собирал вокруг своей каливы. Из-за этого, а также из-за высокой влажности в келлии и старости у него были трудности со здоровьем. Однако воин Христов Трифон все принимал с благодарением и испытывал радость, какую ощущали святые мученики. Его желудок и все внутренности были в негодном состоянии, зато душа была совершенно здорова и чиста.

У него была развешена для просушки какая-то рвань, которую он сушил и опять надевал, потому что из его кишечника постоянно шла пена. Он не мог стирать свою одежду, потому что руки у него дрожали и до воды было далеко — приблизительно триста метров. Однако и та вода едва-едва капала в старый бочонок, чего как раз хватало для питья ему и диким животным — его послушным соседям.

Несмотря на то, что такая его подвижническая жизнь была сплошным мученичеством, он ничуть из-за этого не превозносился. Напротив, он непрестанно укорял себя за то, что не делает ничего в срав-

нении с тем, что делали святые отцы. Когда он говорил об этом, из его глаз текли слезы смирения.

Времени было уже много, и мне нужно было уходить. Я спросил старца:

— Хочешь, я попрошу, чтобы тебя взяли в какой-нибудь монастырь и позаботились о тебе на старости лет?

Когда он услышал слово «позаботились», улыбнулся и говорит мне:

— Да что ты, «позаботились»! Бог заботится и о червях в земле, питает их и согревает. Неужто и обо мне, большом черве, не может позаботиться? Мне и отец Ксенофонт говорил: «Давай я о тебе позабочусь», — а я ему ответил: «Что я, кирпич, чтобы меня вытащить отсюда и положить в твою каливу?»[1] Здесь у меня лежит мой старец Михаил, который своей молитвой превратил кочерыжку в целый кочан! А отец Ксенофонт хочет обо мне позаботиться!

Поистине я еще не встречал подвижника, который бы в возрасте девяноста трех лет имел такое самоотречение и жил бы с такой духовной бодростью в полном одиночестве.

Вскоре после этого я узнал, что старец Трифон упокоился. Немедленно пошел я в его каливу и обнаружил его в углу, в его «гнезде», покрытым теперь уже не рваными одеялами, но двумя-тремя ведрами земли, которая в конце концов покрывает и властителей мира, привыкших укрываться шелками и бархатными одеялами.

Старец Трифон отошел в мир иной на Преображение Господне в 1978 году в возрасте девяноста четырех лет. Отдав ревностному подвигу немногие годы, он обрел вечный покой. Да будут с нами его молитвы. Аминь.

---

[1]Он имел в виду, что не является бесчувственным. — *Прим. автора.*

Отец Кирилл, отшельник скита монастыря Кутлумуш, а позже игумен этой же обители

Родиной отца Кирилла было Агринио[1]. Еще будучи ребенком, он оказался на чужбине, в Египте. Отсюда он отправился в паломничество в Святую Землю и там поселился в монастыре святого Саввы. В возрасте шестнадцати лет он принял в этой обители рясофор, однако из-за множества паломников не находил себе здесь покоя и потому уехал в удел Божией Матери. Несмотря на то, что возрастом он был молод, и дети его лет в миру еще играли в свои игры, он приступил к подвигу как взрослый подвижник Христов.

В Кутлумушском скиту святого Пантелеимона[2] он обрел душевный покой возле духовника[3] отца Пантелеимона, который жил в каливе Введения во храм Пресвятой Богородицы. Его старец, помимо прочих дарований Божиих, имел также дар прозорливости, так как благодаря своим вышеестественным подвигам стал человеком Божиим. Он предсказывал некоторым людям, что они должны стать монахами, и даже называл их будущие монашеские имена. Только в Эсфигменском монастыре я помню два таких случая. Одного монаха, когда тот был еще мирянином и однажды постучал к нему в дверь, он, прежде чем увидел его, назвал будущим его именем: «Добро пожаловать, отец Никифор!» Также и другого: «Добро пожаловать, отец Филипп!»

Поэтому ничего странного не было в том, что от святого старца Пантелеимона молодой и благочести-

---

[1]Город в южной части материковой Греции.

[2]Скит, находящийся неподалеку от монастыря Кутлумуш.

[3]Духовник скита или монастыря — особая должность, на которую избираются самые достойные иеромонахи. Зачастую старец в келлии не является духовником. Он руководит духовной жизнью своих послушников, но исповедуются они у духовника, который может жить в другой келлии или даже в другом скиту.

вый отец Кирилл принял обилие благодати Божией, как некогда Елисей от пророка Илии, став его преемником.

После смерти своего старца отец Кирилл не только не вознерадел о духовных подвигах, но, напротив, стал подвизаться еще больше, доставляя тем самым душе своего старца бóльшую радость. Кроме строгих постов, он, пылая ревностью, какую имеют только дети, совершал также множество бдений, так что в конце концов заболел туберкулезом.

Он говорил мне:

— Я с большим трудом отхаркивал сгустки крови и просил святого Пантелеимона сделать меня здоровым без помощи лекарств.

Разве мог святой Пантелеимон оставить его страдать, будучи небесным покровителем скита?

Как только отец Кирилл по милости святого стал здоров, тут же возобновил свои ревностные подвиги.

Я имел счастье жить некоторое время рядом с ним и получил от этого великую пользу. Я, конечно, остался бы с ним навсегда, но мне, к сожалению, не позволили этого сделать. Тогда он сказал, куда мне следует идти, и позже, когда я уже жил в монастыре преподобного Филофея, давал мне различные советы.

Когда я приходил к нему в скит за советом, то, не успев еще задать беспокоивший меня вопрос, получал на него ответ. Бог открывал ему, что я должен был прийти, а также то, какой вопрос меня тревожил, и он уже ждал меня с ответом. Часто бывало, что он ничего мне не говорил, но показывал в книге заранее отмеченное место, которое и служило мне ответом. После этого я делал перед ним поклон и уходил, получив большую пользу.

Кроме полученного от Бога дара прозорливости, у него был также дар изгонять из созданий Божиих бесов. Не могу забыть одного случая, который произошел на моих глазах с одним человеком, имевшим в себе страшного беса. Его привели связанного цепя-

ми и оставили в храме каливы, чтобы старец исцелил его. Ночью старец поднялся, чтобы зажечь лампады и начать молитву. Тогда демон разъярился, не вынося присутствия отца Кирилла, разорвал цепи и занес руку бесноватого человека, намереваясь ударить обрывками цепей святого старца по голове. Отец Кирилл тут же опустился на колени и тоже поднял свои руки к Богу, взывая: «Христе Боже! Матерь Божия! Изгони демона из Своего создания!»

Услышав крики, я тут же прибежал в храм и увидел старца стоящим на коленях, а человека, который был мучим бесом, — уже освободившимся от демона, радостным и с благоговением прижавшимся к ногам отца Кирилла.

Старец имел дерзновение к Богу, потому что имел смирение и великое благоговение, соединенное с любовью. Когда он читал Евангелие, то не мог сдерживать своих всхлипываний и слез. Поэтому он, закрывая лицо Евангелием, уходил в алтарь и незаметно вытирал его. То же самое происходило, когда он читал «Феотокарион»[1].

Службы он совершал по четкам, а также творил непрестанную сердечную молитву.

В конце жизни его, к сожалению, принудили вопреки желанию стать игуменом монастыря Кутлумуш, которому он подчинялся, так как в этом была настоятельная нужда. То, что он занялся административными делами, его измучило и привело к потере того духовного состояния, которое он имел.

Так как он, как я уже сказал, стал игуменом помимо своей воли, а потом сильно страдал, то верю — Господь увенчает его двойным венцом: кроме преподобнического, еще и мученическим, потому что в конце жизни он претерпел также мученические страдания. Человеконенавистник позавидовал ему и устро-

---

[1]Сборник канонов в честь Божией Матери, составленный преподобным Никодимом Святогорцем.

ил так, что одно дикое животное нанесло ему сильные увечья. Он слег в постель, терпя боли с радостью и славословя Бога. Животное же, после того как ударило его, тут же замертво упало на землю. Отцы были изумлены. Из происшедшего они поняли, что старец был святой.

Так, терпя страдания и славословя Бога, отец Кирилл в 1968 году завершил «добрый подвиг»[1] и упокоился в Господе. Да будут с нами его молитвы. Аминь.

Божия Матерь помазывает благоговейного монаха

Несколько лет назад один юноша, возлюбивший иноческое житие, с большим благоговением молился за всенощным бдением в одном из монастырей Святой Горы. Был праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы. Так как он тоже хотел посвятить себя Богу, то на протяжении всего бдения стоял прямо и молился с умилением.

Когда запели хвалитные стихиры, священник начал помазывать монахов и паломников маслом из лампады перед иконой Пресвятой Богородицы[2]. Однако юноша из большого благоговения, чрезвычайно расчувствовавшись, не решился подойти к помазанию, считая себя недостойным. После того как все были помазаны и священник ушел, он ощутил в сердце желание, по крайней мере, подойти и приложиться к иконе Божией Матери, чтобы тоже получить немного благодати. Когда он с благоговением прикладывался к иконе Пресвятой Богородицы, лампадка, висевшая перед нею, чудесным образом наклонилась, и масло из нее вылилось прямо ему на голову. При этом ни капли не пролилось ни на пол, ни

[1]См.: 1 Тим. 6, 12.

[2]В греческой богослужебной практике нет обычая помазывать присутствующих в храме маслом после полиелея. Обычно это делают после окончания службы.

на его одежду, но все попало на голову. Он ощутил невыразимую духовную радость, какой никогда до этого не переживал.

Когда я увидел юношу издалека, то по его изменившемуся лицу, еще до того, как он сам мне рассказал о происшедшем, понял, что случилось нечто необыкновенное. После я спросил его, что произошло, и он с большой простотой все мне рассказал.

Итак, мы видим, что благоговейных и смиренных Сама Божия Матерь и помазывает, и духовно преображает.

Христос исцеляет молодого монаха, имеющего сильную веру и ревность

При отце Софронии, игумене Эсфигменского монастыря, здесь жил один молодой, но преуспевавший в добродетели монах. Кроме благоговения, его отличали также смирение и большое усердие к подвигам. Однако поскольку от природы он был болезненным и изнеженным, так как происходил из благородной семьи, то из-за резкого перехода к подвижнической жизни заболел туберкулезом. Рассудительный игумен дал ему благословение пить сгущенное молоко даже в Великий пост. Брат принял его слова и ответил: «Как благословите». Однако он имел сильную веру и сказал игумену о возникшем у него помысле: «Если благословите, то я буду пить чай, а Христос может превратить его в молоко или даже исцелить меня чаем».

Старец весьма удивился ревности монаха и дал ему благословение пить вместо молока чай. Если такие смиренные слова благоговейного монаха обрадовали игумена, то насколько больше они обрадовали Христа!

Отец Дорофей, несший послушание в больнице, рассказывал мне, что Христос превратил чай не только в молоко, но и в целебное лекарство, которое ис-

целило монаха от туберкулеза. У него прекратилось кровохаркание, спала температура, прошла слабость, и он стал совершенно здоров. После этого он без устали исполнял свое правило и все послушания, а также постился, как и прочие отцы.

Болезни доставляют пользу и небесное воздаяние, когда мы переносим их с терпением

Несколько лет назад умер один старец, который очень сильно страдал от болезней, но никогда не роптал.

Через некоторое время заболел и его послушник. Так как он никогда до этого не болел, то начал паниковать и собрался ехать лечиться к врачам в мир. Однажды вечером видит он во сне своего старца, который говорит ему: «Дитя мое, если можешь, послушайся меня и никуда не уезжай, но немного потерпи. Здесь я не нашел никакой пользы от своих дел, и только мои болезни помогли мне. Поэтому оставайся в уделе Божией Матери и потерпи немного свои боли. И твоя душа получит великую пользу».

Послушник обрадовался совету, ободрился и решил все терпеть. С этого момента при болях он стал испытывать великую радость, так как его ум постоянно пребывал со святыми мучениками, и он веселился от этого.

Послушник, который роптал

В одной келлии неподалеку от Кареи подвизались два румына. Однажды один из них тяжело заболел, а другой, к сожалению, ленился за ним ухаживать и настойчиво просил святого Пантелеимона либо побыстрее исцелить больного, либо забрать его из сей жизни. Он хотел избавиться даже от того небольшого труда, который исполнял, ухаживая за больным.

И вот однажды, когда он опять молился святому Пантелеимону, тот явился ему и говорит: «О чем ты просишь? Ты обнажен от добродетелей, а за то, что ухаживаешь за своим братом, получишь от Бога небольшую награду».

Эти слова святого Пантелеимона поразили монаха. С тех пор он с большой готовностью ухаживал за больным и просил Господа дать ему еще много лет жизни, чтобы можно было заботиться о нем и тогда, когда он состарится.

Неосторожное слово простодушного монаха, за которое он получил от Бога вразумление

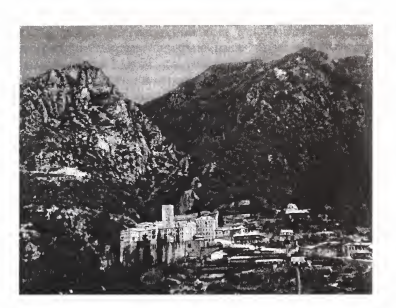
В богадельне монастыря святого Павла ухаживал за старцами один монах, немного простоватый, но очень добродушный.

Он сам рассказывал мне, как приблизительно тридцать лет тому назад, когда он нес послушание в богадельне монастыря, один брат дал ему на благословение гроздь винограда. Он по своей доброте не съел ее сам, но разделил на небольшие части и раздал старцам. Один старец из чувства благодарности к нему, потому что виноград тогда еще не поспел и он в первый раз в том году пробовал его, много раз повторял: «Прекрасного тебе рая! Прекрасного тебе рая!»[1] Он же, по своей простоте, в шутку ответил ему: «Ешь виноград. Рай и ад здесь — на земле».

Несмотря на то, что сам он в это не верил, но сказал лишь в шутку, к тому же смягчающим обстоятельством была его простота, с ним произошло следующее.

Ночью ему приснился страшный сон, показавшийся ему явью. Снится ему огненное море, а напротив — прекрасный залив с хрустальными дворцами.

[1]В Греции такое пожелание принято говорить монахам.

Монастырь святого Павла

На берегу он увидел некоего почтенного старца, окруженного сиянием, так что даже борода его казалась шелковой. На том же берегу увидел он и брата из своего монастыря, который умер за три года до этого, и спросил его, что это за прекрасные дворцы и кто этот почтенный старец.

Брат ему отвечает: «Это Авраам, а этот прекрасный залив с хрустальными дворцами — «лоно Авраамово»[1], на котором упокоеваются души праведных».

Когда брат говорил это, его услышал праведный Авраам и говорит отцу Григорию, ухаживавшему за старцами, со строгостью: «Уходи отсюда немедленно, для тебя здесь нет места».

После столь строгих слов, услышанных от патриарха Авраама, отец Григорий повернулся, чтобы по-

[1]В греческом языке слова «залив» и «лоно» являются омонимами.

скорее уйти. И вдруг он почувствовал, что его обожгло языком пламени, вырвавшимся из огненного моря, и от боли он проснулся. И что же он видит? Нога, которую обожгло, была вся покрыта волдырями и ожогами. Она у него болела непрерывно в течение двадцати дней, пока раны не зажили под действием различных мазей и целительных трав.

Он раскаялся в своих словах и с тех пор был очень внимательным ко всему, что говорил.

Божия Матерь, как Добрая Мать, заботится о монахах в Своем уделе

Однажды отец Феофилакт из Нового скита, будучи еще новоначальным монахом, сильно заболел, так что от страшных болей безутешно плакал. И вот однажды он слышит голос, исходящий от иконы Божией Матери: «Что ты плачешь? Чего боишься? Разве Я тебя оставлю?»

И действительно, Матерь Божия никогда его не оставляла, но, как Добрая Мать, постоянно о нем заботилась, как заботится и о всех прочих монахах, живущих в Ее уделе. (Эта икона Божией Матери сейчас находится в алтаре главного храма Нового скита.)

Преподобномученик Дамиан исцеляет юного монаха

Однажды при отце Софронии, игумене Эсфигменского монастыря, заболел один молодой монах, который в конце концов потерял терпение и настойчиво просил у игумена благословения уехать в мир на лечение. Старец, чтобы не расстраивать его, дал ему свое благословение, однако сам много молился, чтобы, находясь в миру, тот не нанес вреда своей душе, так как был еще молод.

И вот монах выехал на кротком животном в Карею, чтобы поставить там печать на разрешении на выезд и оттуда сразу же отправиться в Дафни[1]. Не прошло и тридцати минут после того, как он выехал из монастыря, и вдруг ему является некий отшельник со светлым лицом и спрашивает:

— Брат, куда ты едешь?

Монах отвечает:

— Еду в мир лечиться.

Тогда отшельник говорит ему:

— Хочешь выздороветь, брат? — и осеняет его крестным знамением со словами: «С этих пор будешь иметь телесное здравие, однако награды от Бога не получишь».

После этих слов святой отшельник исчез, забрав с собой болезнь и боли брата, ставшего с тех пор здоровым.

Брат возвратился в монастырь и рассказал там о чуде со святым. Отцы сказали, что это был преподобномученик Дамиан[2], подвизавшийся в Самарийском скиту[3], располагавшемся на горке над монастырем.

Достоинство монашества

Один монах из Кавсокаливского скита был борим лукавым духом, если так можно сказать, с правой стороны. Ему не давал покоя помысел, что он ничего не делает, тогда как в миру делал бы людям

---

[1]Центральный порт Святой Горы, откуда отправляются корабли «в мир».

[2]Преподобномученик Дамиан жил в XVI веке. Постригся в монахи в монастыре преподобного Филофея. Оставив обитель, на протяжении трех лет жил послушником у одного отшельника по имени Дометий. Затем покинул Святую Гору и проповедовал Евангелие среди простого народа у себя на родине. Вместе с другими монахами возле местечка Киссавос основал монастырь. За свою проповедническую деятельность был схвачен в 1568 г. турками и сожжен заживо на костре. Его память празднуется 14 февраля.

[3]Скит, расположенный неподалеку от Эсфигменского монастыря.

добро. Бес внушал ему также помыслы, что монашеская жизнь — это нечто второстепенное и тому подобное.

Благий Господь, видя лукавство человеконенавистника и ту великую опасность, которая угрожала брату, показал ему наяву одно чудесное видение.

Видится брату, что он умер. И вот приближаются к нему демоны, бранящие его. Поодаль он видит селение со множеством людей. И тут внезапно появляется Ангел и говорит ему: «Один совершенный монах стоит больше, чем все это селение».

Монах, очнувшись, говорит себе: «Видишь, чего удостаивается от Бога человек, становясь монахом!»

С тех пор он предался еще большим духовным подвигам. А слова Ангела он написал на стене своей келлии, чтобы постоянно видеть их перед собой и подвизаться еще больше и ревностнее.

Сила монашеской молитвы

Ниже скита святого Василия, там, где дорога, идущая от Великой Лавры, поворачивает к скиту святой Анны, жил некогда один монах — отец Ефрем из Великой Лавры, у которого было послушание присматривать за козлами, которых в монастыре брали для откармливания.

Однажды на масленицу, перед Великой четыредесятницей, в полнолуние этот монах творил молитву по четкам. И вот он слышит шум толпы, не очень громкий, только вздохи: «Ох! Ох!..»

«Это, наверное, приезжие гуляют», — подумал отец Ефрем.

Выходит он на освещенное луной место, и что же предстает его взору? Приблизительно триста бесов с беспокойством чего-то ожидают. Главный среди них говорит: «Смотрите, один тощий монах уже несколько дней задерживает нашу фалангу и не позволяет нам пойти сейчас в мир кутить и веселиться!»

Сила молитвы по четкам

Один монах из монастыря святого Павла поехал однажды к святому Герасиму в Кефалонию[1]. Во время Божественной литургии он стоял в алтаре и молился по четкам — произносил в уме молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас», а в храме в это время пели. В церковь привели одного бесноватого, чтобы святой Герасим исцелил его.

Когда монах молился в алтаре, беса в храме жгло, и он кричал:

— Эй, ты, монах, не тяни эту веревку — она жжет меня!

Это услышал служивший священник и говорит монаху:

— Брат, изо всех сил молись по четкам, чтобы создание Божие освободилось от беса.

Тогда бес, рассвирепев, закричал:

— Эй, ты, старый поп, что ты говоришь ему, чтобы он тянул веревку?! Она меня жжет!

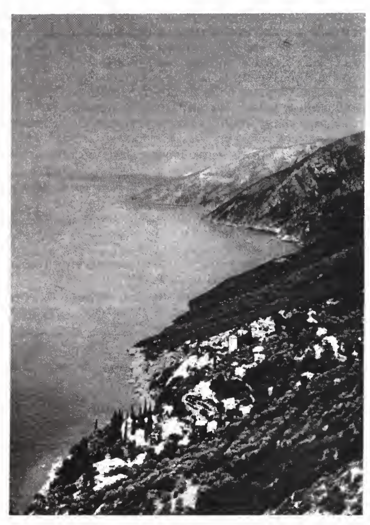
Тогда монах с еще большим усердием начал читать молитву, перебирая четки, и человек, которого мучил бес, наконец освободился от него.

Сила молитвы Иисусовой

Отец Захария рассказывал, что отцы из каливы Преображения Господня в Новом скиту читали молитву Иисусову вслух.

---

[1]Св. Герасим Кефалонийский (Нотарас) — покровитель острова Кефалония в Ионическом море — родился приблизительно в 1509 г. Некоторое время подвизался на Горе Афон. Оставив Святую Гору, долгое время жил в Иерусалиме, служил диаконом и священником в храме Воскресения Христова. Затем, после длительных путешествий, остановился на острове Кефалония, где на месте старого разрушенного монастыря основал обитель «Новый Иерусалим», известную ныне как монастырь преподобного Герасима. Упокоился в Господе 15 августа 1579 г. Преподобный Герасим известен своим даром изгонять бесов, поэтому в его монастырь постоянно приезжает множество одержимых людей, получающих по молитвам святого исцеление.

Новый скит

Однажды здесь собралось множество разъяренных бесов, и один из них закричал:

— Читают молитву вслух — такая молитва не имеет силы!

Тогда один из старших бесов говорит:

— Вслух они читают молитву или в уме — она все равно имеет силу, раз мы ничего не можем им сделать.

Молитва с утруждением

Отец Арсений Пещерник говорил: «Когда я молюсь по четкам стоя, то ощущаю сильное Божественное благоухание. А когда молюсь сидя, едва его чувствую».

Несмотря на свой девяностопятилетний возраст, старец непрестанно и ревностно подвизался, а также постоянно духовно обогащался, хотя у него и без того был уже накоплен большой духовный капитал.

Мирские удобства приносят монаху духовные скорби

Однажды отец Феофилакт из Нового скита видел, как сатана с высунутым языком обходил каливы скита и дразнил монахов: «Ха, ха, ха! Оставили монахи молитву и стали суетливыми, как миряне. Постоянно заняты работой...»

А когда некоторые монахи установили в скиту телефонную станцию, отец Феофилакт видел святого Иоанна Предтечу, который был очень опечален.

Как же не печалиться святому Иоанну Предтече и всем святым отцам Афонским, когда некоторые монахи в жизненных удобствах подражают больше мирянам, чем святым отцам, которые с ревностью подвизались Христа ради и не только сами стали святыми, но и сделали святой дикую гору Афон, так что она стала называться Святой Горой, и мы сегодня похваляемся тем, что являемся святогорцами!

Мирская логика приносит духовное разорение

Когда один монах впервые привез на Святую Гору кур, ему явилась Божия Матерь и сказала: «Ты пришел сюда, чтобы разорить Мой сад?»

Также когда другой старец из скита святой Анны привез было козу, чтобы его больной послушник мог пить молоко, коза вместо молока стала доиться кровью. Когда старец понял свой проступок, то есть что Матерь Божия не хочет, чтобы в Ее саду были козы, то раздобыл для своего послушника сгущенного молока.

Как мы видим, раньше Божия Матерь обличала зачинщиков зла. Теперь же с чего Ей начать Свои обличения, когда мирской дух так умножился в Ее уделе! Сейчас Она, как Добрая Мать, просто нас терпит.

Безмолвие и беспопечительность являются самыми важными условиями такой духовной жизни, которая радует Божию Матерь

Высоко в скиту святой Анны, в каливе святого Пантелеимона, подвизался преподобный Геронтий, основатель скита, бывший до этого игуменом монастыря Вулевтириев[1]. Так как в тех местах не было во-

[1]Преподобного Геронтия правильнее было бы считать не основателем, но возобновителем скита святой Анны, потому что первые упоминания о том, что на месте нынешнего скита подвизались монахи, относятся к 1009 г., тогда как преп. Геронтий жил в XIV столетии. Он был игуменом монастыря Вулевтириев, располагавшегося на берегу моря недалеко от скита святой Анны. Обитель из-за своего местоположения часто подвергалась нападениям пиратов, поэтому монахи вместе со своим игуменом Геронтием в конце концов оставили ее и перебрались выше на гору, где ими и был возобновлен скит святой Анны. Преп. Геронтий, стремясь к уединению, вместе с одним своим послушником поднялся еще выше, где построил келлию святого Пантелеимона. Именно здесь он чудесным образом извел из скалы источник. Преп. Геронтий был другом другого известного подвижника — основателя Кавсокаливского скита преп. Максима Кавсокаливита *(см. о нем прим. на с. 45)*. Память святого совершается 26 июля.

ды, а его послушник постоянно из-за этого роптал, преподобный Геронтий помолился и попросил Божию Матерь извести из скалы немного воды для питья. Пресвятая Богородица, как Заботливая Мать, конечно же, услышала его и извела воду из расщелины в скале, неподалеку от их келлии. Эта вода была святой.

Однако позже послушник преподобного захотел разбить сад. Он принялся разравнивать склон, носить землю и постепенно начал отходить от духовной жизни, пренебрегая своими духовными обязанностями и молитвой за весь мир. Также он решил расширить киркой расщелину в скале, из которой текла вода, чтобы вода текла сильнее и он мог бы поливать ею свой сад.

Тогда ему явилась Божия Матерь и сказала: «Раз тебе нужны сады, тогда носи воду снизу на своей спине».

С тех пор и до сего дня святая вода течет ниже.

Монах должен быть добрым примером для мирян

Однажды один рыбак решил принести благоговейному отцу Мине из скита святой Анны свежей рыбы для престольного праздника его каливы.

Старец захотел узнать, когда он ее поймал, ибо было воскресенье. И вот он спрашивает рыбака:

— Когда ты поймал эту рыбу?

Тот отвечает:

— Сегодня утром. Она свежая-пресвежая!

Тогда старец Мина говорит ему:

— Дитя мое, я не могу ее купить. Она запретная, потому что ты поймал ее в воскресный день.

Рыбак не мог взять этого в толк. Тогда старец говорит ему:

— Хочешь в этом убедиться сам? — Брось одну рыбешку коту и увидишь, что тот не станет ее есть.

И действительно, кот посмотрел на рыбу с отвращением и даже не притронулся к ней. Для рыбака это было большим вразумлением, и с тех пор он начал почитать воскресные дни и большие праздники.

Отец Мина был настоящим монахом, отличавшимся особым благоговением и усердием к подвигам. Вкушал он один раз в день, после девятого часа[1], и пища его была без растительного масла. К тому же он был очень смиренным, и потому в нем обитала Божественная благодать.

Попечение святого Георгия о празднике в его честь

Послушник Хаджи-Георгия старец Евлогий из келлии святого Георгия Явленного однажды на праздник святого не смог раздобыть рыбы и решил возложить попечение об этом на святого Георгия.

И вот накануне праздника он вдруг слышит, что в дверь ударяет какое-то животное. Он вышел наружу, и что же предстало его взору? Перед ним стоял мул, нагруженный отличной рыбой, которой было восемьдесят окад[2]. Он прославил Бога и поблагодарил святого. Затем позаботился и о животном, которое само пришло издалека, приведенное святым Георгием.

Как же это произошло? Один житель деревни Иериссос нагрузил двух животных рыбой и повез ее в монастырь Зограф. Святой взял одно из животных и отвел его в келлию святого Георгия Явленного, в которой ему молился благоговейный старец Евлогий. Житель Иериссоса начал искать пропавшего мула, повсюду спрашивал о нем, покуда не узнал, что рыба доставлена в келлию святого Георгия. Он тоже понял, что это было чудо и что таким образом святой

[1]После трех часов дня по гражданскому времени.

[2]1 окада равна 1280 граммам.

проявил заботу о своем празднике, и все вместе они прославили Бога.

Святой Спиридон заботится о престольном празднике

Однажды в принадлежащей монастырю Кутлумуш келлии святого Спиридона, в которой подвизались выходцы с острова Керкира[1], накануне праздника святого Спиридона отцы не смогли достать рыбы и начали из-за этого беспокоиться. Тогда монахи предложили старцу купить сушеной трески, раз уж не смогли достать свежей рыбы. Однако старец успокоил их: «Потерпите, святой Спиридон пошлет нам рыбы», — и безостановочно продолжал перебирать четки.

Когда монахи уже потеряли терпение и расстроились, так как пришло время готовить обед, они вдруг услышали стук в дверь. Открывают, и что же видят? Двух рыбаков с двумя корзинами, полными рыбы. Рыбаки попросили разрешения поговорить со старцем. Послушники позвали старца, но рыбаки сказали:

— Это не тот старец. К нам приходил какой-то другой старец и сказал: «Отнесите рыбу в келлию святого Спиридона, где теперь праздник, и получите хорошую плату. Если хотите, я дам вам аванс».

Старец понял, что произошло чудо, и повел их в храм приложиться к иконам. Как только они увидели икону святого Спиридона, в один голос воскликнули:

— Это тот старец, который просил нас принести вам рыбу!

Тогда старец стал сокрушаться:

— Ах, чада, почему же вы не взяли аванс, он был бы у нас как благословение от святого!

---

[1]На о. Керкира (Корфу) находятся мощи святого Спиридона Тримифунтского, и он считается покровителем острова.

Бог подает нам Свое благословение, когда мы подаем благословение

Отец Савва из монастыря преподобного Филофея рассказывал мне, что во время голода 1917 года иверские монахи, видя, как пустеют склады обители, ограничили свое гостеприимство. Один скупой проэстос[1] даже настоял на том, чтобы вообще прекратили принимать посетителей. После этого Христос тоже перестал подавать им Свое благословение. Отцы начали голодать и стали жаловаться, что Господь и Божия Матерь не заботятся о Своей обители. К сожалению, они так и не осознали своего греха.

И вот однажды привратнику монастыря явился Христос в виде нищего и попросил у него немного хлеба. Привратник с огорчением говорит ему:

— У нас нет хлеба, брат, поэтому мы перестали принимать посетителей. Однако погоди, я принесу тебе из келлии свой кусок хлеба.

Он побежал в келлию и принес ему свой кусок хлеба. Вдруг он видит, как лицо нищего засияло.

Нищий, взяв хлеб, говорит привратнику:

— Знаете ли вы, почему монастырь постигло такое бедствие? Потому что вы изгнали из обители двоих: «давайте» и «дастся».

После этих слов Он сделался невидимым, озарив все вокруг светом, ослепившим привратника. Тот в страхе и растерянности побежал к настоятелям обители и рассказал им о случившемся. Отцы сначала мучительно вспоминали, кого же они изгнали. Но потом поняли, что тот нищий был Христос, и уразумели евангельские слова: «Давайте, и дастся вам» (Лк. 6, 38).

---

[1]В то время Иверский монастырь был особножительным, и часто менявшиеся проигумены имели в нем очень небольшую власть. Важнейшие вопросы в жизни монастыря решались собором почетных старцев — проэстосов.

Иверский монастырь

Иверский монастырь

После этого они немедленно раскаялись в своем грехе и, как только начали подавать от недостатка своего бедным, получили щедрые благословения Божии.

Попечение иконы Божией Матери Гликофилусы об обители преподобного Филофея

Во время немецкой оккупации запасы пшеницы в монастыре преподобного Филофея были на исходе, и отцы решили прекратить принимать посетителей. Один благочестивый старец отец Савва, узнав об этом, опечалился и начал упрашивать совет старцев обители не делать этого, потому что этим они опечалят Христа и монастырь лишится благословения. Он привел множество примеров из Священного Писания, в том числе историю вдовицы из Сарепты Сидонской и пророка Илии[1], и его, наконец, послушались. Однако по прошествии какого-то времени старца стали донимать укорами, говоря:

— Мука закончилась. Что теперь будет?

Старец им отвечал:

— Отцы мои, то немногое, что еще осталось, доедим вместе с народом, а Божия Матерь нас не оставит.

В кладовых монастыря оставалось лишь двадцать пять окад пшеницы и больше ничего, и монахи начали довольно язвительно выговаривать отцу Савве:

— Отец Савва, пшеница закончилась, что теперь будет?

Но благочестивый и исполненный веры старец на это отвечал:

— Не теряйте надежды на Гликофилусу. Замесите оставшиеся двадцать пять окад, испеките из них хлеб и раздайте его братии и мирянам, а Бог, как Благий Отец, позаботится о всех нас.

---

[1]См.: 3 Цар. 17.

Когда у них закончился последний хлеб, то не успели они даже проголодаться, как к пристани монастыря причалил корабль, шедший из Кавалы[1], и капитан предложил обменять пшеницу, которую он вез, на дрова. Монахи, видя очевидный Промысл Божией Матери, Которая, как Добрая Мать, позаботилась о Своих детях, прославили Бога. Конечно, больше всех славил Бога и благодарил Божию Матерь отец Савва, всегда воссылавший Ей благодарения самой своей святой жизнью.

После этого он напоминал отцам: «Разве я не говорил вам, что Божия Матерь нас не оставит?»

Немилосердный монах, впавший в прелесть оттого, что подвизался без любви и рассуждения

Отец N пришел на Святую Гору вместе со своим другом. Они решили стать монахами после одного чуда, свидетелями которого оказались у иконы Божией Матери на острове Тинос[2], когда получил исцеление один расслабленный от рождения. Его друг остался жить в Новом скиту, а сам отец N обошел всю северо-восточную часть Святой Горы и принял монашество в одном особножительном монастыре.

Так как жизнь в особножительных монастырях свободная, нужна большая осторожность, потому что при неправильном пользовании свободой можно стать еще хуже, чем в миру, можно также впасть в прелесть.

Отец N горел ревностью к подвигам, однако расслабленный дух особножительного монастыря породил в нем сначала гордость, а затем и превозношение.

---

[1]Город на севере Греции.

[2]На о. Тинос, расположенном в Эгейском море, в начале XIX столетия была явлена чудотворная икона Благовещения Божией Матери, от которой и до сего дня совершается множество исцелений и других чудес. Это одно из мест паломничества в Греции.

Чем больше он с гордостью подвизался, тем сильнее ожесточалось его сердце. Его не волновало, что его ближний находился в опасности или скорби, — главным для него было совершить свои многочисленные сотницы и сделать побольше поклонов. Все свое время, с точностью до минут, он заполнил подвигами, чтением канонов и так далее. Он эгоистически понуждал себя к подвигам, чтобы стать святым, и в конце концов начал ощущать душевную тяжесть. Он соблюдал строгий пост, ничего не вкушал до вечера или же по три дня подряд. Тот, кто встречал его — согбенного, высохшего, с серьезным выражением лица, — судя по его внешнему виду мог вообразить, что перед ним великий подвижник. Он имел послушание лесничего, которое тоже сильно ему вредило. Когда он возвращался в монастырь, можно было подумать, что это Антоний Великий спускается с гор.[1] Он не разговаривал ни с кем из братий, закрывался у себя в келлии и, как я уже говорил, эгоистически понуждал себя к подвигам, чтобы стать святым.

Однажды один рабочий упал в лесу с дерева и, бедный, покалечился. Его сын тут же взвалил его на себя и донес до монастыря, чтобы сообщить о случившемся лесничему отцу N и попросить у него одеяло, чтобы отнести своего отца на пристань и отправить в Фессалоники. Монах, к сожалению, не только не дал ему одеяла, но даже не захотел выслушать его, пожалев времени, которое отнимал у него юноша со своим отцом. Хотя на самом деле, конечно, он был обязан не только выслушать его, но и помочь, потому что был лесничим и проэстосом. Однако, к несчастью, он закрыл перед юношей дверь своей келлии, чтобы не терять времени, и продолжил свое правило.

---

[1]Из жития святого Антония Великого известно, что, когда возникла опасность для Церкви от арианской ереси, он оставил гору, на которой подвизался, и спустился в Александрию, чтобы защитить Православие.

Отцы обители, увидев плачущего юношу, подошли к нему и спросили, что случилось. Узнав причину его горя, они пожалели его, успокоили и помогли ему перевезти отца и устроить его в больницу.

После такого немилосердия (!) неудивительно было, что от него совершенно отошла благодать Божия и он, несчастный, постепенно впал в помрачение. Он начал хвалиться, что достиг уже меры святых отцов и видит святых, Ангелов, Свет и так далее.

Однажды ему в очередной раз явился якобы Ангел и говорит:

— Отец N, быстро собирайся, потому что я скоро еще раз приду и заберу тебя с собой.

Тот ответил:

— Как благословишь! — и поспешно надел на себя свою новую рясу и схиму.

Вскоре «Ангел» снова его позвал:

— Давай скорее, залезай на подоконник, и я тебя заберу.

Отец ему в ответ:

— Погоди, дай мне найти скамейку, чтобы забраться.

После этого разговора, как мне рассказывал проигумен отец X, послышался удар о землю и выкрик «Ох!» Когда подбежали отцы, монах уже скончался. Он разбился, потому что был рослый, да и высота была большая — он упал с третьего этажа на мощеный двор. Отцы положили его в одеяло. Их скорбь была двойной, потому что больше всего они думали о погибели его души. После этого они поднялись в его келлию, чтобы навести в ней порядок, и нашли там лист бумаги, на котором большими буквами было написано следующее: «Под этим листом лежат три тысячи драхм на сорокоуст. Если вы не совершите его за меня, то да будет на вас проказа Гиезия, муки Иуды и анафема 318-ти богоносных отцов Первого Вселенского Собора». А в конце стояла его подпись.

Благий Господь, Который есть весь милосердие, да помилует Свое несчастное создание, а для нас это двойное падение прельщенного брата да будет двойным тормозом, чтобы мы подвизались с великим смирением и любовью и таким образом приблизились к Богу. Аминь.

Монах, спасшийся от великой прелести

Монах одной из обителей подвизался с большой ревностью, но при этом имел великое самомнение. Постепенно он перестал причащаться, потому что поверил помыслу, который говорил ему, что у него больше нет нужды в Божественном Причащении и что в нем обитает Христос. В церкви он брал только антидор, и этого ему часто хватало на целый день, ибо он строго постился. Святой воды он никогда не пил и говорил себе, несчастный: «Я уже стал святым, и моча у меня освящена. Я могу пить ее, когда захочу».

И вот этот несчастный начал пить свою собственную мочу! Представляете, в какую мерзкую прелесть он впал?

Он стал дичать, бесчинствовал в обители и нес всякую несуразицу. Отцы были вынуждены ради его собственной безопасности заключить его в монастырской башне, а сами стали молиться, чтобы он пришел в себя. Одному из братий они поручили ухаживать за ним и следить, чтобы он ничего с собой не сделал. Всякий раз, когда этот брат приносил ему еду, он рассказывал ему о каком-нибудь из своих ложных видений: «Я, брат, видел святого», или: «Я видел Ангела», или: «Я буду святым мучеником» и так далее. Брат, зная об этом, никогда не оставлял ему острых предметов и приносил все готовым, очищенным и нарезанным.

Но однажды, когда он по случаю праздника принес ему открытую банку сардин, лукавый задал ему хлопот. После того, как прельщенный брат съел свой обед, ему опять явился диавол в виде Ангела и говорит: «Христос уже уготовал тебе преподобнический венец. Теперь готовит и мученический, ожидая, что ты совершишь мученический подвиг в этой темнице, в которой ты терпишь страдания ради Его любви».

После этого он внушил ему помысел принять мученическую смерть, и тот принялся искать что-нибудь острое. Так, наставляемый диаволом, он наткнулся на крышку от консервной банки. Несчастный монах взял эту крышку и сам начал себя мучить. Он медленно, так как это причиняло ему боль, резал себе горло, резал и при этом кричал.

На душераздирающие крики немедленно сбежались отцы, и первым среди них был монах, смотревший за ним. Что же они увидели? Перед ними предстала картина, вызывавшая и смех и слезы. Бедный монах кричал и в то же время продолжал резать себе горло. Когда отцы вырвали у него из рук крышку, он завопил:

— Дайте мне умереть мучеником!

Служивший ему монах схватил его и говорит:

— Потерпи немного, я сначала перевяжу тебе рану, а потом сам сделаю тебя мучеником, чтобы ты еще и воздаяние получил...

Этот брат имел большую любовь и всем жертвовал ради других, но при этом был живой по характеру. Перевязав ему раны, он снял с себя пояс и начал бить его по спине. Он ударил его несколько раз, но прельщенный монах не выдержал ударов, которые тот нанес ему, и стал кричать:

— Оставь меня, я не могу терпеть мучений!

Так он был осмеян и смирён перед всеми отцами. Хотя сам, по своей воле, поскольку ему помогал диавол, он готов был отрезать себе голову, но, когда лю-

бящий брат ударил его два-три раза по спине, чтобы он пришел в себя, сразу отказался от мученичества!

Несчастные отцы обители непрестанно молились, чтобы Бог нашел способ спасти брата от ужасной прелести, и Благий Господь помог ему. Этот брат смирился, покаялся, исповедался, причастился и по благодати Христовой пришел в себя и спасся из когтей человекоубийцы. После этого он еще достаточно прожил с сокрушением и смирением и упокоился в Господе. Слава Богу!

Радостные события

Когда человек постоянно ест одни сладкие плоды, а потом ему попадается горький или кислый плод, то ему нужно съесть еще один-два сладких, чтобы прошла горечь. То же самое в духовном смысле мы должны сделать и в нашем случае. Поскольку я огорчил вас двумя последними рассказами, то теперь хорошо было бы предложить повествование о двух небольших, но очень сладостных божественных происшествиях, чтобы опять духовно усладить ваши души.

Сам я этого не видел, но слышал от благоговейных старцев, в том числе и от своего старца, на глазах которого все это происходило.

В Катунаках, в каливе «Достойно есть», около пятидесяти лет назад жил один старец с тремя своими послушниками: отцом Георгием, отцом Пахомием и отцом Хризостомом. После смерти старца его преемником стал старший по монашескому постригу отец Георгий. Однако из-за того, что новый старец был очень простым и совершенно неграмотным, два других брата не захотели ему подчиняться, будучи более образованными, чем отец Георгий, а также немного гордыми, и оставили его. Со временем они расстались, потому что опять один не смог подчиниться другому. Они сменили множество мест, переходя из монастыря в монастырь, из келлии в келлию.

Однажды один из них вспомнил о старце, которого они оставили одного на старости лет, и решил пойти навестить его. Набрав в котомку благословений, он отправился в путь.

Подойдя к каливе, по соседству с которой жил старец, он спросил о нем, но там ему сказали, что уже давно его не видели. Другой монах сообщил ему: «Неделю назад у него из трубы шел дым, должно быть, у него все в порядке».

Наконец он со все возраставшим беспокойством добрался до каливы и, обнаружив, что снаружи и внутри ее стояла полная тишина, забеспокоился еще больше. Он начал громко кричать и стучать в дверь, но безрезультатно. Наконец он налег на дверь, отворил ее и вошел внутрь. Увидев старца лежащим на кровати, он обратился к нему:

— Благослови, старче, как твои дела? Вот, пришел повидать тебя.

Старец же с большим огорчением ответил:

— О, благословенный, лучше бы ты не приходил, потому что, как только ты вошел, исчез святой Ангел, который служил мне. Поэтому я и не открывал тебе. Больше не приходи, благословенный, потому что ты прогоняешь святого Ангела.

Брат ушел в свою келлию, а старец остался лежать на досках своей кровати, оставленный всеми людьми. Но Бог, так как он предал себя в руки Его, сподобил его принимать служение от Ангелов.

Приблизительно в то же время и в том же месте, только чуть дальше, в скиту святого Василия, жил отец Феофилакт, отличавшийся великим благоговением и подвижническим духом. Все вокруг считали, что он святой, потому что, сколько он ни пытался укрыться от людских глаз, его святая жизнь не могла оставаться неизвестной. Часто отцы видели его пребывающим в состоянии созерцания. У него было два послушника: отец Арсений и отец Памфил. Как я уже сказал, отец Феофилакт, с одной стороны, был

великим подвижником, а с другой — отличался великим благоговением и часто приходил в состояние сердечного умиления, так что ему трудно было молиться в присутствии людей. Чтобы другие не слышали его плача и не видели его слез, которые он не мог удерживать, во время богослужения он обычно удалялся в горы и пещеры и возвращался утром. Он жил высокой духовной жизнью, однако свои добродетели старался возделывать незаметно, так как имел великое смирение.

Однажды зимней ночью он вновь ушел в горы совершать свое богослужение, но тут началась вьюга. Отцы заволновались, не обнаружив утром своего старца, и пошли искать его, боясь, что его занесло в горах снегом. Во время поисков они вдруг заметили на скале что-то черное и подошли ближе. Они очень опечалились, когда увидели,что их старец совершенно неподвижен, так как подумали, что он замерз. Но когда они дотронулись до него, то увидели, что его тело пылало жаром и снег вокруг него от его горячей молитвы растаял. От прикосновения святой старец с трудом пришел в себя, выйдя из состояния духовного созерцания, в котором находился. Или, лучше сказать, его ум вновь вернулся из рая в удел Божией Матери.

Отцы пустынники[1] считали отца Феофилакта исихастом и очень почитали его. А демоны ему завидовали. Так как он стал другом Ангелов и был восхищаем на Небеса, они любым способом пытались отвлечь его во время молитвы, когда он пребывал в состоянии созерцания. Но у них ничего не получалось.

Один раз, когда он, находясь в скиту святого Василия, пребывал в состоянии созерцания, бесы перенесли его в Кавсокаливский скит, чтобы отвлечь от молитвы. Однако и на сей раз у них ничего не вышло.

[1]То есть монахи, жившие в афонских пустынях: святого Василия, святой Анны, в Катунаках и Каруле.

Старцы в тех местах говорили, что отец Феофилакт водил большую дружбу с дикими зверями, которые чувствовали его любовь и приходили к нему в каливу, когда имели какую-нибудь нужду. Однажды косуля, у которой была сломана нога, подошла к его келлии и начала жалобно кричать, показывая старцу свою сломанную ногу. Тот принес ей немного сухарей, чтобы она подкрепилась, а сам тем временем изготовил две дощечки, наложил ей на ногу шину и сказал: «Теперь иди с миром, а через неделю приходи опять — я посмотрю твою ногу».

Добрый старец понимал животное, как врач понимает больного человека, потому что стал человеком Божиим! Да будут с нами его молитвы, а также молитвы всех преподобных отцов наших.

Молитвами преподобных афонских отцов наших, Господи Иисусе Христе, Боже, Богородицею помилуй нас. Аминь.

Ангел восьмого дня[1]

Отец Вениамин Катунакиот еще в миру жил очень благочестивой жизнью, потому что воспитывался в семье с крепкими христианскими устоями. Чрезвычайная любовь юноши ко Христу заставила его оставить родителей, родину, работу (он служил в полиции), а также мирские радости и прийти в удел Божией Матери, на Святую Гору, чтобы записаться добровольцем в ангельский монашеский чин.

Вначале он отправился к старцу Каллинику Исихасту. Рассудительный отец Каллиник сразу же увидел его великую ревность, но при этом заметил и болезненность его тела. Поэтому он рассказал ему об образе своей жизни, чтобы юноша искал себе другое место с менее строгим уставом. «Я, дитя мое, — ска-

[1]По объяснению святых отцов, седмицами исчисляется время «века сего», а восьмой день — это символ нескончаемой вечности, «жизни Будущего Века».

зал он ему, — ем по пятьдесят драмов[1] сухарей с водой один раз в день после девятого часа. Если ты сможешь выдержать такую жизнь, оставайся. Если же нет, иди куда-нибудь в другое место».

Так как юноша имел предрасположенность к туберкулезу и его здоровье не позволяло ему нести такие суровые подвиги, он пошел к старцу Пахомию в каливу «Достойно есть». Там он принял постриг с именем Вениамин и с ревностью подвизался на протяжении многих лет. Он был великим подвижником, несмотря на свое слабое здоровье. Каждую ночь проводил в бдении, а днем у него в руках всегда было либо рукоделие, либо святоотеческая книга. Молитва никогда не покидала его уст до конца жизни, когда ангельская душа его возлетела на Небеса.

Когда его душа отходила на Небеса, одна Христа ради юродивая, находившаяся возле монастыря Кератэи[2] и смотревшая за овчарней, громко закричала: «Ох, ох! Что мы потеряли! Ушел, ушел! Только что умер Вениамин из Катунак. Его душа пошла ко Христу, и Христос повелел Ангелам повязать на лоб Вениамину красную ленту с надписью: “Ангел восьмого дня”!»

[1] 1 драм равен 3,2 грамма.
[2] Монастырь в честь Божией Матери, находящийся в Аттике.

Возвращение к Богу — с земли на Небеса

Благий Господь сотворил Ангелов, но некоторые из них из-за гордости стали демонами. Затем Бог сотворил человека, чтобы восполнить падший ангельский чин, а демонам до времени дал определенную свободу, чтобы они помогали нам своей злобой «сдать экзамены» здесь, на земле, и перейти в Жизнь Вечную. Пока человек живет, он имеет право сдавать духовные экзамены. Но пересдачи экзаменов не бывает.

Итак, будем подвизаться, чтобы положить духовное основание для перехода в рай. Аминь.

***

Тот, кто духовно подвизается, нападает на своего врага — диавола и поэтому сам терпит нападения с его стороны. Человек, победивший мысленного врага, увенчивается Христом.

***

Опыт приобретается благодаря огню[1], который вызывает на себя воин Христов со стороны бесов в духовном сражении. Перед началом боя враг совершает артподготовку с помощью помыслов. Самым надежным оружием против вражеских помыслов является молитва Иисусова.

---

[1]Здесь игра слов, сходных по звучанию: πεῖρα (опыт) — πυρά (огонь).

***

Духовное преуспеяние подвизающегося зависит не от того, насколько хорош духовный отец, но от того, насколько чисты помыслы послушника.

***

Послушник, который принимает лукавый помысел против старца и теряет к нему доверие, падает сам, подобно тому, как обрушивается купол, когда из него убирают центральный кирпич, на котором все держится.

***

Чтобы ум и сердце обрели непорочность, человек должен не принимать лукавые помыслы и при этом сам должен не мудрствовать лукаво. Он должен все делать просто и смиренно, а также с ревностью подвизаться.

***

Для подвизающихся ради сохранения своей душевной и телесной непорочности чистые помыслы имеют бóльшую духовную силу, чем любые подвиги, пост, бдение и так далее.

***

Естественная плотская брань отступает благодаря посту, бдению, молитве, если при этом нет гордости.

***

Лукавый помысел, вступая в союз с ветхим плотским человеком, приносит душе двойное зло. Точно так же, как диавол, вступая в союз с человеком, приносит миру двойное зло.

***

Но все хульные помыслы — от диавола, а не от человека.

***

Хульными помыслами диавол обычно мучает чувствительных людей, чтобы ввергнуть их в печаль и отчаяние.

***

Хульные помыслы подобны самолетам, которые беспокоят нас своим шумом независимо от нашей воли и которым мы никак не можем помешать. Сильной противовоздушной обороной в таком случае является псалмопение, ибо оно есть одновременно и молитва ко Христу, и пренебрежение к диаволу.

***

В начале своей духовной жизни подвизающийся благодаря духовному чтению, непрестанной молитве и ревностному подвигу сначала изгоняет злые помыслы. После этого к нему приходят уже только чистые помыслы. А позже и они уходят, так что человек начинает ощущать некое опустошение. И потом к нему приходит Божественное просвещение.

***

Человек Божий знает лукавого, тогда как лукавый не знает добрых помыслов людей.

***

Наибольшим недугом нашего времени являются суетные помыслы мирских людей, которые приносят одну душевную тяжесть. Исцелить от этого недуга может только Христос, подающий человеку душевную тишину, а вместе с ней — и вечность. Для этого достаточно человеку только покаяться и обратиться ко Христу.

***

У большого грешника много материала для смирения, а большое смирение способно вместить оби-

лие Божией благодати, достаточно человеку впоследствии избегать поводов и причин для греха, чтобы сохранить эту благодать.

***

Пустыня весьма способствует искоренению душевных страстей, так как в бесплодной пустыне не может расти даже пырей, тогда как во влажных местах он разрастается, как камыш.

***

Восхищайся не тем, кто приближается к Луне, но тем, кто, избегая мирского мудрования, приближается к Богу и непрестанно радуется.

***

Человек, удаляющийся от Бога, не находит душевного покоя ни в сей привременной жизни, ни в будущей. Ибо кто не верит в Бога и будущую Вечную Жизнь, остается безутешным в сей жизни, а также осуждает свою душу на вечные мучения.

***

Насколько люди удаляются от естественной и простой жизни и умножают свои жизненные удобства, настолько же увеличивается тяжесть у них в душе. И чем больше люди преуспевают в мирской вежливости, тем больше теряют простоту, радость и естественную человеческую улыбку.

***

Бог есть бесконечный Дух, и человек духом сроден Богу и духом приближается к Нему. Бог есть бесконечная любовь, и человек чистым сердцем переживает Бога. Бог прост, и благодаря простоте человек верует, смиренно и ревностно подвизается и переживает таинства Божии.

***

Годы проходят, и люди стареют. Не сидите без дела на распутье. Выберите себе крест соответственно своей ревности и идите по одному из тех двух путей, которые предлагает наша Церковь. Следуйте за Христом по Его крестному пути, если хотите возрадоваться радостью Воскресения.

***

Человеческие кресты — это просто крестики, которые помогают спасению наших душ. А Христов крест был очень тяжел, поскольку Он не пользовался для Себя Своей Божественной силой.

***

Самым лучшим лекарством в любом из наших испытаний являются еще большие испытания других людей, достаточно только вспомнить о них.

***

Иисус сладостен, и, если человек возложит горечь своей боли на Христа, эта горечь превращается в сладкий сироп.

***

Хочешь, чтобы твоя молитва стала сердечной и приятной Богу? Сделай боль ближнего своей собственной болью. Одно-единственное сердечное воздыхание о ближнем принесет положительный результат. Божественным извещением о том, что молитва приятна Богу, является Божественное утешение, которое человек испытывает после молитвы.

***

Ночная молитва в безмолвии, благодаря тишине, весьма полезна и наиболее плодотворна для нашего духовного развития, подобно тому как тихий ночной дождь очень полезен для роста растений.

***

Сон после захода солнца приносит очень большую пользу телу, а бдение после захода солнца приносит очень большую пользу душе благодаря умиленной молитве.

***

Постоянно перебирайте четки, пока духовный мотор не разогреется и духовная машина не тронется с места. Тогда сердце само будет молиться.

***

Соразмерно жертве и молитве, которую человек приносит о себе и своем ближнем, он получит и помощь Божию.

***

Доверие Богу во всем, что не может быть достигнуто человеческими усилиями, является непрестанной тайной молитвой, приносящей положительные результаты.

***

Кто доверяется Богу, тот сеет славословие и пожинает божественную радость и вечное благословение. А кто сеет несчастья, тот пожинает несчастья и собирает душевную тяжесть.

***

Сладость жизни ощущают не те, которые радуются по-мирски, но те, которые живут духовно и с радостью принимают скорби, как лекарственные травы для исцеления души, а также питаются только ради поддержания тела.

***

Если твой ближний голоден, отдай ему свою пищу. Если возле тебя нет ни одного голодного человека, отдай свою пищу голодным животным, потому

что от поста ты получишь душевную пользу и помощь для достижения рая, а у бедных животных нет рая. Однако для них достаточно и того, что у них нет и ада.

***

Радость, которую человек ощущает, когда принимает как благословение что-либо вещественное, является человеческой радостью. Тогда как радость, которую человек ощущает, когда дает, есть Божественная радость. Она приходит только тогда, когда дают.

***

Духовного изменения, которое вместе с сердечным радованием получает душа от небольшой милостыни или доброты по отношению к ближнему, не может произвести даже самый великий кардиолог — дай ему хоть мешок долларов.

***

Для того, кто из чистой любви устает ради своего ближнего, усталость становится отдыхом. А тот, кто любит самого себя и ничего не делает, устает даже от того, что сидит без дела.

***

Старательный человек, какую бы жизнь он себе ни избрал, в монашестве или в миру, всегда будет духовно преуспевать, потому что трудится с усердием. Тогда как человек, не возделывающий в себе старательности, которую даровал ему Бог, не преуспеет ни на одном, ни на другом пути.

***

Бедные животные ведут себя лучше, чем бесчувственные люди, потому что их покупают не только сострадательные, но и бессердечные люди, и они под-

чиняются им без всякого рассуждения, выполняют тяжелую работу и все безропотно переносят, не получая никакого вознаграждения. Следовательно, они превосходят нас и в нестяжательности, и в терпении, и в послушании.

***

Более высокую любовь имеет человек, который смиренно берет на себя прегрешение своего ближнего, чем тот, кто взваливает на свои плечи тяжелую ношу своего спутника.

***

Принимай обиды как великое благословение, потому что таким образом можешь скопить себе благословение на Небесах. Однако сам не стремись к тому, чтобы тебя обижали, потому что за этим скрывается вежливая злоба.

***

Если кто-нибудь обижает тебя, не говори: «Пусть тебя Бог накажет», потому что это вежливое проклятие.

***

Если человек искренне просит у тебя прощения, когда согрешит перед тобой, прощай ему с добротой всякий раз его согрешения и люби его вблизи. А лукавого человека, якобы просящего у тебя прощения, чтобы благодаря этому делать, что ему нужно, и постоянно впутывать тебя в свои дела, которые приносят душевный вред другим людям, прости семьдесят семь раз и после этого люби его издалека и молись о нем.

***

С радостью принимай обиду, когда она не вредит твоей душе. Чем более духовен человек, тем меньше

прав имеет он в сей жизни, потому что права праведника Христос хранит в Небесной жизни.

***

Чем больше трудится ради Христа тело, тем больше радуется возле Христа душа и тем больший результат дает приношение человека своим ближним, потому что в таком случае это приношение духовно.

***

Сердобольный человек ставит себя на место страждущего, молится, утешает его, но при этом и сам соответственно своему состраданию получает от Христа мзду в виде Божественного утешения. Тогда как немилосердного человека, пытающегося захватить место другого, когда он добьется своего, самого охватывает душевное беспокойство, и он уже в сей жизни отчасти живет в аду.

***

В любви к нашему ближнему кроется наша великая любовь ко Христу. В почитании Божией Матери и святых кроется наше благоговейное почитание Христа в Троичном Боге.

***

Святые Ангелы с ликованием и благоговением непрестанно славословят Бога: «Свят, Свят...»

***

Чтобы взлететь подобно Ангелу, человек должен отбросить все свои душевные страсти, а имущество раздать бедным, потому что, где материальное богатство, там духовное убожество.

***

Бедного человека даже разбойник жалеет и милует, тогда как богатого делает нестяжателем недобрым способом. Хорошо, когда человек становится нестяжателем сам, согласно священному Евангелию Христову, стремясь унаследовать Небесное Царство.

***

Так как небесная жизнь людей будет ангельской, некоторые усердные юноши и девушки начинают ее еще в этой жизни, становясь монахами и монахинями и живя в девстве, нестяжании и послушании.

***

Ангельский образ один как для монахов, так и для монахинь: *нет мужеского пола, ни женского*[1].

***

Чтобы в наших сердцах выросло монашеское мудрование, предварительно должно умереть и стать перегноем наше мирское мудрование. А для того, чтобы умертвить страсти, мы должны размышлять о смерти и Суде и с ревностью потерпеть страдания ради Христа, Который много пострадал даже до смерти, чтобы нас искупить.

***

Хорошо, если монах умрет в той же обители, где начал монашескую жизнь в покаянии, но — в покаянии.

***

Кто знает о великом достоинстве ангельского образа, тот не стремится к другим званиям. Если ты станешь настоящим монахом, то будешь иметь духовную радость как на земле, так и на Небе. А если

[1]Гал. 3, 28.

нет, над тобой будут смеяться мирские люди и о тебе будут печалиться Ангелы.

***

Монах, который живет по-мирски, в жизни своей несчастен и постоянно страдает. Также и перед Христом будет стоять вопрос, где его поместить в будущей жизни: с монахами или с мирянами?

***

Монах — это свет, маяк на скале, а не фонарь для мира.

***

Когда монах Христа ради отказывается видеть людей, он видит множество людей и Божественным образом молитвой помогает им в делах, которые не могут быть исполнены человеческими средствами.

***

Монахи — это связисты[1] нашей Церкви. Поэтому они удаляются подальше от мирских помех, чтобы иметь постоянную связь со Христом в молитве и помогать другим людям.

***

Если монах с гордостью сравнивает себя с мирскими, то падет и станет мирянином. А если со смирением призывает милость Божию, подвизается и всех людей считает хорошими и святыми, — подражает святым.

***

Для того чтобы душа духовно воскресла, человек должен распяться, чтобы умерли его душевные

---

[1]То есть люди, которые «выходят на связь» с Богом посредством чистой молитвы. — *Прим. ред.*

страсти и прежде всего эгоизм — бесчинное дитя гордыни, которое препятствует Божественной благодати и разбивает человеку лицо.

***

Ради духовного преуспеяния монах должен оставить рассудочность, смириться и поработать сердцем, а монахиня должна оставить зависть и тому подобное, духовно возмужать и руководствоваться рассудком, чтобы притормаживать сердце.

***

Не считайте духовный труд над самими собой пустой тратой времени, потому что он является духовной необходимостью для вас самих, а также приносит большую пользу вашему ближнему.

***

Будьте внимательны, чтобы не приобрести себе имени, потому что оно станет наибольшим врагом вашего безмолвия. Монаху нужно быть еще внимательнее, чтобы не приобрести имени за внимательную духовную жизнь, потому что иначе из-за мирских похвал он потеряет все свои труды. Тогда как, если человек покается после невнимательной жизни, может искупить некоторые свои грехи благодаря тому, что упал в глазах людей.

***

Если человек творит добро и делает это известным для других и гордится, то он уже получает за него мзду, трудится впустую и впадает в грех.

***

Монах, мудрствующий по-мирски, очевидно, избрал не тот путь: хотя он направился ко Христу, его душа идет в мир.

***

Монахи, которые постоянно заняты излишними стройками и мирскими обустройствами, показывают, что они земные кирпичи, брение, но никак не Божественный ум.

***

Простые постройки и неказистые вещи мысленно переносят монахов в пещеры и незатейливые келлии святых отцов, благодаря чему они получают большую духовную пользу. Тогда как мирские — напоминают мир и делают монахов в душе мирянами.

***

Святые афонские отцы, как и мы, были людьми. И Афон был дикой горой, как и другие горы. Но поскольку наши отцы с ревностью подвизались, то сами стали святыми и гору освятили, так что она стала называться Святой Горой, и мы сейчас похваляемся тем, что являемся святогорцами.

***

Наши святые отцы освятили пустыню, превратив ее в духовное государство, а мы, к несчастью, превратили ее в мирское государство.

***

Всякий мирской порядок в монашестве есть большой духовный беспорядок.

***

Брат, не желай приспособить тихую пустыню к своему беспокойному мирскому духу, но чти пустыню, чтобы она своей безмятежностью помогла тебе опустошиться от твоих страстей и получить благодать Христову.

***

Если хочешь стать исихастом и жить в безмолвии, сначала стяжи внутреннее безмолвие среди внешней суеты и чистые помыслы.

***

Новоначальный, отрывающийся от братии, ради того чтобы стать безмолвником, похож на неспелую смокву, которая отрывается от дерева, хотя из нее еще течет молоко. Ясно, что она еще нуждается в молоке.

***

Раньше, когда было больше старцев, молодые монахи тоже преуспевали духовно. А в наше время, когда большинство из нас просто старики, что делать молодым?

***

В старые времена наши отцы имели подвижнический дух. Они много постились и предпочитали пресную пищу[1], и потому были и святыми и здоровыми. А мы в наше время избегаем подвигов и пресной пищи, и сами становимся пресными. Даже курица, если бы не копалась в земле и похудела, могла бы летать, и ястреб тогда не мог бы ее поймать.

***

Человек, идущий с тяжелой ношей, ждет момента, когда сможет ее сбросить. Насколько же тяжелее постоянно носить на себе излишний вес, возникающий от многоядения и к тому же вредный для здоровья!

---

[1]Старец Паисий настаивает на том, что монах не должен вкушать жареной пищи. В другой своей книге «Письма» он говорит, что монаху «прежде всего нужно выбросить сковородку, чтобы не поджаривать свою плоть, а также спасти свой желудок от язвы».

***

Аскетичный человек видит в своей подобной скелету плоти друга своей души, помогающего ему в ее освящении. А упитанный делает из плоти врага души, воюющего с ней. Тогда лукавый ищет удобный случай для того, чтобы начать бомбить его постыдными помыслами.

***

После поста хлеб сладок. После бдения сон сладок. А при усталости и на твердом камне можно отдохнуть лучше, чем в кресле.

***

Насколько человек избегает человеческого утешения, настолько к нему приближается Божественное.

***

Если бы люди жили просто, по-евангельски, со Христом, тогда они непрестанно услаждались бы Христом, их бы не мучило мирское душевное беспокойство, они бы не отравляли себя успокоительными лекарствами и не вели растительную жизнь.

***

Человеческие удобства, превзойдя всякие границы, превратились в неудобства[1]. Умножилось число машин, умножились и заботы, и из человека это сделало машину. Теперь машины и железо командуют человеком, а поэтому и людские сердца стали железными.

***

Мирской прогресс вместе с греховной свободой принес духовное рабство. Духовное подчинение воле

---

[1]Имеются в виду неудобства для духовной жизни. — *Прим. ред.*

Божией есть душевная свобода, а в духовном руководстве старца — Божественная безопасность.

***

Духовный отец несет ответственность настолько, насколько подчиняется ему послушник.

***

Новоначальный монах — как чистая магнитофонная кассета: за него будет спрошено со старца.

***

Подчинение состоит не в том, чтобы послушник оказывал внешнее послушание, но в том, чтобы он с радостью подчинял свой разум духу старца.

***

Кто держится за свою волю, изгоняет волю Божию и препятствует действию Божественной благодати.

***

Смиренный человек, так как не имеет своей воли и эгоизма, принимает Божественное просвещение, а принимая со смирением советы, становится мудрым.

***

Человек может подчиниться другому либо из благоговения к нему, либо из страха перед ним. Подчинение из благоговения — духовное, а подчинение из страха — это военная дисциплина.

***

Если каждый из нас не исправится, с тем чтобы в мире умножилось добро, тогда каким образом добро сможет победить добрым способом?

***

Не понуждайте себя эгоистически к подвигам сверх сил, вызывая у себя в душе тяжесть. Христос — это любящий Отец, а не тиран. Христос радуется нашему ревностному подвигу.

***

Если мы не можем подвизаться много или вообще не можем подвизаться, тогда, по крайней мере, смиренно признаем это и будем просить милости Божией. Если бы это признание не было нам полезно, то Христос не просил бы от нас и его.

***

Чтобы услышать Божественное вещание Слова Божия и благодаря этому измениться, нужно самому повернуть ручку «приемника» на ту же частоту, на которой через Священное Евангелие вещает Христос, и с благоговением исполнять Его Божественные заповеди.

***

Одно дело — благоговение, и другое — внешнее благочестие. Так и православное восточное благоговение отличается от западного европейского внешнего благочестия. Благоговение имеет Божественную благодать, а внешнее благочестие — человеческий ум.

***

В наше время, когда везде такое брожение умов, мы оставили святоотеческие книги и взяли в руки журналы, которые вносят в умы еще большую путаницу. Большинство из нас оставили Священное Евангелие и все — опытные и неопытные — ухватились за Пидалион[1]. Из-за этого волны так и бьют в борт священного корабля — нашей Церкви.

---

[1]Книга, написанная святым Никодимом Святогорцем и содержащая подробное истолкование священных правил Церкви. Буквально «пидалион» значит «кормило», «штурвал корабля».

***

Хорошо читать духовные книги, но еще лучше применять прочитанное на практике — жить духовно.

***

Настоящий человек не тот, кто правильно говорит, но тот, кто живет правильно, по-евангельски.

***

Раньше люди были пунктуальными[1], искренними, порядочными и так далее, а материальные вещи были дешевыми. В наше же время, к сожалению, люди потеряли пунктуальность, а материальные вещи подорожали.

***

Раньше христиане перед всяким делом осеняли себя крестным знамением, а перед важными делами много молились. В наше же время большинство из нас, к сожалению, не только не молится перед важными делами, но даже не думает об этом, а за наши безрассудные поступки расплачиваются другие.

***

Всякая благая мысль, которая приходит человеку в голову свыше, — от Бога. Наше только то, что идет у нас из носа при насморке.

***

Будет ли кто зеркалом или же просто крышкой от консервной банки, — если на него не упадет солнечный луч, он не сможет засиять.

***

Не смущайтесь, если вам в наследство от родителей достались какие-либо недостатки, но также не

[1]Здесь игра слов: «пунктуальный» в новогреческом языке значит также «дорогой».

гордитесь наследственными добродетелями, потому что Бог спросит с нас за труд, который совершил каждый над своим ветхим человеком.

***

Если спокойный характер способствует духовному преуспеянию единожды, то гневливый — многократно. Достаточно лишь силу гнева направить против зла — своих душевных страстей.

***

Как над иконой, вырезанной по дереву, можно работать бесконечно долго, если использовать лупу, так и над своей душой человек может трудиться бесконечно, по мере того как его душевные очи очищаются и превращаются в телескопы.

***

Если случится, что ты не найдешь человека, чтобы духовно посмотреть на себя в зеркало, тогда немного отойди от своей келлии и посмотри на себя на расстоянии, как на другого человека, и найдешь в себе множество недостатков.

***

Если человек не познает своего ветхого человека, чтобы тем самым смириться естественным образом, то смирение не сможет стать его состоянием, при котором в нем будет пребывать Божественная благодать.

***

Не стремись стать старцем, потому что сама мысль об этом является неудачей. Также не желай быть старцем, если до этого не был послушником.

***

Если ты сразу же стал капитаном и не был до этого юнгой, по крайней мере, советуйся с опытными мореплавателями, чтобы не утонуть вместе со всей командой (не потерпеть полную неудачу).

***

Тот, кто сам стремится к званиям, будет один сражаться на протяжении всей своей жизни. Тот, кого продвигают люди, будет иметь своими помощниками людей. А кого призывает Бог, тому помощником будет Сам Бог.

***

Если кто-то из нас, старцев, окажется немного косоглазым духовно, пусть не требует от братий слепого послушания, чтобы вместе с ними не упасть в пропасть, по слову Писания: *если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму*[1].

***

Не спешите уходить в монастырь, пока не развяжете все свои мирские узлы, если хотите спокойно связать свою жизнь с братией.

***

Прежде чем уйти из мира, сотвори сердечную молитву ко Христу и вверь Богу своих родителей и братьев с сестрами. После этого не вспоминай о них, потому что тогда Сам Христос будет обязан помогать им.

***

Новоначальный монах, вспоминающий своих родителей, братьев и сестер, препятствует пришествию Божественной помощи. Если же он вспоминает и

---

[1]Мф. 15, 14.

мир, то это значит, что он слишком быстро забыл обо всем, что перенес, пытаясь вырваться из мира.

***

Если не можешь вырваться из мира, тогда подвизайся, чтобы, по крайней мере, искоренить в себе мирское мудрование.

***

Трудно искоренить в себе мир, если мы сначала не «искореним» себя из мира — из поводов ко греху.

***

Трудно стяжать Божественную любовь, если мы не вынесем свою любовь за пределы своей маленькой семьи, чтобы войти в большую семью — Адамову, Божию.

***

Новоначальный монах не должен в начале своей монашеской жизни впитывать в себя мирское мудрование, потому что потом он будет постоянно шипеть, подобно свече, фитиль которой намокает, стоит ему попасть в воду.

***

Эгоистичного юношу с живым характером старец не должен смирять резко, потому что иначе он начнет выбрасывать «побеги», подобно молодому дереву, полному соков, у которого обрезают слишком много ветвей.

***

Пока твое духовное дерево еще невысоко и его ветви расположены слишком низко, с радостью позволь духовно огородить и подвязать (ограничить) себя, чтобы не быть обглоданным козами и не прийти в негодность. Терпи, чтобы вырасти духовно и пи-

тать своими плодами других, а также предоставлять им прохладу в тени своих ветвей.

***

Молодое деревце нужно подвязывать мягко, травой, а не проволокой, потому что иначе его кора будет повреждена и оно увянет. Так и ограничение новоначального монаха должно совершаться мягко, с любовью, чтобы он не увял духовно.

***

Духовное чадо не должно предоставлять духовных прав на себя никому иному, кроме своего старца, а также не должно раскрывать своих помыслов мирянам и смирять себя перед ними, ибо получит душевный вред от людей, которые не ведают великой добродетели смиренномудрия.

***

Плотская брань не должна служить препятствием для юноши, который желает стать монахом; достаточно, чтобы он не думал о браке. Небольшой подвиг, пост, бдение и молитва могут подчинить плоть духу, конечно, при наличии смиренномудрия. Одновременно за свои подвиги юноша собирает себе мзду на Небе.

***

Не уходите в монастырь, если не владеете всем своим сердцем, потому что потерпите неудачу.

***

Юноша, который все свое сердце отдает Христу и с доверием подчиняет себя опытному духовному старцу, с легкостью совлекает с себя своего ветхого человека, подобно молодому картофелю, который очень легко очищается от кожуры. Тогда как человек

в возрасте, если не имеет великой простоты и смирения, напоминает старую картофелину, которая очищается с большим трудом. Даже если она сварена, ее нужно очищать, пока она горячая.

***

Схима, принятая в молодости, даже если она немного запылилась от времени, чище, чем схима старика, который принимает ее перед смертью и забирает с собой в гроб прямо от портного, чистой и наглаженной.

***

Самой великой панихидой за мир и за наших усопших предков является наше духовное преуспеяние, потому что тогда они имеют право на Божественную помощь, не говоря уже о нашей молитве, имеющей дерзновение, и радости, которую испытывают наши прародители за нас, — предмет своей похвалы. И напротив, от нашей худой жизни они страдают в три раза сильнее.

***

Самым великим и самым прекрасным многодетным отцом является человек, который возродился духовно и способствует духовному возрождению своих чад, чтобы они обеспечили себе место в раю.

***

Тех, которые родились увечными или стали увечными по вине других, или по собственной неосторожности, если они не будут роптать, но будут смиренно прославлять Бога и жить со Христом, Бог поместит в чин исповедников.

***

Наш Благий Господь весь великодушие, и радуется даже нашим ничтожным приношениям! Хотя

мы, люди, едим сладкий мед, а Богу приносим воск, Он рад и этому нашему приношению!

***

Тогда как Бог помоями и навозом питает деревья, так что они приносят нам свои прекрасные и ароматные плоды, а также преподает нам Свое обильное благословение, мы, окаянные люди, с неблагодарностью вкушая эти прекрасные плоды и превращая их в навоз, еще — увы — находим, чем гордиться!

***

Все люди получают богатые благословения Божии, но немногие благодарят Бога, чувствуют себя довольными и радуются рядом со Христом.

***

Многие люди имеют все, однако имеют при этом печаль, потому что им не хватает[1] Христа.

Рождество Божией Матери, 8-9-1980.
Келлия монастыря Кутлумуш «Панагуда»[2].
Святая Гора.

Монах Паисий.

Конец и Богу слава

[1]Здесь: игра слов. Слова «печаль» (λύπη) и «не хватает» (λείπει) в новогреческом языке омонимичны.

[2]Келлия старца Паисия, посвященная Рождеству Божией Матери.

Содержание

Издательский отдел Свято-Троицкой Сергиевой Лавры предлагает свои издания

В *оптовой* торговле: более 1000 наименований книг, открытки, календари, церковная утварь и другие товары по заказу. Книги отпускаются по издательским ценам. При необходимости обеспечивается доставка книг железнодорожными контейнерами.

Часы работы: 9.00–18.00.
Без выходных дней.

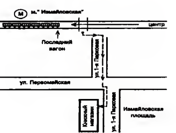
Адрес оптовой торговли:
г. Сергиев Посад, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, Издательский отдел.
Водяная башня (1-й этаж).
Тел.: (254) 4–55–38.
Факс: 4–55–38.

В *розничной* торговле:
книги, иконы (полиграфической печати и авторские, складни), уголь, греческий ладан, подсвечники, лампады, кадильницы, погребальные покрывала, ткани для облачений, пояса для священников и мирян, четки, свечи восковые, подарочные и венчальные, яйца расписные, видео- и аудиокассеты, компакт-диски и другие товары.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «МАКОВЕЦ»

Часы работы:
10.00–19.00.
Выходной — воскресенье.
Адрес: г. Москва, Мясницкий проезд, д. 4/3, строение 1.
Проезд: м. «Красные ворота», выход к Мясницкой улице.
Тел.: 923–21–28.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ИЗМАЙЛОВО»

Часы работы:
10.00–19.00.
Выходной — воскресенье.
Адрес: г. Москва, Измайловская площадь, д. 2.
Проезд: м. «Измайловская».
Тел.: 165–92–71 с 10.00 до 19.00.
Автоответчик — с 19.00 до 10.00.

Свято-Троицкая Сергиева Лавра
Лицензия № 030708 от 23.10.96 г. Формат 84х108/32.
Печать офсетная. Тираж 25 000 экз. Заказ № 99

Отпечатано в типографии Патриаршего издательско-полиграфического центра, г. Сергиев Посад

28 27/10-03 310

